

ЦЕЗАРЬ, ИЛИ ПО ВОЛЕ СУДЬБЫ

«Цезарь» являет нам героя —
и самого автора — в расцвете сил...

Полный поистине
макиавеллиевских махинаций
и захватывающих перипетий,
роман Маккалоу в очередной
раз доказывает, насколько
заслужена автором привязанность
легионов фанатов.

Columbus Dispatch

КОЛИН
МАККАЛОУ

ВЛАДЫКИ
РИМА

Владыки Рима

Колин Маккалоу

Цезарь, или По воле судьбы

«Азбука-Аттикус»

1997

УДК 821(94)
ББК 84(8Авс)-44

Маккалоу К.

Цезарь, или По воле судьбы / К. Маккалоу — «Азбука-Аттикус»,
1997 — (Владыки Рима)

ISBN 978-5-389-18188-5

«Цезарь, или По воле судьбы» – пятый роман знаменитого цикла Колин Маккалоу «Владыки Рима» и продолжение истории блистательного восхождения к власти Юлия Цезаря. 54 г. до Рождества Христова. Гай Юлий Цезарь победоносным маршем шествует по Галлии. Хотя его свершения во имя Рима грандиозны, консервативным лидерам Республики они внушают не радость, а страх: кто знает, как далеко простираются амбиции этого одаренного полководца? Зреет заговор, и Цезарь готов обратить свой гений против своей неблагодарной страны, но ему противостоит Помпей Великий, не только бывший союзник, но и родственник. Рим на пороге новой Гражданской войны. Силы противников равны. Все должно решиться по воле судьбы. Но прежде Цезарь должен перейти Рубикон.

УДК 821(94)
ББК 84(8Авс)-44

ISBN 978-5-389-18188-5

© Маккалоу К., 1997
© Азбука-Аттикус, 1997

Содержание

Британия	6
Косматая Галлия	27
Рим	86
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Колин Маккалоу

Цезарь, или По воле судьбы

*Посвящается Джозефу Мерлино, доброму, мудрому,
восприимчивому, сердечному, добродетельному, по-настоящему
хорошему человеку*

Colleen McCullough

CAESAR

Copyright © 1997 by Colleen McCullough

Published by arrangement with William Morrow, an imprint of HarperCollins Publishers

All rights reserved

© А. П. Кострова, перевод, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020

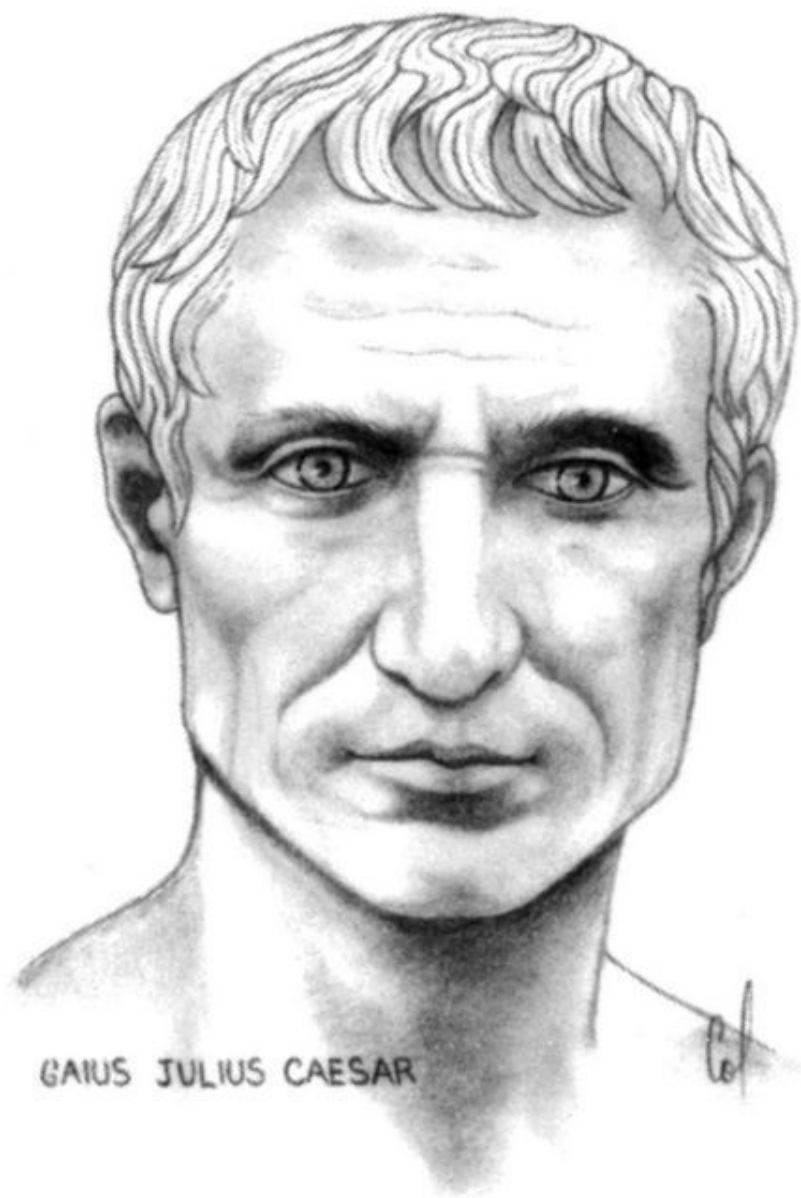
Издательство АЗБУКА®

* * *

Провинции Цезаря

Британия
Ноябрь 54 г. до Р. Х.

Гай Юлий Цезарь

Имелся приказ: пока Цезарь в Британии, никакой корреспонденции ему не пересылать, разве что в самых экстренных случаях. Даже директивам сената следовало дожидаться в галльском порту Итий, когда командующий вернется из второго похода на самый западный в мире остров, столь же загадочный, как и находящаяся на востоке Серика.

Но это было письмо от Помпея Великого, зятя Цезаря и Первого Человека в Риме, поэтому Гай Требатий не стал класть маленький цилиндр из красной кожи с печатью Помпея в долгий ящик, а, вздохнув, тяжело поднялся на ноги. Двигаться резвее ему мешала полнота, свойственная тем, кто проводит все время за столом – письменным или обеденным. Открыв дверь, он вышел на улицу лагеря, наспех сооруженного на месте прошлогоднего, не столь большого. Место не из приятных! Те же прямые, хорошо утрамбованные улицы, те же бесконечные ряды деревянных строений. Есть даже пара лавчонок, а вот деревьев нет вовсе.

«В Риме, – подумал он, ковыляя по *via principalis*, – я бы кликнул носильщиков». Но в лагерях Цезаря никаких паланкинов нет, и потому он, Гай Требатий, многообещающий молодой юрист, вынужден тащиться пешком, отдуваясь и проклиная систему, почему-то решившую, что для его будущей карьеры много полезней солдатская жизнь, чем прогулки по Римскому форуму. Ему даже нельзя послать в порт кого-нибудь вместо себя. Цезарь считает, что человек должен сам выполнять свою работу, даже самую неблагодарную. Не дай бог, если тот, кому перепоручено задание, выражаясь грубым армейским языком, облажается.

О проклятье! Требатий уже хотел было повернуть назад, но потом сунул левую руку в складки тоги, принял важный вид и засеменил дальше. Впереди стоял Тит Лабиен. Прислонившись к стене своего дома и намотав на кулак конский повод, он разговаривал с каким-то крупным, увешанным золотом галлом. Это, похоже, был Литавик, новый командир эдуйских конников, назначенный на этот пост после попытки его предшественника сбежать в Британию. Кстати, предшественника убил именно Лабиен. Как там его звали? Думнориг. Думнориг? Кажется, это странное имя имеет отношение к скандалу, связанному с Цезарем и с некой женщиной? Требатий еще недостаточно долго пробыл в Галлии, чтобы во всем разбираться, вот в чем беда.

Это типично для Лабиена. Он любит якшаться с галлами. Ведь он и сам настоящий варвар! Не римлянин, нет! Густые курчавые черные волосы. Темная пористая кожа. Жесткий холодный взгляд черных глаз. А нос, как у семита, крючком, с ноздрями, словно специально расширенными ножом. Орел. Да, Лабиен, несомненно, орел. Но... не очень-то отвечающий римским стандартам.

– Решил скинуть жирок, а, Требатий? – спросил этот римлянин-варвар и улыбнулся, обнажая длинные зубы, точь-в-точь как у его кобылы.

– Иду в порт, – с достоинством ответил Требатий.

– Зачем?

«Не твое дело», – хотелось ответить, но губы Требатия сложились в вымученную улыбку. В конце концов, в отсутствие главнокомандующего Лабиен его заменяет.

– Надеюсь еще застать баркас. И отправить письмо. Для Цезаря.

– От кого?

Галл Литавик внимательно слушал. Он знал латынь, как и многие эдуи. Уже на протяжении нескольких поколений они были под властью Рима.

– От Гнея Помпея Магна.

– А-а-а!

Лабиен харкнул и сплюнул. Привычка, перенятая у варваров. Отвратительная привычка.

Услышав имя Помпея, Лабиен сразу потерял интерес к разговору и повернулся к юристу спиной. Ну да, еще бы! Ведь у этого Лабиена была интрижка с Муцией Терцией, прежней супругой Помпея. Во всяком случае, так, хихикая, утверждал Цицерон. Но Муция после раз-

вода не вышла замуж за Лабиена: недостаточно хорош. Она вышла за молодого Скавра. По крайней мере, в то время он был еще молодым.

Тяжело дыша, Требатий продолжил путь, пока не вышел из ворот лагеря на другом конце *via principalis* и не оказался в порту, именуемом Итий. Претенциозное название для небольшого рыбацкого поселения. Кто знает, как его называют морины – галлы, на чьей территории он находится. Цезарь просто пришел сюда в солдатских сапогах, словно это конечный пункт путешествия – или исходный. Как хочешь, так и понимай.

Пот градом тек по спине, впитываясь в тонкую шерсть туники. Говорили, что в Галлии климат прохладный и мягкий. Но только не в этом году! Сейчас здесь очень жарко и очень влажно. Порт Итий пропах рыбой. И эти галлы. Требатий их ненавидел. Он ненавидел свою работу. И даже... нет, только не Цезаря. Цезаря ненавидеть нельзя. Но Цицерона возненавидеть он уже был готов. Ведь именно Цицерон, используя все свое влияние, вытребовал эту должность для своего близкого друга, многообещающего молодого юриста Гая Требатия Тесты.

Этот порт ничуть не походил ни на одну из очаровательных маленьких деревушек, разбросанных по берегам Тусканского моря, с их тенистыми виноградниками, множеством винных лавчонок и укладом жизни, который не менялся со времен царя Энея, тысячу лет назад сошедшего там со своего троянского корабля. Песни, смех, любовь. А здесь только ветер с песком, колючие травы на дюнах да пронзительные вопли тысяч и тысяч чаек.

Баркас, хвала всем богам, еще не ушел. Его команда, состоящая сплошь из римлян, грузила на борт последние из дюжины бочонков с гвоздями – единственный груз, который эта посуда должна была доставить, а точнее, единственный, который позволяли вместить ее размеры.

Ибо в Британии знаменитое везение Цезаря почему-то сошло на нет. Второй год подряд его суда терпели крушение в штормах, с какими бури Нашего моря не могли и сравниться. Правда, на этот раз Цезарь был уверен, что завел свои восемьсот кораблей в безопасное место. Но ветра и приливы – что можно было поделать с таким незнакомым явлением, как прилив, – подхватывали их и разбрасывали, как игрушки, круша и ломая. Однако Цезарь есть Цезарь. Он не раздражался тирадами, не бесновался, не проклинал злокозненную стихию. Вместо этого он вновь и вновь собирал из обломков свой флот. Отсюда и гвозди. Миллионы гвоздей. Нет ни времени, ни опытных кораблестроителей, а армия до зимы должна вернуться в Галлию.

«Скрепляйте, что можно, гвоздями! – сказал Цезарь. – Все, что требуется от этих посудин, – проплыть тридцать с небольшим миль по Атлантическому океану. А потом пускай тонут. Мне наплевать!»

Потому-то баркас и курсировал между Итием и Британией, увозя гвозди и привозя корреспонденцию.

«Я тоже мог бы быть там», – сказал себе Требатий и вздрогнул, несмотря на одурманивающую духоту. Нуждаясь в опытном человеке, который мог бы делать бумажную работу, Цезарь внес его в списки своей экспедиции. Но в последний момент вдруг вызвался поехать Авл Гирций, да хранят его боги! Пусть лучше порт Итий станет для Гая Требатия конечным пунктом путешествия, нежели исходным.

Сегодня баркас увозил вдобавок и пассажира. Требатий знал, кто таков этот галл (или, скорее, бритт), поскольку сам вместе с Трогом организовал его отправку на остров – в безумной спешке, как и всегда. На носу утлого с виду весельного суденышка восседал Мандубракий, вождь триновантов, которого Цезарь возвращал этому племени в обмен на содействие. Синий варвар жуткого вида. Весь в чем-то мутно-голубом и болотно-зеленом, под стать разрисованной причудливыми узорами коже. Цезарь говорил, что таким образом бритты сливаются со своими лесами. Чтобы в чаще оставаться незримыми, а на поле сражения внушать врагам страх.

Требатий передал маленький красный футляр с печатью старшему среди римлян (капитану, или как его там?) и двинулся в обратный путь. Рот его тут же наполнился сладкой слюной. На обед сегодня жареный гусь. Мало что можно сказать хорошего о моринах, но гуси у них отменные. Наверное, лучшие в мире. Они не только кормят этих красавцев улитками с хлебом и поят вином, но также знают, когда резать птицу, чтобы мясо ее было нежнейшим и таяло во рту.

Гребцы баркаса, по восемь человек с каждого борта, работали без устали, слаженно, хотя на борту не было гортатора, чтобы задавать ритм. Через каждый час они отдыхали, пили воду, потом опять сгибали спину, упираясь ногами в выступы на дне лодки. Их капитан сидел на корме при рулевом весле и ведре для вычерпывания воды, сноровисто уделяя внимание то тому, то другому.

По мере приближения высоких, поразительно белых утесов Британии царь Мандубракий, чопорно и гордо восседавший на носу судна, на глазах делался все спесивей. Он возвращался домой, отдаляясь от белгской крепости Самаробривы, главного города амбианов, где его держали с другими заложниками, пока Цезарь решал, как с ними быть.

Римская экспедиционная армия, посланная в Британию, занимала длинную прибрежную полосу, которая дальше переходила в болота Кантия. Поломанные корабли – как же их много! – стояли на границе песка и воды, подпертые стойками и окруженные римским полевым лагерем для надежной охраны. Рвы, стены, частоколы, брустверы, башни, редуты протянулись, казалось, на много миль.

Начальник лагеря Квинт Атрий поджидал царя Мандубракия, груз гвоздей и маленький красный цилиндр от Помпея. До захода солнца оставалось еще несколько часов. В этой части света солнечная колесница двигалась намного медленнее, чем в Италии. На берегу стояли тринованты, бурно радуясь, что вскоре увидят своего повелителя. Когда тот сошел на песок, они принялись хлопать его по спине и, как это у них принято, целовать в губы. Квинт Атрий решил не мешкая отправить письмо Помпея адресату, ибо до Цезаря было дня три пути. Привели коней. Тринованты и римский начальник кавалерии поскакали к северным воротам, где их ждали пятьсот конных эдуев. Они поместили царя и его свиту в центр колонны, а префект прищпорил коня, чтобы возглавить колонну и заодно дать триновантам поговорить без помех.

– У меня нет уверенности, что они не знают языков, близких нашему, – сказал Мандубракий, с наслаждением вдыхая горячий и влажный воздух, пахнувший родным домом. – Они могут понимать, о чем мы говорим.

– Цезарь и Трог понимают, другие – нет, – ответил его двоюродный брат Тринобеллун.

– Я не уверен, – повторил царь. – Они обретаются в Галлии около пяти лет, и в основном среди белгов. Пользуются их женщинами.

– Шлюхами!

– Женщины есть женщины. Они без умолку болтают, а слова оседают в памяти.

Они въехали в большой лес, дубовый и буковый. Кроны деревьев сошлись над дорогой. Конники напряглись, вскинули копыта, проверили сабли и передвинули на грудь круглые маленькие щиты. Через какое-то время колонна вышла на открытое место, расчищенное под пашню и щетинившееся пшеничной стерней. Обуглившиеся остовы двух-трех домов резко выделялись на рыжевато-коричневом фоне.

– Зерно собрали римляне? – спросил Мандубракий.

– На землях кантиев – да.

– А у Кассивелауна?

– Он сжег все, что не смог собрать. К северу от Тамезиса римляне голодали.

– А мы как питались?

– Нам всего хватало. Римляне платили за все, что брали.

– Тогда надо узнать, какие запасы у Кассивелауна, есть ли у них еще пища.

Тринобеллун повернул голову. Голубые спирали на лице его и на торсе словно бы загорелись в закатных лучах.

– Мы обещали помочь Цезарю ради твоего возвращения, но он – наш враг, и чести в том нет. Мы согласились между собой, что решать должен ты, Мандубракий.

Царь триновантов засмеялся:

– Конечно, мы поможем Цезарю! У кассов много земли и скота. Все это будет нашим, когда Кассивелаун падет. Римляне думают, что используют нас, но это мы используем римлян.

Тут вернулся начальник. Конь под ним нервно плясал и прядал ушами.

– Недалеко отсюда находится оставленный Цезарем лагерь, – сообщил он, старательно выговаривая слова на белгском наречии атребатов.

Мандубракий, вскинув брови, посмотрел на сородича:

– Что я тебе говорил?

Он обратился к римлянину:

– Лагерь цел?

– Абсолютно цел, до самого Тамезиса.

Тамезис – большая река, глубокая и широкая, с сильным течением. Однако имелось одно место, где ее можно было перейти вброд. На северном берегу начинались земли кассов, но никто не защищал сейчас ни переправу, ни выжженные поля. Перейдя Тамезис на рассвете, колонна продолжила путь по неровной местности, где холмы поросли деревьями, а низины были распаханы или использовались как пастбища. Потом конники свернули на северо-восток и миль через сорок вступили во владения триновантов, где на межевой возвышенности стоял лагерь Цезаря, последний бастион Рима на чужой стороне.

Мандубракий никогда прежде не видел великого человека, хотя был взят в заложники по его повелению. Когда его привезли в амбианскую Самаробриву, Цезарь уже убыл в Заальпийскую Галлию, а потом перебрался в порт Итий с намерением тут же отплыть. Лето обещало быть необычайно жарким – хороший знак для перехода через предательский пролив. Но все пошло наперекор плану. Треверы, племя в кельтской Галлии, делали попытки к примирению с германцами, жившими по ту сторону Рейна, и два их властителя, два вергобрета, пребывали в раздоре. Один, Цингеториг, считал, что выгоднее подчиниться диктату Рима, а другой, Индутиомар, полагал, что надо поднять мятеж при поддержке германцев. Тут появился Цезарь с четырьмя легионами, двигаясь, как всегда, быстрее, чем могли поверить галлы. О мятеже пришлось забыть. Вергобретов заставили пожать руки друг другу. Цезарь взял еще заложников, включая сына Индутиомара, потом вернулся в порт Итий, подгоняемый шквалистым северо-западным ветром, дувшим без перерыва уже двадцать пять дней. Думнориг, предводитель эдуев, попытался сбежать, но поплатился жизнью. Так что в результате великий человек отбыл в Британию на два месяца позже намеченного срока, чем был весьма раздражен.

Хорошо знавшие его легаты понимали, что он еще не успокоился, но, когда Цезарь пришел, чтобы приветствовать Мандубракия, никто, кроме тех, кто ежедневно общался с командующим, не заподозрил бы этого. Очень высокий для римлянина, Цезарь был одного роста с царем, но отличался от него сухощавостью и рельефностью мускулатуры, особенно на ногах (сильные ноги вообще были характерны для римлян, привычных к длительным переходам). Дополняла образ искусно изготовленная кожаная кираса и юбка из свисающих кожаных ремней. Опоясан великий человек был не мечом или кинжалом, а алой лентой, завязанной ритуальными узлами, – знак его высокого положения. А еще он был светловолосым, как галл! Его редкие бледно-золотистые волосы, зачесанные с затылка на лоб, чуть вились. Брови, тоже бледные, контрастировали с обветренной, цвета старого пергамента, кожей. Губы чувственные, капризные. Нос длинный, с горбинкой. Но больше всего говорили о нем глаза, бледно-голубые,

с тонкими черными ободками. Взгляд их был пронизательным, холодным, всеведущим. Мандубракий подумал, что Цезарь отлично знает, почему выбрал именно триновантов.

– Я не скажу тебе: добро пожаловать на твою собственную землю, Мандубракий, – произнес Цезарь на хорошем языке атребатов, – но надеюсь, что это скажешь мне ты.

– С радостью, Гай Юлий.

Великий человек засмеялся, демонстрируя прекрасные зубы.

– Нет, просто Цезарь, – поправил он. – Все знают меня как Цезаря.

Вдруг возле него возник Коммий. Он широко улыбнулся Мандубракию, подошел к нему, обнял, похлопал. Но когда полез с поцелуями, Мандубракий слегка отстранился. Червь! Римская кукла! Собачка Цезаря. Царь атребатов, предавший Галлию! Рыщет всюду, выполняя приказы врага. Сдал, кстати, и его, Мандубракия. И неустанно хлопочет, сея разногласия среди вождей бриттов и обеспечивая Цезарю необходимую поддержку.

Начальник кавалерии, воспользовавшись заминкой, протянул Цезарю небольшой красный футляр, который капитан баркаса передал ему с таким почтением, словно это был подарок римских богов.

– От Гая Требатия, – сказал он, отсалютовал и отступил, не сводя преданных глаз с лица командующего.

«Клянусь Дагдой, они и впрямь любят его», – с удивлением подумал Мандубракий. Значит, правда все то, что болтали в Самаробриве. Они, как один, умрут за него. И он этим пользуется. Потому он и улыбнулся начальнику конницы и назвал, как друга, по имени. Тот теперь никогда этого не забудет. И будет рассказывать своим внукам, если, конечно, доживет до их появления. Но Коммий не любит Цезаря. И не только потому, что ни один длинноволосый галл не может его любить. Единственный человек, которого любит Коммий, – это он сам. Чего же тогда добивается Коммий? Стать верховным вождем в Галлии, как только Цезарь вернется в Рим?

– Позднее мы поговорим за обедом, Мандубракий, – сказал Цезарь, вскинув в прощальном жесте руку с письмом, после чего повернулся и направился к шатру, стоявшему на искусственном возвышении и увенчанному алым флагом.

Обстановка внутри шатра мало чем отличалась от обстановки в жилище самого младшего из военных трибунов: складные стулья, складные столы, разборный стеллаж с отделениями для свитков. За одним столом сидел личный секретарь командующего Гай Фаберий, склонившись над кодексом. Кодексы были нововведением Цезаря, которому надоело, что свитки постоянно сворачиваются и приходится держать их обеими руками или ставить на них грузы. Он стал пользоваться листами фанниевой бумаги, которые велел сшивать по левому краю, чтобы законченную работу можно было перелистать. Получавшиеся прошитые стопки он называл кодексами, уверяя, что они гораздо удобней, чем свитки. Для легкости чтения он разбил каждый лист на три столбца, вместо того чтобы тянуть строку чуть ли не до обреза бумаги. Он задумал это для донесений сенату, всегда казавшемуся ему сборищем полуграмотных недоумков. Мало-помалу кодексы стали преобладать в канцелярии Цезаря. Однако у кодексов был серьезный недостаток, который сводил на нет их преимущество перед свитками: при многократном использовании листы отрывались и легко терялись.

За другим столом работал самый преданный клиент Цезаря, Авл Гирций. Человек простого происхождения, но очень способный, Гирций накрепко связал свою судьбу со звездой Цезаря. Невысокий, подвижный, он сочетал в себе любовь к бумажной работе с такой же любовью к сражениям и превратностям военной жизни. Гирций ведал перепиской Цезаря с Римом, стараясь, чтобы тот знал обо всем, что там происходит, даже находясь в сорока милях к северу от реки Тамезис, в самой западной точке мира.

Когда вошел командующий, мужчины подняли голову, но не позволили себе улыбнуться. Командующий пребывал в дурном настроении. Однако сейчас он улыбнулся сам, указывая на красный футляр.

– Письмо от Помпея, – пояснил Цезарь, направляясь к единственному по-настоящему красивому предмету мебели в командирской палатке – курульному креслу из слоновой кости, свидетельствующему о высоком положении его владельца.

– Ты и без того уже знаешь все последние новости, – заметил Гирций с ответной улыбкой.

– Верно, – откликнулся Цезарь, ломая печать, – но у Помпея особый стиль, мне нравятся его письма. Он теперь не такой нахальный и необузданный, каким был до женитьбы на моей дочери, однако свой стиль сохранил.

Он сунул два пальца в футляр и вытащил свиток.

– О боги, да оно длинное! – воскликнул он и наклонился, чтобы поднять с деревянного пола упавшую бумажную трубочку. – Нет, оказывается, здесь два письма. – Цезарь заглянул в конец каждого и усмехнулся. – Одно написано в секстилии, другое в сентябре.

Сентябрьское письмо легло на стол, но и более раннее Цезарь не спешил читать. Полог шатра был откинут, и Цезарь застыл, глядя в залитый дневным светом проем.

«Что я делаю здесь, оспаривая право на владение несколькими полями пшеницы и стадом косматых быков у раскрашенного синей краской реликта из стихов Гомера? У того, кто все еще катит на битву в колеснице, окруженный лающими мастифами, с арфистом, восхваляющим его в своих песнях?»

Да, собственно, я это знаю. Мое *dignitas* возвратило меня сюда, ибо в прошлом году невежественные обитатели этой глухомани решили, что навсегда изгнали Гая Юлия Цезаря со своих берегов. И ликовали, думая, что одержали победу над Цезарем. Я вернулся только затем, чтобы показать им, что Цезарь непобедим. Я покину этот остров, лишь полностью подчинив Кассивелауна, и никогда сюда более не вернусь. Но они запомнят меня. Я дам их арфисту новые темы для песнопений: приход Рима, исчезновение колесниц на легендарном западе друидов. И я останусь в Галлии до тех пор, пока каждый косматый ее обитатель не признает меня, а значит, и Рим своим повелителем. Ибо я – это Рим. А моему зятю, хотя он и старше меня на шесть лет, никогда этого не достичь. Зорче сторожи свои ворота, дорогой Помпей Магн. Недолго тебе осталось быть Первым Человеком в Риме. Цезарь идет».

Он выпрямился, чуть выдвинул правую ногу вперед, а левую завел за ножку курульного кресла и развернул письмо Помпея, помеченное секстилием.

Мне жаль, Цезарь, но я должен сказать тебе, что никаких признаков курульных выборов у нас нет и в помине. О, Рим, конечно, будет существовать и даже иметь какое-то правительство, поскольку нам удалось-таки ввести в должность несколько плебейских трибунов. Но это был цирк! Катон, как всегда, в него влез. Сначала он использовал свое положение претора, чтобы заблокировать плебейские выборы, потом строго предупредил своим истошным голосом, что лично проверит каждую табличку выборщика, брошенную в корзину, и, обнаружив малейшую подтасовку, тут же предаст виновного суду. До смерти запугал всех кандидатов!

Конечно, все это произошло из-за договора, который мой идиот Меммий заключил с Агенобарбом. За всю историю наших продажных консульских выборов никогда еще не было так много взяток и так много людей, участвующих в подкупе! Цицерон шутит, что суммы, переходившие из рук в руки, были так велики, что если брать с них проценты – от четырех до восьми, то можно было бы набить казну доверху. Он не так уж и прав, наш шутник. Я думаю, Агенобарб, наблюдавший за выборами как консул (Аппий Клавдий, будучи патрицием, не может этого делать), теперь полагает, что он стал всесильным. А у него есть идея –

сделать моего Меммия и Домиция Кальвина консулами в следующем году. И вообще вся эта шайка – Агенобарб, Катон и Бибул – спит и видит, как бы лишить тебя воинских полномочий, а заодно и провинций. Рыщут повсюду, вынюхивают, как собаки дерьмо. А имея своих консулов и нескольких активных плебейских трибунов, им будет проще тебя доставать.

Ладно, сначала все-таки о Катоне. Время шло, и уже начало казаться, что у нас не будет ни консулов, ни преторов, и тут все вдруг вспомнили, что нам нужны хотя бы плебейские трибуны. Ведь Рим может обойтись без старших магистратов. Пока существует сенат, чтобы контролировать казну, и плебейские трибуны, чтобы проводить необходимые законы, кому нужны консулы и преторы? Разве что когда консул ты или я. Это другое дело.

Короче, кандидаты в плебейские трибуны всей толпой пошли к Катону и умоляли, чтобы он отступился. И в самом деле, Цезарь, как ему выйти из этого положения? Однако они не ограничились просьбами. Катону было сделано предложение принять от каждого кандидата по полмиллиона сестерциев на хранение и лично проследить за ходом выборов. Если обнаружится, что какой-то кандидат сплутовал, то его залог останется у Катона как штраф. Очень довольный собой, Катон согласился. Но он слишком умен, чтобы взять деньги. Он заставил каждого дать ему расписку, чтобы они не могли обвинить его в присвоении чужих денег. Хитро обстряпано, да?

Наконец настал день голосования. На три нундины позднее. Катон вился над Римом, как ястреб. Ты должен признать, что нос его точь-в-точь клюв! Он таки клюнул им одного кандидата, сняв бедолагу с дистанции и заграбастав оговоренный штраф. Вероятно, он думал, что все римляне упадут в обморок от его неподкупности, но... просчитался. Ничего подобного не случилось. Наоборот, возжи плебса теперь злы на него. Они говорят, что это незаконно и недопустимо, когда претор председательствует не в своем суде, а превышает полномочия и ведет себя как никем не назначенный надзиратель за ходом избирательного процесса.

Всадников, этих столпов делового мира, приводит в ярость даже упоминание о Катоне, а народ Рима считает его бесноватым за полуголый вид и постоянное похмелье. А ведь он как-никак претор суда по делам о вымогательстве! И судит людей, занимающих положение, достаточно высокое, чтобы управлять провинцией. Например, таких как Скавр, нынешний муж моей бывшей жены, патриций древнейшего рода! Но как поступает Катон? Тянет и тянет с разбирательством, всегда слишком пьяный, чтобы председательствовать на заседании, а когда трезвеет, то появляется на людях босой, в тоге на голое тело и с выпученными глазами. Я понимаю, что на заре Республики мужчины не носили ни обуви, ни туник, но не думаю, что эти образцы добродетели делали карьеру на Форуме с похмелья.

Я просил Публия Клодия испортить Катону жизнь, и Клодий действительно пытался. Но в конце концов он сдался и, придя ко мне, сказал, что, если я и правда хочу досадить Катону, мне нужно вернуть Цезаря из Галлии.

Кстати, Публий Клодий, вернувшись в апреле из поездки в Галатию, где он занимался сбором долгов, купил у Скавра дом за пятнадцать с половиной миллионов! Нынешние цены на недвижимость для меня такая же тайна, как для весталки совокupление. Сегодня можно выложить полмиллиона за захудалую будку с ночным горшком. Но Скавру эти денежки пригодятся. Он обеднел, после того как, будучи эдилом, устроил игры, а когда попытался пополнить свой кошелек в провинции, то угодил под суд. И под судом и пребудет, пока срок Катона не кончится, поскольку дела в суде Катона идут очень медленно.

А Публий Клодий просто сорит деньгами. Конечно, ему необходим новый дом, ведь Цицерон, перестроив свое обиталище, сделал его таким высоким, что закрыл вид из окон дома Публия Клодия. Так сказать, отомстил. Кстати, дворец Цицерона – памятник плохому вкусу. И при этом, подумать только, он имел наглость сравнить небольшой чудный особнячок, построенный мной возле моего же театрального комплекса, с лодчонкой, пришвартованной к красавице-яхте!

Похоже, Клодий содрал-таки денежки с царевича Брозитара. Собирать долги лично – это лучше всего. А я в его отсутствие получил передышку. Хотя сейчас мне полегче, чем раньше. Я ведь почти не надеялся выжить после твоего отбытия в Галлию, когда банды Клодия стали охотиться на меня. Я боялся выйти из дому. Но теперь даже не знаю, правильно ли поступил, наняв Милона, чтобы его уличные громилы окоротили этих бандитов. Милон приосанился и стал строить грандиозные планы. О, я знаю, он Анний, по крайней мере в результате усыновления, но все же непроходимый осел, годный только на то, чтобы таскать наковальни и мешки с песком.

Знаешь, что он удумал? Пришел и попросил меня поддержать его, когда он начнет выдвигать себя в консулы!

«Дорогой Милон, – ответил я, – я не могу этого сделать! Это означало бы публично признать, что ты и твои уличные банды работаете на меня!» Он сказал, что это действительно так, ну и что же? Я ответил резкостью и был вынужден указать ему на дверь.

Кстати, я рад, что Цицерону удалось обелить твоего Ватиния – как ни злился Катон, председательствовавший в суде! Этот Катон, мне кажется, готов сойти в Гадес и схватиться там с Цербером, если это поможет ему как-нибудь тебе навредить. Но это ладно, а странность в том, что и сам Цицерон ненавидел Ватиния и взялся его защищать лишь потому, что сильно тебе задолжал! Но после процесса что-то произошло, и они оба теперь походят на двух школьниц. Обнимаются, держатся за руки, всегда и всюду вдвоем. Странная пара, но, правда, забавно видеть их постоянно хихикающими. То и дело подначивают друг друга, ибо оба потрясающе остроумны.

Здесь у нас очень жаркое лето, никто такого не помнит. И нет дождей. Селяне страдают. Каждый изворачивается как может, жители Интерамны, решая проблему, соединили каналом болотистое озеро Велин с рекой Нар. Но беда в том, что, как только озеро обмелело, высохли, представь себе, и Розейские поля. Лучшие пастбища Италии гибнут! Старый Аксий из Реаты пришел ко мне и потребовал, чтобы сенат повелел жителям Интерамны засыпать прорытый канал. Так что я собираюсь поставить этот вопрос на ближайшем собрании и, если потребуются, настоять на принятии закона, запрещающего подобное своеволие. Мы с тобой люди военные и понимаем стратегическую важность Розей. Где еще можно выращивать такое количество превосходнейших мулов для нужд римской армии? Засуха – это одно, а Розей – другое. Риму нужны мулы. Но Интерамна полна ослов.

А теперь – нечто странное. Только что умер Катулл...

Цезарь издал приглушенный возглас. Гирций и Фаберий подняли голову, но тут же опустили, взглянув на его лицо. Когда туман перед глазами рассеялся, Цезарь вернулся к письму.

Ты еще услышишь об этом от его отца, который ждет твоего возвращения в Галлию, но я подумал, что тебе нужно знать. Возможно, беднягу подкосил разрыв с Клодией. Как Цицерон однажды назвал ее? «Медея с Палатина». Недурно. Но мне больше нравится «Кли-темнестра по договорной цене». Интересно, правда ли, что она убила Целера в ванне? Так все говорят.

Я знаю, ты очень сердился на его злобные памфлеты в твой адрес, после того как ты назначил Мамурру новым praefectus fabrum. Обидно, конечно. Весь Рим хохотал! Даже Юлия позволила себе пару раз хихикнуть, когда их читала, а у тебя нет преданнее сторонника, чем дочь. Она сказала, Катулл не может простить тебе того, что очень плохого поэта ты оценил выше его. А также того, что служба легатом у моего Меммия в Вифинии не принесла никакой выгоды, а ведь Катулл мечтал о несметных богатствах. Мне нужно было сказать ему, что Меммий прижмистей рыбьего ануса. А ты даже к младшим своим трибунам, говорят, очень щедр.

Ну да, ну да, ты справился с ситуацией. Когда ты не справлялся? Тем более что его tata – твой близкий друг. Он послал за Катуллом. Катулл приехал в Верону. Отец сказал: «Помирись с моим другом Цезарем». Катулл извинился, и ты совершенно очаровал беднягу. Не знаю, как ты это делаешь. Юлия говорит, что это врожденное. Во всяком случае, когда Катулл вернулся в Рим, больше никаких памфлетов о Цезаре не появлялось. Но он изменился. Причем очень сильно. Я сам это видел, ведь Юлия хороводится с литераторами и драматургами. Должен сказать, мне они нравятся. Что до Катулла, то в нем словно что-то перегорело. Он казался усталым, печальным, но он не покончил с собой. А просто угас, как лампа, в которой кончилось масло...

Как лампа, в которой кончилось масло... Слова на бумаге снова слились в одно сплошное пятно. Цезарь был вынужден выждать, пока не уйдут подступившие к глазам слезы.

«Мне не следовало этого делать. Он был таким ранимым, и я на этом сыграл. Он любил отца, был хорошим сыном. И подчинился отцовской воле. Я думал, что проливаю бальзам на его рану, пригласив на обед, демонстрируя широкие познания его поэтического творчества и давая им высокую оценку. Обед прошел хорошо. Мне так понравились его утонченность и ум. И все же не стоило этого делать. Я убил его *animus*, лишил смысла жизни. Но у меня не было выбора. Над Цезарем потешаться нельзя. Никому. Даже самому замечательному поэту в истории Рима. Он унизил мое *dignitas*, мой личный вклад в славу Рима. Потому что его памфлеты не скоро забудут. Лучше бы он вообще не упоминал моего имени, чем высмеивал меня. Он унизил меня, сделал всеобщим посмешищем, его вирши забудут не скоро. И все из-за такого ничтожества, как Мамурра. Вздорный поэт и плохой человек. Но у него все задатки прекраснейшего снабженца. Так говорит Вентидий, погонщик мулов, приглядывающий за ним».

Слезы ушли. Логика восторжествовала. Он опять мог читать.

Хотелось бы мне сказать, что Юлия чувствует себя хорошо, но это не так. Я говорил ей, что детей нам не надо. У меня два сына от Муции. И еще дочка. Та сейчас расцвела, выскочив за Фавста Суллу. Он только-только вошел в сенат. Хороший юноша. Ничем не напоминает отца. Наверное, это неплохо.

Но у женщин есть этот пунктик. В смысле детей. Поэтому Юлия уже на шестом месяце. Так толком и не оправившись после ужасного выкидыша, который случился, когда я участвовал в консульских выборах. Она сама как дитя! Каким сокровищем ты одарил меня, Цезарь. Я никогда не устану благодарить тебя. Никогда. И конечно, только ее здоровье заставило меня помянуться с Крассом провинциями. В Сирию я должен был бы отправиться сам. А Испаниями можно управлять и из Рима, через легатов. Афраний с Петреем абсолютно надежны, они даже пукнуть не осмелятся, пока я не разрешу.

А с Крассом на этот раз мы поладили много лучше, чем в первый срок нашего совместного консульства. Он сейчас в Сирии. Интересно бы знать, как у него там дела. Говорят, он выжал две тысячи талантов золотом из главного храма в Иерусалиме. Что можно сделать с человеком, чей нос буквально чует золото? Я в свое время был в этом храме, который привел меня в ужас. Даже если бы в нем были собраны все сокровища мира, я ничего бы оттуда не взял.

Евреи проклинали Красса. И плебейский трибун Атей Капитон проклинал его посреди Капенских ворот, когда Красс уезжал в прошлые Ноябрьские иды. Капитон сел у него на пути и отказался сдвинуться с места. Я вынужден был приказать моим ликторам его увести. Хочу отметить, что Красс с большой легкостью настраивает людей против себя, совершенно не думая о последствиях. Уверен, что он не имеет представления, сколько хлопот ему могут доставить парфяне. Он по-прежнему считает, что парфянский катафракт не страшнее

армянского. Хотя он видел только рисунок. Человек и конь – оба покрыты железом с головы до ног. Брр!

На днях виделся с твоей матушкой. Она приходила к нам отобедать. Какая чудесная женщина! И не только по складу характера и уму. Она все еще поразительно хороша, хотя и призналась, что ей за семьдесят. А выглядит на сорок пять, и ни на день старше. Понятно, от кого Юлия унаследовала красоту. Аврелия тоже обеспокоена состоянием своей внучки, хотя, как ты знаешь, ничуть не похожа на курицу-квохтушку...

Цезарь вдруг засмеялся. Гирций с Фаберием испуганно дернулись. Так весело командующий не смеялся уже давно.

– Послушайте-ка! – воскликнул он, оторвавшись от свитка. – Никто вам больше такого не сообщит!

Он склонил голову и начал читать вслух, быстро и без запинок, что несколько не удивило слушателей. Цезарь был единственным известным им человеком, способным с первого взгляда разбирать каракули любой сложности.

– «А теперь, – произнес он дрожащим от сдерживаемого смеха голосом, – я расскажу тебе о Катоне и Гортензии. Гортензий уже не так молод, как раньше, и стал повадками походить на Лукулла. Слишком много экзотической пищи, неразбавленного вина и странных приправ, таких как анатолийский мак и африканские грибы. Да, мы все еще терпим его в судах, но как адвокат он давно уже сдал. Кем бы он мог стать сейчас, приближаясь к семидесяти? Я помню, что он поздно стал претором и консулом, всего несколько лет назад. Он так и не простил мне, что я отложил его консульство на год, когда занял эту должность в тридцать шесть лет. Как бы то ни было, Гортензий решил, что действия Катона на выборах трибунов были самой большой победой *mos maiorum* с тех пор, как Луций Юний Брут (почему мы всегда забываем Валерия?) основал Республику. Поэтому он обхаживал Катона и попросил руки его дочери Порции. Он заявил, что уже и не думал жениться после того, как Лутация умерла, пока не увидел, как Катон разделался с плебсом. В ночь после выборов сам Юпитер Всеблагий Всесильный явился ему во сне и повелел породниться с Марком Катоном через брак. Естественно, Катон не мог согласиться после того шума, какой он поднял, когда я женился на Юлии, которой было семнадцать лет. А Порции нет и семнадцати. Кроме того, Катон всегда мечтал выдать ее за своего племянника Брута. Гортензий, конечно, богат, но его капиталы не могут сравниться с состоянием Брута, не так ли? Поэтому Катон сказал: нет, Гортензий не может жениться на Порции. Тогда Гортензий спросил, не может ли он жениться на одной из Домиций. Сколько у Агенобарба и сестрицы Катона безобразных прыщавых девиц с волосами цвета пылающей пакли? Две? Три? Четыре? Не имеет значения, потому что Катон и в этом случае сказал „нет“».

Цезарь поднял голову. Глаза его смеялись.

– Не знаю, чем кончилась эта история, но я, безусловно, заинтригован, – сказал Гирций, широко улыбаясь ему.

– Я тоже не знаю, – откликнулся Цезарь. – Продолжим. «Итак, поддерживаемый рабами, Гортензий ушел, совершенно разбитый. Но наутро вернулся с блестящей идеей. Раз он не может жениться ни на Порции, ни на одной из Домиций, нельзя ли ему взять в супруги жену Катона?»

Гирций ахнул:

– Марцию? Дочь Филиппа?

– Именно, – торжественно подтвердил Цезарь.

– Кажется, твоя племянница Атия замужем за Филиппом?

– Да. Филипп был близким другом первого мужа Атии, Гая Октавия. И когда кончился срок траура, он женился на ней. Но поскольку он взял ее с падчерицей, сыном и дочкой, то, мне кажется, расставание с Марцией не было для него большой утратой. Он даже заметил, что,

отдав ее за Катона, будет одной ногой стоять в моем лагере, а другой – в лагере *boni*, – пояснил Цезарь, вытирая выступившие от смеха слезы.

– Читай дальше, – попросил Гирций. – Ты нас заинтриговал.

Цезарь продолжил:

– «И Катон сказал „да“! Честно, Цезарь, он согласился! Он согласился развестись с Марцией и выдать ее за Гортензия при условии, что Филипп тоже будет не против. И оба пошли к Филиппу, чтобы спросить, согласен ли тот на развод Катона с его дочерью, дабы та могла выйти замуж за Квинта Гортензия и осчастливить старика на весь его век. Филипп почесал подбородок и сказал „да“! При условии, что Катон самолично передаст свою жену новоявленному жениху. Все было обстряпано в один миг. Катон развелся с Марцией и присутствовал на свадебной церемонии. Весь Рим был потрясен! Каждый день приносит что-нибудь странное, но комбинация Катон – Марция – Гортензий – Филипп уникальна в анналах римских скандалов, следует это признать. Все – включая меня! – считают, что Гортензий отдал Катону и Филиппу половину своего состояния, хотя и тот и другой это решительно отрицают».

Цезарь положил свиток на колени и покачал головой.

– Бедная Марция, – тихо произнес Фаберий.

Цезарь удивленно посмотрел на него:

– Я бы так не сказал.

– Она, наверное, мегера, – предположил Гирций.

– Нет, почему же, – возразил Цезарь, хмурясь. – Я видел ее, правда в детстве, когда ей было лет тринадцать-четырнадцать. Смуглая, как и все в той семье, но очень симпатичная. Приятная малышка, как выразились бы Юлия и моя мать. Очарованная Катонем, как позже писал мне Филипп. Я тогда торчал в Луке с Помпеем и Марком Крассом, отбиваясь от попыток отобрать у меня звание командующего и провинции. Она была помолвлена с Корнелием Лентулом, но тот умер. А тут после аннексии Кипра вернулся Катон с двумя тысячами сундуков золота и серебра, и Филипп – он был консулом в тот год – пригласил его на обед. Марция и Катон с первого взгляда влюбились друг в друга. Катон попросил ее руки, что вызвало в семье легкое замешательство. Атия пришла в ужас, но Филипп, подумав, решил занять выжидательную позицию. То есть, будучи женатым на моей племяннице, стать еще тестем моего злейшего врага. – Цезарь пожал плечами. – Филипп выиграл.

– Наверное, Катон и Марция разлюбили друг друга, – предположил Гирций.

– Нет. Явно нет. Иначе Рим не был бы потрясен.

– Тогда почему? – спросил Фаберий.

Губы Цезаря скривились в неприятной ухмылке.

– Насколько я знаю Катона, могу предположить, что он считает свою страсть к Марции слабостью.

– Бедный Катон! – сказал Фаберий.

Цезарь лишь хмыкнул и обратился к письму:

– «И это все, Цезарь. На данный момент. С сожалением услышал, что Квинт Лаберий Дур был убит, как только высадился в Британии. Какие великолепные донесения ты нам присылаешь!»

Он положил на стол тут же свернувшийся свиток и взял в руки меньший, помеченный сентябрем. Развернул его и нахмурился. Некоторые слова были смазаны, будто на них пролили воду, прежде чем чернила впитались в папирус.

Атмосфера в комнате ощутимо переменялась, словно позднее солнце, все еще ярко светившее, внезапно зашло. Гирций поднял голову, у него мурашки побежали по коже. Фаберий задрожал.

Цезарь был прежним, но словно окаменел. Застыли даже его глаза, прямого взгляда которых не мог вынести ни один человек.

– Оставьте меня, – сказал он ровным голосом.

Не говоря ни слова, Гирций с Фаберием встали и выскользнули из палатки, бросив прямо на рукописях свои перья, с которых стекали чернила.

О Цезарь, как мне это перенести? Юлия умерла. Моя чудесная, красивая, нежная девочка умерла. Умерла в двадцать два года. Я закрыл ей глаза и вложил золотой денарий в губы, чтобы у нее было лучшее место в скорбной ладье Харона.

Она умерла, пытаясь родить мне сына. На седьмом месяце – ничто этого не предвещало. Разве что она была слишком слаба. Она никогда не жаловалась, но я-то видел. И у нее начались роды. Она родила. Мальчик на два дня пережил свою мать. Она умерла от потери крови. Невозможно было остановить кровотечение. Ужасная смерть! Она не теряла сознания до последнего, просто слабела, бледнела, хотя была белышкой от рождения. Все разговаривала со мной и с Аврелией. Вспоминала, чего не сделала, брала с меня слово, что я обо всем позабочусь. О всякой всячине, например о необходимости проветрить зимние вещи, хотя до этого еще несколько месяцев. И все повторяла, как любит меня. И как любила – с самого детства. И какой счастливой я ее сделал. Она уверяла, что у нее ничего не болит. Как она могла говорить это, Цезарь? Я же сам причинил ей эту боль, которая убила ее. Я и тощее, словно ободранное существо. Но я рад, что этот ребенок умер. Мир никогда не будет готов к появлению человека, в котором течет твоя и моя кровь. Он раздавил бы этот мир, как таракана.

Она не оставляет меня. Я плачу и плачу, а слезы все не кончаются. Жизнь до последнего теплилась в ее глазах, таких огромных и голубых, полных любви. О Цезарь, как мне быть? Мы прожили вместе шесть стремительных лет. Я думал, что уйду первым. Мне и в голову не приходило, что все так скоро кончится. Шесть лет – это слишком мало. Малостью были бы даже и двадцать шесть лет. О Цезарь, как же мне больно! Лучшие бы это был я. Но она взяла с меня клятву, что я не последую за ней. Я обречен жить. Но как? Как я смогу жить без нее? Я ведь все помню! Как она выглядела, как говорила, как пахла, что чувствовала, как ела. Она, словно лира, звенит во мне и звенит.

Но все это ни к чему. Слезы застилают глаза, я не вижу бумаги. А мне нужно рассказать тебе все. Я знаю, тебе переишлют это письмо в Британию. Первым делом я попросил среднего сына твоего родственника Котты, Марка – он претор в этом году, – выступить в сенате и просить отцов, внесенных в списки, устроить моей девочке государственные похороны. Но этот mentula, этот cunnus Агенобарб и слушать не захотел. А Катон поддакивал ему с кукульного возвышения. Женищинам не полагаются государственные похороны. Позволить так похоронить мою Юлию – значит осквернить римскую государственность. Им пришлось держать меня, иначе я убил бы этого негра Агенобарба голыми руками. У меня до сих пор чешутся руки при одной мысли о его горле. Обычно сенат не идет против воли старшего консула, но тут все вышло иначе. Сенаторы почти единогласно проголосовали за предложение Марка.

У нее было все самое лучшее, Цезарь. Служащие похоронных контор все делали с любовью. Она была такая красивая, но белая как мел. И потому ей чуть подкрасили кожу. А волосы уложили так, как она любила, и закрепили гребнем с самоцветами. Тем самым, что я подарил ей на двадцать второй день рождения. Восседая на черных с золотом подушках похоронных носилок, она казалась богиней. Не было надобности прятать ее в тайник под носилками и выставлять на обозрение куклу. Я распорядился, чтобы облачение на ней было ее любимого цвета, цвета голубой лаванды. Именно в таком платье я впервые увидел ее и подумал, что она Диана ночи.

Процессия ее предков была внушительнее, чем у любого из римлян. В головной колеснице помещалась актриса Коринна с маской Юлии на лице. У Венеры Победительницы над моим театром лицо моей Юлии. Коринна тоже была обряжена в золотое платье Венеры.

Мы никого не забыли – от первого консула из рода Юлиев до Квинта Марция Рекса и Цинны. Сорок колесниц предков, в каждую впряжены черные, как обсидиан, лошади.

Я был там, хотя и не должен был пересекать померий и входить в город. Я уведомил ликторов тридцати курий, что на этот день принимаю империй уполномоченного по зерну. Это давало мне право пересечь священную границу. Думаю, Агенобарб был напуган. Иначе бы он попытался воспрепятствовать мне.

Что его напугало? Отвечу: огромные толпы на Форуме. Цезарь, я никогда ничего подобного не видал. Даже на похоронах Суллы. Ведь тогда все пришли просто из любопытства, посмотреть, как хоронят Суллу. А в этот раз люди пришли, чтобы плакать. Тысячи тысяч римлян, в основном простых горожан. Аврелия говорит, это потому, что Юлия росла в Субуре, среди них, и они обожали ее. Так много евреев! Я не знал, что в Риме их столько. Длинные волосы, курчавые бороды. Их ни с кем не спутаешь. Я знаю, ты тоже рос среди них и всегда был к ним добр. Однако Аврелия утверждает, что они пришли ради Юлии, а не в угоду тебе.

Я попросил Сервия Сульпиция Руфа сказать прощальное слово с ростры. Не знаю, кого бы предпочел ты сам. Но я не мог заставить себя просить о том Цицерона. О, он бы, конечно, сказал! Ради меня, если не ради тебя. Но вряд ли говорил бы от сердца. Он не может не играть на публику. А Сервий – искренний человек, патриций и лучший оратор, чем Цицерон, когда речь не идет о политике и подлогах.

Но все это не имеет значения. Прощальное слово сказано не было. Правда, от нашего дома до Форума все шло в соответствии с ритуалом. Сорок колесниц с предками были встречены в благоговейном молчании, слышен был только плач тысяч женщин. Но когда Юлию понесли мимо Регии к Нижнему форуму, все ахнули, вскинулись, потом пронзительно закричали! Я меньше испугался, впервые услышав улюлюканье дикарей. Толпа хлынула к носилкам. Со всех сторон, разом. Никто не мог этого остановить. Агенобарб и некоторые плебейские трибуны пытались, но их оттеснили. Затем в центре площади стали сооружать погребальный костер. Люди бросали туда свои вещи: обувь, одежду, свитки, пергамент, все, что может гореть. Поленья передавали с задних рядов поверх голов – даже не знаю, откуда их брали.

Они сожгли ее прямо на Римском форуме. Агенобарба, стоявшего на ступенях сената, едва не хватил удар. А бедный Сервий, собиравшийся произнести прощальную речь, так и замер с открытым ртом прямо на ростре, куда сбегались актеры, испуганные, как жены варваров, завидевшие наступающий легион. По всему Риму мчались, закусив удила, черные лошади, таща за собой опустевшие колесницы, а главные плакальщицы смогли дойти только до храма Весты, где и остановились, не зная, как быть.

Но тем все не кончилось. В толпе были плебейские вожди. Они смело подступили к Агенобарбу и заявили, что прах Юлии должно похоронить на Марсовом поле. Рядом с Агенобарбом стоял Катон, и они оба возмутились. Женщина? Среди героев? Этому никогда не бывать! Только через их трупы! Толпа подходила все ближе и ближе, пока наконец Агенобарб и Катон не поняли, что они и правда станут трупами, если не уступят. Они вынуждены были дать клятву.

Итак, моя девочка будет похоронена на Марсовом поле, где лежат все великие римляне. Я еще не до конца пришел в себя, но постараюсь устроить все быстро. Даю слово, это будет самая величественная могила. Плохо лишь то, что сенат запретил погребальные игры в ее честь. Но все боятся толпы.

Мой долг выполнен. Я обо всем рассказал. Твоя мать тяжело переживает утрату. В первом письме я говорил, что она выглядит на сорок пять. Теперь она превратилась в старуху. Весталки ухаживают за ней. И твоя маленькая жена Кальпурния. Она очень страдает. Они с Юлией были подругами. О, опять эти слезы! Из меня вытек, наверное, океан. Моя девочка ушла навсегда. Как мне вынести это?

«Как мне вынести это?»

Потрясение было столь велико, что глаза Цезаря оставались сухими.

«Как *мне* вынести это? Мой цыпленок, моя идеальная жемчужина. Мне скоро сорок шесть, а моя дочь умерла при родах. Так, пытаюсь родить мне сына, умерла и ее мать. Все повторяется! Бедная матушка! Как я смогу посмотреть ей в лицо? Как вынесу соболезнования? Они все захотят посочувствовать, все будут искренними. Но как же мне быть? Дать им увидеть свои глаза? Глаза человека, раненного в самую душу? Показать им свою боль? Я не могу этого допустить. Моя боль – это моя боль, и больше ничья. Я уже пять лет не видел мою дочурку и теперь никогда не увижу. Я едва могу вспомнить, как она выглядела. Помню лишь, что она никогда меня не огорчала. Говорят, что только хорошие люди умирают молодыми. Только идеальных людей никогда не безобразит старость. О моя Юлия! Как *мне* вынести это?»

Он поднялся с курульного кресла, хотя совсем не чувствовал ног. Письмо, написанное в секстилии, осталось лежать на столе. Сентябрьское он сжал в руке и покинул палатку, чтобы окунуться в жизнь военного лагеря и не оставаться на грани безумия, за которой лишь пустота. Лицо его было спокойным. Когда Авл Гирций, бесцельно слонявшийся у флагштока, встретился с ним взглядом, то увидел обычные глаза Цезаря, скорее невозмутимые, нежели холодные. Всеведущие, как заметил Мандубракий.

– Все в порядке, Цезарь? – спросил настороженно Гирций.

Цезарь улыбнулся:

– Да, Гирций. – Он поднял левую руку, козырьком приставил к глазам и посмотрел на заходящее солнце. – Время обеда уже прошло, надо чествовать царя Мандубракия. Нельзя, чтобы бритты думали, что мы скупердяи. Особенно когда мы их угощаем их же едой. Пожалуйста, проследи, чтобы все приготовили. Я скоро буду.

Он повернулся к открытой площадке лагерного форума, примыкавшего к палатке командующего. Невдалеке он увидел молоденького легионера, который сгребал в кучу уголья дымящегося костра, явно в качестве наказания. Заметив приближение Цезаря, паренек стал действовать энергичнее, дав себе клятву, что больше не получит выговора во время смотра. Но он никогда не видел Цезаря вблизи, поэтому, когда высокая фигура нависла над ним, он прервался на несколько мгновений, чтобы как следует его рассмотреть. Командующий *улыбался!*

– Не спеши гасить костер, парень. Мне нужен один живой уголек, – произнес Цезарь на протяжной латыни, на которой говорят солдаты. – Чем же ты провинился, что вынужден выполнять эту работу в такую жару?

– Я не закрепил ремень шлема.

Цезарь наклонился и поднес тонкий свиток к слабо тлеющей головешке. Папирус загорелся. Цезарь выпрямился и держал маленький факел, пока пламя не добралось до пальцев. Только когда свиток стал разваливаться на легкие черные хлопья, он его отпустил.

– Всегда следи за своим снаряжением, солдат. Только оно убережет тебя от пики касса. – Он направился в палатку, но приостановился и бросил через плечо: – Нет, не только оно, солдат! Еще твое мужество и твой римский склад ума. Это они побеждают. Но шлем, крепко сидящий на голове, защищает твои римские мозги!

Забыв про костер, молодой легионер стоял и, открыв рот, смотрел вслед командующему.

«Какой человек! Он говорил со мной как с приятелем! Просто, по-свойски. И на солдатском жаргоне. Откуда он его знает? Он ведь никогда не служил рядовым, это точно!»

Широко улыбнувшись, солдат стал затапывать пепел. Командующий знал не только солдатский жаргон, но и как зовут каждого центуриона в его легионах. Ибо это был Цезарь.

Для бритта главная цитадель Кассивелауна и его племени кассов была неприступна. Она стояла на крутом округлом холме, окруженная укрепленным бревнами валом. Римляне не сумели бы отыскать ее в непролазных лесах, но с помощью Мандубракия и Тринобеллуна быстро подошли напрямик к ней.

Кассивелаун был умен. После первого проигранного сражения, когда эдуйская кавалерия, пересилив страх перед колесницами, обнаружила, что справиться с здешними варварами гораздо легче, чем с германскими всадниками, вождь кассов применил тактику Фабия. Он выпустил пехоту и, выставив против римлян четыре тысячи колесниц, напал на них во время лесных переходов. Колесницы внезапно появлялись среди деревьев в тех местах, где они росли достаточно редко, и атаковали римских пехотинцев, которых приводили в смятение столь архаичные средства ведения боя.

Им было от чего прийти в ступор. Колесницы налетали на них, в каждой стояли возница слева и воин справа. Воин держал наготове копьё в правой руке и сжимал в левой еще несколько копий. К низкому, сделанному из ивовых прутьев борту колесницы крепились ножны с мечом. С босых ног до непокрытой головы воин был причудливо разрисован вайдой. Когда заканчивались копьё, он, выхватив меч, быстро, как акробат, перелетал на дышло, прыгающее между парой низкорослых лошадок. Когда упряжка врезалась в гущу римских солдат, он соскакивал с дышла и в бешеном ритме работал мечом, находясь под защитой конских копыт, от которых пятились изумленные legionеры.

К тому времени как Цезарь подступил к цитадели кассов, его закаленные и стойкие войска были сыты по горло и Британией, и колесницами, и скудным рационом. Не говоря уже об ужасной жаре. К жаре они привыкли и могли пройти полторы тысячи миль, взяв не более одного дня на отдых, причем каждый нес на левом плече груз фунтов в тридцать, подвешенный на рогатину. Да еще тяжелая кольчуга до колен, которую они препоясывали ремнем с мечом и кинжалом, чтобы ее вес в двадцать фунтов меньше давил на плечи. К чему они не привыкли, так это к высокой влажности. Она так душила их во время этой второй экспедиции, что Цезарю пришлось пересмотреть расстояние, которое люди могли пройти во время дневного марша. Если по итальянской или испанской жаре солдаты шагали по тридцать миль в день, то по британской жаре не более двадцати пяти.

Однако сейчас идти было легче. Поскольку тринованты и небольшой отряд пехоты защищали оставленный позади полевой лагерь, legionеры шли налегке, только шлемы на голове да *pila* в руках, а не груженные на мула, приданного каждой группе из восьми человек. Войдя в лес, они уже были готовы к атаке. Приказ Цезаря был конкретным: не отступать ни на шаг, от коней защищаться щитами, а копьё метать в разрисованную грудь возницы, а уж потом без помех разделяваться с воинами.

Для поднятия боевого духа Цезарь сам шагал в середине колонны. Как правило, он предпочитал идти пешком, а на коня садился только для того, чтобы с большей высоты определить дистанцию. Обычно его окружали легаты и трибуны. Но не сегодня. Сегодня он шел рядом с Асицием, младшим центурионом десятого legionа, обмениваясь шутками с теми, кто шагал впереди и позади.

Кассы атаковали задние ряды четырехмильной колонны римлян в узком месте, где эдуйская кавалерия, двигавшаяся в арьергарде, не могла развернуться. Но в этот раз legionеры смело ринулись прямо на колесницы. Защищаясь щитами от града копий и грозных копыт, они вышибли из двуколок возниц и принялись за их сотоварищей. Им надоела Британия, но не хотелось возвращаться в Галлию, не изрубив в лапшу нескольких дикарей, а в ближнем бою

варварский длинный меч был несравним с римским, коротким гладием. Колесницы в беспорядке бросились в лесную гущу и больше не появлялись.

После этого взять цитадель было легко.

– Как отобрать у ребенка игрушку! – весело сказал Асиций своему командиру, перед тем как ринуться в бой.

Цезарь начал атаку одновременно с противоположных сторон. Легионеры накатились на вал, а в это время эдуйская кавалерия, улюлюкая, перескочила через него. Кассы разбежались, многие были убиты. Цезарь захватил крепость вместе с большими запасами продовольствия, достаточными, чтобы отплатить триновантам за помощь и сытно кормить своих людей до тех пор, пока они не покинут Британию навсегда. Но самой ужасной потерей для варваров были их колесницы, стоявшие внутри распряженными. Разгоряченные легионеры порубили их на куски и сожгли. А тринованты, весьма довольные, скрылись с трофейными лошадьми. Другой добычей почти не разжились. Британия не была богата ни золотом, ни серебром, ни жемчугами. Тут ели с глиняной обожженной посуды, а пили из рогов.

Пора было возвращаться в Косматую Галлию. Приближалось время штормов (календарь, как обычно, существенно опережал сезоны), а побитые корабли римлян вряд ли могли выдерживать страшные шквалистые ветры. Как следует пополнив запасы продовольствия и сделав триновантов хозяевами большей части этих земель, Цезарь разместил два легиона перед многомильным обозом, а два – позади и отправился к побережью.

– Что ты намерен делать с Кассивелауном? – спросил Гай Требоний, грузно вышагивая рядом с командующим: если тот шел пешком, даже старший легат не имел права сесть на коня.

– Он попытается отыгаться, – спокойно ответил Цезарь. – А потом, еще до отплытия, я заставлю его подчиниться и принять наши условия.

– Ты хочешь сказать, он опять ударит на марше?

– Сомневаюсь. Он потерял слишком много людей. И еще колесницы.

– Тринованты забрали всех захваченных лошадей. Они хорошо заработали.

– Это награда за помощь нам. Сегодня проиграл, завтра выиграл.

С виду он кажется прежним, подумал Требоний, который любил Цезаря и тревожился за него. Но только с виду. Что было в письме, в том, которое он сжег? Все заметили, что с ним что-то не так. Потом Гирций рассказал о письмах от Помпея. Никто бы не осмелился прочесть корреспонденцию, которую Цезарь не отдал Гирцию или Фаберию. И все же он сжег одно из тех писем. Словно сжигал корабли. Почему?

И это было еще не все. Цезарь перестал бриться. Очень показательно для человека, чей ужас перед вшами был так велик, что он ежедневно выщипывал каждую волосинку под мышками, на груди, в паху и скоблил подбородок даже в критической обстановке. Его редкие волосы на голове шевелились при одном лишь упоминании о паразитах. Он сводил с ума слуг, требуя ежедневно стирать свои вещи. И никогда не спал на земле, потому что там водились блохи. За ним всюду возили секции деревянного пола для его полевого шатра. Как потешались бы над этим его недруги в Риме, если бы до них дошли подобные слухи! Простые доски, даже не покрытые лаком, превратились бы в уста некоторых из них в мрамор и мозаику. Зато он мог подхватить огромного паука и, улыбаясь, следить, как тот бежит по ладони. Самый заслуженный центурион упал бы в обморок, свались на него такое чудовище. А Цезарь всем объяснял, что пауки – чистые существа, почтенные хранители дома. С другой стороны, любой крошечный таракан мог загнать его на стол или на лавку. Цезарь никогда не давил их, боясь испачкать подошвы. «Это грязные существа», – вздрагивая от отвращения, говорил он.

И вот теперь прошло уже три дня, как они выступили в поход, и одиннадцать дней с того момента, как ему доставили почту. И он с тех пор ни разу не брился. Умер кто-то из его близких. Он явно был в трауре. По кому? Все выяснится, когда они прибудут в гавань Итий, но молчание Цезаря означало, что заговаривать с ним об этом не следует. Требоний и Гирций

полагали, что это была Юлия. Требоний подумал, что надо бы отвести этого дурня Сабина в сторону и пригрозить ему обрезанием, если он сунется к Цезарю со своими соболезнованиями. Его уже угораздило спросить Цезаря, почему тот не бреется.

– Из-за Квинта Лаберия, – прозвучало в ответ.

Нет, это не из-за Лаберия. Это, скорее всего, Юлия. Или Аврелия, его знаменитая мать. Но если Аврелия, то при чем тут Помпей?

Квинт Цицерон, к всеобщему счастью гораздо менее чванливый, чем его знаменитый братец, тоже думал, что это Юлия.

– Как ему теперь удержать на своей стороне Помпея? – пробормотал он за обедом в общей палатке легатов, на который Цезарь не пришел.

Требоний, чьи предки были еще менее знатны, чем предки Цицерона, входил в сенат и потому был хорошо знаком с политическими союзами, включая союзы, скрепленные браками, так что он сразу уловил смысл вопроса Квинта Цицерона. Цезарь нуждался в Помпее Великом, который был Первым Человеком в Риме. Война в Галлии далека от завершения; он сам считал, что продлить его полномочия придется еще лет на пять, а в сенате засела стая волков, точивших на него зубы. Он постоянно ходил по проволоке, натянутой над огнем. Требонию, любившему Цезаря, трудно было взять в толк, как можно питать ненависть к такому замечательному человеку. Однако этот мерзкий ханжа Катон сделал карьеру, пытаясь свалить Цезаря, не говоря уже о коллеге Цезаря по консульству Марке Кальпурнии Бибуле, и этом борове Луции Домиции Агенобарбе, и большом аристократе Метелле Сципионе, толстом, как деревянная балка храма.

Они с радостью вонзили бы клыки и в Помпея, но не с той жуткой ненавистью, которую только Цезарь способен разжечь в них. Почему? О, им бы повоевать с ним. Тогда бы они наконец поняли, что это за человек! Под его началом нет тени сомнений в успехе любого предприятия. Как бы ни развивались события, он всегда найдет способ склонить чашу весов в свою пользу. И обязательно победит.

– Почему они так злы на него? – сердито спросил Требоний.

– Очень просто, – усмехнулся Гирций. – Он – Александрийский маяк, а они рядом с ним – фитильки, едва теплящиеся на конце Приаповой лампы. Они нападают и на Помпея Магна, ведь он Первый Человек в Риме, а они считают, что такого быть не должно. Но Помпей пиценец и ведет свой род от дятла. А Цезарь – римлянин, потомок Венеры и Ромула. Все римляне преклоняются перед аристократами, но некоторые предпочитают, чтобы они походили на Метелла Сципиона. Когда Катон, Бибул и прочие смотрят на Цезаря, они видят того, кто превосходит их во всех отношениях. Как Сулла. Цезарь всех выше – и по рождению, и по способностям, он при случае может прихлопнуть их как мух. А они в свою очередь пытаются опередить и прихлопнуть его.

– Ему нужен Помпей, – задумчиво проговорил Требоний.

– Если он собирается сохранить империй и провинции, – подхватил Квинт Цицерон, с тоской макая кусок хлеба в третьесортное масло. – О боги, как же мне хочется обсосать крылышко жареного гуся в Итии! – сказал он затем, меняя тему.

Желанный жареный гусь казался уже почти достигаемым, когда колонна вошла в свои прибрежные укрепления, однако Кассивелаун не пожелал взять чаяния римлян в расчет. С уцелевшими кассами он объехал кантиев и регнов, племена, жившие по берегам Тамезиса, и набрал новую армию, которую повел на штурм. Но атаковать римский лагерь – все равно что пытаться голой рукой пробить каменную стену. Защитникам, стоявшим на укреплениях, было очень удобно метать копьа в разрисованные торсы варваров, походившие на мишени, выставленные в ряд на тренировочном поле. К тому же они еще не усвоили урока, уже полученного галлами, и остались на месте, когда Цезарь вывел своих людей из лагеря для рукопашного боя. Они все еще придерживались старых традиций, согласно которым человек, покинувший

живым проигранное сражение, становился изгоем. Эта традиция стоила белгам на материке пятидесяти тысяч напрасно убитых только в одном сражении. Теперь белги покидали поле битвы, как только понимали, что проигрывают, и оставались живыми, чтобы потом снова сражаться.

Кассивелаун запросил мира и подписал нужный Цезарю договор. Затем передал ему заложников. Это было в конце ноября по календарю, что соответствовало началу осени.

Стали готовиться к отплытию, однако после осмотра каждого из семисот кораблей Цезарь решил, что надо переправляться двумя партиями.

– Лишь половина кораблей в сносном состоянии, – сообщил он Гирцию, Требонию, Сабину, Квинту Цицерону и Атрию. – На них мы разместим два легиона, кавалерию, всех выюнных животных, кроме мулов центурий, и отправим их в гавань Итий. Потом корабли вернутся без груза и заберут три оставшихся легиона.

С собой он оставил Требония и Атрия, остальным велел отплывать.

– Я рад и польщен, что меня попросили остаться, – произнес Требоний, следя за погрузкой трехсот пятидесяти кораблей.

Эти суда Цезарь велел специально построить на реке Лигер и затем вывести их в открытый океан, чтобы сразиться с двумястами двадцатью построенными из дуба кораблями венетов, которые с усмешкой посматривали на спешащие к ним римские суда с тонкими веслами, низкой осадкой и хрупкими сосновыми корпусами. Игрушечные лодки для плавания в ванне, легкая добыча. Но все оказалось совсем не так.

Пока Цезарь и его солдаты посиживали на скалах, как на трибунах цирка, флотилия римлян ошетибилась приспособлениями, придуманными инженерами Децима Брута во время лихорадочной зимней работы на верфях. Кожаные паруса кораблей венетов были такими тяжелыми, что вантами служили цепи, а не веревки. Зная это, Децим Брут снабдил каждое свое судно длинным шестом с зазубренными крюками и кошками на концах. Подплывая к неприятельскому кораблю, римляне выдвигали шесты, запутывали их в чужих вантах, потом, бешено работая веслами, отплывали. Паруса с мачтами падали, и неуклюжее судно венетов начинало беспомощно дрейфовать. Три римских корабля окружали его, как терьеры оленя, брали на бордаж, убивали команду и поджигали борта. Через какое-то время море покрылось кострами. Когда стих ветер, победа Децима Брута стала полной. Только двадцать дубовых кораблей спаслись.

Теперь низкая осадка кораблей весьма пригодилась. На берег были сброшены пологие широкие сходни, и лошади, не успев испугаться, перебрались по ним на палубы. Будь уклон круче, эти норовистые животные доставили бы куда больше хлопот.

– Неплохо без пристани, – удовлетворенно заметил Цезарь. – Завтра они вернутся и заберут нас.

Но наутро подул северо-западный ветер, который не очень сильно встревожил море, но сделал обратный переход судов невозможным.

– О Требоний, эта земля противится мне! – воскликнул Цезарь на пятый день шторма, яростно теребя щетинистый подбородок.

– Мы как греки на берегу Илиона, – высказался Требоний.

Это, казалось бы, невинное замечание заставило Цезаря принять решение. Он неприязненно взглянул на своего легата и процедил сквозь зубы:

– Но я не Агамемнон и не стану торчать здесь десять лет!

Он повернулся и крикнул:

– Атрий!

Тот сразу же явился:

– Да, Цезарь?

– Крепко ли сидят гвозди в оставшихся кораблях?

– Наверное, да, кроме тех сорока, что совсем развалились.
– Тогда труби сбор. Мы оседаем попутные волны. Начинай грузить всех на пригодные корабли.

– Все не поместятся! – воскликнул пораженный начальник лагеря.

– Пусть набиваются как сельди в бочке. И блюют друг на друга. В гавани Итий у них будет возможность отмыться, прыгая за борт прямо в доспехах. Грузи все, до последней баллисты, и отплываем.

– Кое-что из артиллерии придется оставить, – тихо сказал Атрий.

Брови Цезаря приподнялись.

– Я не оставлю тут ни артиллерию, ни тараны, ни мои механизмы, ни одного солдата, ни одного нестроевого, ни одного раба. Если ты не способен наладить погрузку, Атрий, это сделаю я.

Это были не пустые слова, и Атрий знал это. Он также знал, что теперь его будущее зависит от того, насколько точно он выполнит приказ, ведь сам командующий сделал бы это удивительно быстро и эффективно. Он не стал больше протестовать и ушел, так что вскоре раздался сигнал. Требоний засмеялся.

– Что тут смешного? – холодно спросил Цезарь.

Нет, не время шутить! Требоний мгновенно стал серьезным:

– Ничего, Цезарь. Совсем ничего.

Было решено отплыть через час после рассвета. Весь день солдаты и нестроевики трудились, нагружая самые крепкие корабли столь драгоценными для Цезаря баллистами, механизмами, повозками, мулами в ожидании прилива. Когда вода поднялась, они принялись толкать корабли, забираясь затем по веревочным лестницам на борт. Обычный груз судна составляли одна баллиста или несколько вспомогательных механизмов, четыре мула, одна повозка, сорок солдат и двадцать гребцов. Но восемнадцать тысяч солдат и нестроевиков и четыре тысячи рабов и матросов вкупе со всем остальным обеспечили каждому из судов значительный перегруз.

– Разве это не поразительно? – спросил Требоний Атрия, когда солнце зашло.

– Что? – безучастно спросил начальник лагеря, чувствуя, как дрожат колени.

– Он счастлив. О, он по-прежнему носит в себе свое горе, но он счастлив. Он опять творит нечто немыслимое для других.

– Надо было хотя бы отправлять корабли один за другим по мере погрузки!

– Это не для него! Он убыл с флотом и с флотом вернется. Все эти знатные галлы в гавани Итий должны видеть, что прибывает командующий, который держит все под контролем. А что это за флот, размазанный по морю? Нет, на подобное он ни за что не пойдет! И он прав, Атрий. Мы должны показать этим галлам, что мы лучше их *во всем*. – Требоний взглянул на темное небо. – Луна на ущербе. Но он отплывет, как только будет готов, не дожидаясь назначенного часа.

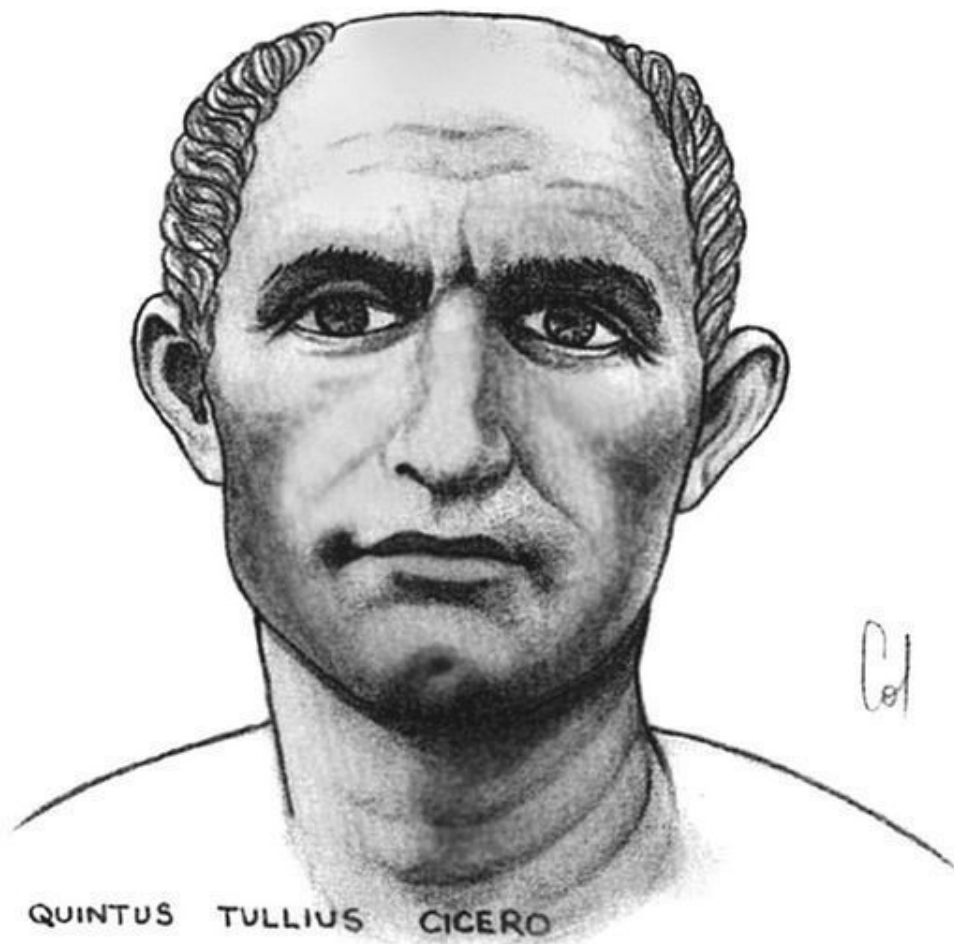
Верное предсказание. В полночь корабль Цезаря со свежим попутным ветром вышел в черноту моря. Лампы на корме и на мачте служили сигнальными огнями для других кораблей, следующих за ним.

Цезарь облокотился на леер между двумя опытными моряками, управлявшимися с кормовыми веслами, и стал смотреть на пляску крохотных светлячков над непроглядным мраком океана. «*Vale*, Британия. Я не буду скучать по тебе. Но что лежит там, за горизонтом, куда еще никто не плавал? Ведь это не маленькое море, это могучий океан. Именно там живет великий Нептун, а не в чаше Нашего моря. Возможно, состарившись, я возьму тяжелый корабль вентов, подниму его кожаные паруса и поплыву на запад, за солнцем. Ромул заблудился в Козьем болоте на Марсовом поле, и, когда он не вернулся домой, все подумали, что его забрали боги. И я уплыву во мглу вечности, и все будут думать, что я взят в царство богов. Моя Юлия там.

Народ знает. Ее сожгли на Форуме и погребли среди героев. Однако сначала я должен выполнить все, чего требуют от меня моя кровь и мой дух».

Ветер гнал облака, но луна все же светила достаточно ярко, и корабли шли кучно под парусами, раздутыми, словно животы беременных женщин, так что весла в ход практически не пускали. Плавание заняло шесть часов. Корабль Цезаря вошел в гавань Итий вместе с рассветом. За ним в боевом порядке и в полном составе следовал флот. Удача вернулась к Цезарю. Ни один человек, ни одно животное или орудие не стали жертвой Нептуну.

Косматая Галлия
Декабрь 54 г. до Р. Х. – ноябрь 53 г. до Р. Х.

Квинт Туллий Цицерон

– С полными восемью легионами в гавани Итий зерно кончится еще до конца года, – сказал Тит Лабиен. – Снабженцы не слишком-то преуспели в его заготовке. У нас много солевой и копченой свинины, масла, сладкого свекольного сиропа и сушеных фруктов, но мало пшеницы и нута.

– Нельзя ожидать, что солдаты будут сражаться без хлеба, – вздохнув, согласился Цезарь. – Самое страшное в засухе то, что она ударяет по всем. Ни в Испании, ни в Итальянской Галлии я не могу купить ни зерна, ни бобов. Там тоже голодают. – Он пожал плечами. – Что

ж, нам остается одно: рассредоточить на зиму легионы и принести жертву богам в надежде на будущие урожаи.

– Очень жаль, что наш флот так потрепан, – бестактно заметил Квинт Титурий Сабин. – В Британии, несмотря на жару, урожай был хорошим. Будь у нас достаточно кораблей, мы могли бы переправить пшеницу сюда.

Присутствующие внутренне содрогнулись. Цезарь, лично следивший за состоянием флота, но не имевший влияния на ветры и приливы, мог воспринять сказанное как упрек. Но Сабину повезло, наверное, потому, что Цезарь с первого дня их знакомства держал его за пустослова и дурачка. Он только бросил презрительный взгляд и продолжил:

– По одному легиону в каждую область.

– Кроме земель атребатов, – внес предложение Коммий. – Мы пострадали от жары меньше других и вполне можем прокормить два легиона, если для будущей весенней пахоты и сева ты выделишь нам нестроевиков.

Сабин опять вмешался в разговор.

– Если бы вы, галлы, так озабоченные своим статусом, не считали, что ходить за плугом ниже достоинства свободного человека, – ядовито заметил он, – дело с сельским хозяйством пошло бы на лад. Почему бы не привлечь к этому бесполезных друидов?

– Что-то я ни разу не видел римлянина первого класса за плугом, Сабин, – спокойно сказал командующий и улыбнулся Коммию. – Хорошо! Значит, Самаробрива вновь готова принять нас. Но Сабина я вам не дам. Думаю, ему стоит отправиться в земли эбурунов со своим тринадцатым легионом, прихватив с собой Котту в качестве второго командира. Он может взять тринадцатый легион и разместиться в Атуатуке. Это место, конечно, не соответствует статусу Сабина, но, уверен, он приведет его в должный порядок.

ЦЕЗАРЬ

В БРИТАНИИ, 54 г. до н. э.,
И ГАЛЛИИ БЕЛГИКЕ, 53 г. до н. э.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

○ Оппид • Лагерь легата X Место битвы

1) р. Тамезис	10) р. Нида	19) р. Лигер	χ ₁ Лабиев
2) р. Рейн	11) р. Саран	20) р. Карис	χ ₂ Оппид нервиев
3) р. Луптия	12) р. Секвана	21) р. Арар	χ ₃ Лабиев
4) р. Рура	13) р. Исара	22) р. Дубис	χ ₄ Атака сигамбров и резня, устроенная эбурунами
5) р. Моза	14) р. Аксона		
6) р. Скальдис	15) р. Олина		
7) р. Сабис	16) р. Матрона		
8) р. Самара	17) р. Икавна		
9) р. Мозелла	18) р. Кора		

Цезарь в Британии, 54 г. до н. э., и Галлии Белгике, 53 г. до н. э.

Легаты наклонили голову, скрывая улыбки. Цезарь только что послал Сабина в самую худшую из галльских областей, откомандировав вместе с ним человека, которого тот ненавидел, чтобы они на равных командовали новобранцами, кое-как сбитыми в легион, имевший к тому же не самый счастливый из номеров. Несправедливо по отношению к Котте (из рода Аврункулеев, а не Аврелиев), но кто-то ведь должен приглядывать за дурачком, и все, кроме бедного Котты, были довольны, что Цезарь не выбрал кого-то из них.

Присутствие Коммия, конечно же, оскорбляло не только Сабина. Многие задавались вопросом, почему Цезарь вообще пригласил на совет галла, пусть самого преданного и достойного доверия и пусть речь идет всего лишь о провизии и постое. Будь Коммий приятным человеком, к нему относились бы терпимее, но Коммий, увы, не вызывал симпатии. Невысокий, с острыми чертами лица, наглый. Его рыжеватые, жесткие, как щетка, волосы (по обычаю галльских воинов он мыл их раствором извести) были собраны в высокий хвост, на плечи был накинут ярко-красный клетчатый плащ. Легаты Цезаря видели в нем проныру и прилипалу, который всегда трется возле важных персон, и вовсе не склонны были считаться с тем фактом, что он – вождь очень сильного и воинственного народа. Северо-западные белги еще не променяли своих вождей на ежегодно избираемых вергобретов, и любой тамошний аристократ мог бросить вызов правителю. Статус вождя добывали силой, а не наследовали. А Коммий уже много лет был вождем.

– Требоний, – сказал Цезарь, – ты на зиму отправишься с десятым и двенадцатым легионами в Самаробриву и будешь отвечать за обоз. Марк Красс, ты встанешь лагерем как можно ближе к Самаробриве – не далее двадцати пяти миль от нее, на границе между белловаками и амбианами. Возьми восьмой легион. Фабий, ты останешься здесь, в гавани Итий, с седьмым легионом. Квинт Цицерон, ты с девятым отправишься к нервиям. Росций, ты вместе с пятым, «Жаворонком», сможешь вкушать мир и покой: я посылаю тебя к эзубиям. Пусть кельты знают, что я о них помню.

– Ты ждешь неприятностей от белгов? – хмурясь, спросил Лабиен. – Я согласен. В последнее время они что-то притихли. Пошлешь меня к треверам, как обычно?

– Не в самый Тревир. К треверам, но к тем, что соседствуют с ремами. Возьмешь одиннадцатый легион и кавалерию.

– Тогда я осяду на реке Моза, неподалеку от Виродуна. Если снега будет немного, кони там смогут пастись.

Цезарь поднялся, давая понять, что совет завершен. Он созвал легатов, как только сошел на берег, желая немедленно распределить на зимний постой все восемь легионов, которые сейчас находились в гавани Итий. Теперь уже все знали, что умерла Юлия. Но никто не осмеливался об этом заговорить.

– Ты будешь зимовать в хорошем месте, – сказал Лабиен Требонию, когда они вышли от Цезаря. Большие лошадиные зубы его обнажились в улыбке. – Глупость Сабина поражает меня! Если бы он держал рот закрытым, его еще можно было бы выносить. Вообрази: провести зиму в низовьях Мозы, продуваемых всеми ветрами и захлестываемых морскими приливами, среди скал, соленых болот и торфяников, когда германцы так и принимают к твоей заднице в отличие от эбуронов и нервиев.

– В море можно ловить рыбу и угрей, в скалах – собирать птичьи яйца, – сказал Требоний.

– Благодарю, но мне нравится пресноводная рыба, а мои слуги разводят кур.

– Цезарь определенно ждет неприятностей.

– Или придумывает оправдание, чтобы не возвращаться на зиму в Италийскую Галлию.

– Что?!

– Требоний, он просто не хочет видаться с соотечественниками! На него тут же посыплются соболезнования отовсюду – от Окела до Салоны, и он боится, что не вынесет этого.

Требоний остановился, удивленно глядя на спутника:

– Я не подозревал, что ты так хорошо знаешь его, Лабиен.

– Я с ним с тех пор, как он отправился к длинноволосым.

– Но ведь мужские слезы не считаются в Риме чем-то зазорным!

– Он тоже так полагал, когда был молодым. Но тогда он был Цезарем только по имени.

– Что ты хочешь сказать?

– Теперь Цезарь уже не имя, а символ, – терпеливо пояснил Лабиен.

– О-о-о! – Требоний двинулся дальше. – Мне не хватает Децима Брута! – вдруг вырвалось у него. – Как ни верти, а Сабин не может его заменить.

– Он вернется. Все тут скучают по Риму.

– Кроме тебя.

Старший легат Цезаря усмехнулся:

– Я понимаю, как мне повезло.

– И я тоже. Самаробрива! Вообрази, Лабиен! Я опять буду жить в настоящем доме с теплыми полами и с ванной.

– Ты сибарит, – прозвучало в ответ.

Корреспонденции из сената накопилось много, и ее надо было просмотреть в первую очередь. На это у Цезаря ушло три дня. За стенами его деревянного дома легионы готовились к отбытию. Все шло спокойно, без суеты, так что ничто не мешало бумажной работе. Даже апатичный Гай Требатий был втянут в водоворот, ибо Цезарь имел привычку диктовать письма сразу трем секретарям, переходя от одного к другому, нагибаясь над их восковыми табличками, торопливо говоря каждому два-три предложения и никогда не путаясь в темах или мыслях. Его поразительная работоспособность покорила Требатия. Человека, легко и непринужденно занимающегося несколькими делами одновременно, нельзя недооценивать.

Наконец подошел черед и письмам личного плана – они прибывали с каждым днем. До Рима от гавани Итий было восемьсот миль. Большую часть пути приходилось плыть по рекам Косматой Галлии, чтобы добраться до Домициевой и Эмилиевой дорог. Цезарь держал группу курьеров, непрестанно курсировавших верхом или на лодках по своим отрезкам пути и покрывавших как минимум пятьдесят миль в день. Таким образом, он получал последние вести из Рима менее чем через две нундины, имея возможность увериться, что, несмотря на личное отсутствие, его влияние в Риме только растет вместе с ростом его состояния. С Британии почти нечего было взять, но Косматая Галлия с лихвой это возмещала.

Вольноотпущенник Цезаря, германец Бургунд достался ему, пятнадцатилетнему, по наследству от Гая Мария. Счастливое наследство. С той поры Бургунд неотлучно находился при господине, и лишь год назад Цезарь по старости отправил его в Рим – приглядывать за своими землями, за своей матерью и женой. Кимвр Бургунд был еще мальчиком, когда Марий наголову разбил его соплеменников и тевтонов, но хорошо знал историю своего народа. По его словам, сокровища двух этих племен были оставлены на сохранение их родичам – атуатукам, у которых тевтоны и кимвры зимовали перед вторжением в пределы Италии. Из семисот пятидесяти тысяч ушедших в поход вернулись только шесть тысяч. В основном это были женщины и дети. Они так и осели у родичей, слившись с атуатуками. И там же остались сокровища этих племен.

На второй год пребывания в Косматой Галлии Цезарь направился в земли нервиев, ниже которых по течению Мозы располагались владения эбурунов, те самые, куда должны были сейчас повести тринадцатый легион несчастный Сабин и еще более несчастный Котта. Сражение было тяжелым. В конце концов все нервии полегли на поле боя, не желая жить побежденными.

Но Цезарь отдал дань мужеству павших, позволив их женщинам, детям и старикам вернуться в свои нетронутые дома.

Выше нервиев по течению Мозы проживали атуатуки, и Цезарь, несмотря на потери, повел армию к ним. Те укрылись в своем оппиде, стоявшем на горе и окруженном густым Арденнским лесом. Цезарь осадил оппид и взял его. Но атуатукам не так повезло, как нервиям. Раздраженный их лживостью и коварством, Цезарь согнал все племя на поле возле разрушенной крепости, кликнул работоторговцев, тайком следовавших за римским обозом, и продал всех пленников разом тому, кто дал большую цену. Пятьдесят три тысячи атуатуков ушли с молотка. Бесконечная вереница сбитых с толку, плачущих, обездоленных людей потекла через земли других племен на большой рынок рабов в Массилии, где их разделили, рассортировали и продали сызнова.

Это был умный ход. Другие племена были на грани восстания, отказываясь верить, что нервии и атуатуки, коих было множество тысяч, не сумели уничтожить римлян. Но вереница пленных говорила иное. И мятежные настроения улеглись. Косматая Галлия задумалась над тем, кем же были эти римляне с их крошечными армиями великолепно оснащенных солдат, действовавших как один человек. Они не бросались на противника беспорядочной, орущей массой, не доводили себя перед сражением до безумия, когда человеку все становится нипочем. Многие поколения галлов жили в страхе перед непобедимыми и упрямыми воинами из далекого Рима, но никто не видел их вживую. До появления Цезаря римляне были просто пугалом, каким стращали детей.

В оппиде атуатуков Цезарь нашел сокровища кимвров и тевтонов, драгоценные вещи и слитки, которые они захватили из богатой золотом, изумрудами и сапфирами земли скифов, покинув ее сотни лет назад. Командующий имел право забрать всю прибыль от продажи рабов, но трофеи принадлежали казне и каждому человеку в армии, от командира до рядового. Даже при этом раскладе, когда все было пересчитано, переписано и длинный обоз повозок с драгоценной поклажей отправился в Рим, сопровождаемый надежной охраной, Цезарь знал, что с денежными затруднениями в его жизни покончено навсегда. Продажа пленных дала ему две тысячи талантов, а доля в трофеях обещала составить еще большую сумму. Его солдаты станут зажиточными людьми, а легаты смогут претендовать на консульство.

И это было только начало. Галлы добывали серебро в рудниках, намывали золото в реках, стекавших с Цевеннского хребта. Они были превосходными ремесленниками, умели обрабатывать сталь. Даже конфискованные груды окованных железом колес или добротно сделанных бочек давали хорошие деньги. И каждый сестерций, посланный Цезарем в Рим, упрочивал его положение и репутацию, его *dignitas*.

Боль, вызванная потерей Юлии, никогда не утихнет, да и Крассом Цезарь не был. Деньги не являлись для него целью, а только средством повысить свое *dignitas*. Годы подъема по ступеням магистратур, когда на нем висели устрашающие долги, показали, что главное не богатство, а неуловимое, нематериальное *dignitas*. Что бы ни повышало теперь его *dignitas*, служило и возвышению умершей Юлии. Это служило утешением. Его старания и ее врожденная способность пробуждать в людях любовь были порукой тому, что римляне сохраняют память о ней как о всеобщей любимице, а не как о дочери Цезаря и супруге Помпея. Он же, с триумфом вернувшись в Рим, непременно устроит в ее честь погребальные игры, хотя сенат и запретил это. Но он настоит на своем, даже если, как однажды он пригрозил отцам-сенаторам (правда, по другому поводу), ему придется собственным сапогом раздавить им яйца.

Писем личного плана хватало. Некоторые были деловыми, как, например, отчеты его преданного сторонника Бальба, испанского финансиста из Гадеса, и Гая Оппия, римского банкира. Размер сегодняшнего состояния Цезаря завлек в его сети еще более прозорливого финансового чудодея Гая Рабирия Постума, которого в благодарность за реорганизацию и упорядо-

чение финансовой системы Египта царь Птолемей Авлет и его александрийские приспешники начисто обобрали и без гроша посадили на корабль, отправлявшийся в Рим. Цезарь одолжил Рабирию денег, чтобы тот мог начать все сначала. И поклялся, что однажды лично вытрясет из Египта все, что Египет задолжал Рабирию.

Были письма от Цицерона, который кудахтал по поводу благополучия младшего брата Квинта и выражал сердечные соболезнования Цезарю в связи с постигшей его утратой. Несмотря на тщеславие и непомерное самомнение, Цицерон, несомненно, был добрый и искренний человек.

А вот и свиток от Брута! Ему вот-вот стукнет тридцать, он собирается войти в сенат в качестве квестора. Еще из Британии Цезарь написал Бруту, предлагая стать его личным квестором. Старший сын Красса Публий прослужил у него квестором семь лет, а в этом году он взял к себе в том же качестве младшего брата Публия, Марка Красса. Замечательные ребята, однако основная обязанность квестора – следить за финансами. Цезарь предполагал, что сыновья Красса просто обязаны это уметь, но он просчитался. Потрясающие командиры не могли сложить два и два. В то время как Брут был истинным плутократом в сенаторской одежде, он умел делать деньги и пускать их в оборот. Сейчас этим занимается толстяк Требатий, но, строго говоря, такая работа не для него.

Брут... Прошло уже много времени, но Цезарь все еще испытывал чувство вины перед ним. Брут так любил Юлию, он терпеливо ждал десять лет, пока та вырастет и достигнет брачного возраста. Но потом в руки Цезаря упал дар богов. Юлия безумно влюбилась в Помпея Великого, а тот – в нее. Это означало, что Цезарь мог крепко привязать к себе своего основного соперника самыми нежными и мягкими путами. Он разорвал помолвку дочери с Брутом (который в те дни уже носил имя Сервий Цепион) и выдал ее за Помпея. Непростая ситуация, разбившая сердце отвергнутого жениха. Мать Брута, Сервилия, много лет была любовницей Цезаря. Чтобы сохранить ее приязнь после нанесенного оскорбления, он подарил ей жемчужину стоимостью в шесть миллионов сестерциев.

Спасибо за предложение, Цезарь. С твоей стороны очень любезно думать обо мне и помнить, что я в этом году должен сделаться квестором. К сожалению, я еще не уверен, что получу эту должность, поскольку выборы отложили. Возможно, до декабря, когда трибы будут избирать квесторов и военных трибунов. Но сомневаюсь, что дело дойдет до магистратов высшего ранга. Меммий спит и видит себя консулом, а мой дядя Катон поклялся, что, пока тот не снимет кандидатуру, курульным выборам не бывать. Кстати, не обращай внимания на оскорбительные слухи о подоплеке его развода. Дядю купить нельзя.

Я между тем собираюсь в Киликию по личной просьбе ее нового наместника Аппия Клавдия Пульхра. Теперь он мой тесть. Месяц назад я женился на его старшей дочери Клавдии. Очень милая девочка.

Еще раз благодарю тебя за предложение. Моя мать пребывает в добром здравии. Я полагаю, она тебе напишет сама.

Вот так! Прими это, Цезарь! Он отложил свиток, моргая от шока, а не от слез.

«Шесть долгих лет Брут не женился. Моя дочь умирает, и через несколько нундин он женится. Кажется, он лелеял надежду. Ждал, уверенный, что она устанет от брака со стариком, который ничем не может похвалиться, кроме военной славы и денег. Ни рода, ни достойных упоминания предков. Интересно, как долго ждал бы Брут? Но она находила, что Помпей прекрасный муж, да и тот никогда бы не устал от нее. Мне самому всегда было жаль, что пришлось так поступить с Брутом, хотя я и не понимал, как много значила для него Юлия, пока не разорвал их помолвку. И все же это надо было сделать, независимо от того, кому придется причинить боль. Госпожа Фортуна одарила меня дочерью, достаточно красивой и энергичной,

чтобы очаровать именно того человека, который был мне отчаянно нужен. Но чем удержу я Помпея теперь?»

Сервилия, как и Брут, прислала единственное письмо, в отличие от Цицерона, размахнувшегося на четырнадцать эпических сочинений. Письмо тоже короткое. Прикосновение к нему вызвало странное чувство, словно бумага была пропитана ядом, способным поражать через кончики пальцев. Цезарь закрыл глаза и попытался вспомнить Сервилию. Ее облик, ее манеры, ее извращенный ум, разрушительную страсть. Что бы он ощутил, увидевшись с ней? Прошло почти пять лет. Сейчас ей пятьдесят, ему – сорок шесть. Наверное, она все еще привлекательна. Она всегда следила за собой. За своей внешностью, за своими прекрасными волосами, черными, как безлунная ночь и как ее сердце. Он не виноват в том, что Брут принес ей одни разочарования, она сама несет за это ответственность.

Думаю, ты уже прочел письмо Брута и получил его отказ. Все должно идти своим чередом, и в первую очередь у мужчин, ты сам хорошо это знаешь. По крайней мере, у меня теперь есть невестка-патрицианка, хотя, признаюсь, нелегко делить дом с другой женщиной, которая мне не родная дочь и потому не приучена к заведенному мной порядку. К счастью, Клавдия – мышка. Не могу представить Юлию мышкой, несмотря на всю ее хрупкость. Жаль, что в ней не было твоей стальной твердости. Поэтому, конечно, она и умерла.

Брут выбрал Клавдию в жены по одной причине. Пиценский выскочка Помпей Магн торговал эту девушку у Анния Клавдия для своего сына Гнея, который мог бы походить на Муция Сцевола, но ни по его лицу, ни по характеру этого не скажешь. Вылитый Помпей Магн, только неумный. Должно быть, отрывает крылышки у мух. Наверное, Брут захотел украсть невесту у отпрыска человека, который украл невесту у него самого. И он это сделал. Анний Клавдий не Цезарь. Это дрянной консул и в будущем, несомненно, нечистый на руку наместник для бедной Киликии. Он выбирал между состоянием моего сына, его безупречным происхождением и влиянием Помпея, к тому же учел тот факт, что младший сын Помпея, Секст, явно пойдет дальше, и чаша Брута перетянула на этих весах. На что Помпей Магн незамедлительно разразился чередой гневных вспышек. И как только Юлия ладила с ним? Вопли неслись по всему Риму. Но Анний поступил очень разумно. Он предложил Гнею в невесты другую свою дочь, Клавдиллу. Ей нет еще и семнадцати, но малолетки Помпеев никогда не смущали. Так что все закончилось к общему удовольствию. Анний получил двух самых именитых и богатых зятьев, две ужасно бесцветные и уродливые девицы отхватили отличных мужей, а Брут выиграл свое маленькое сражение против Первого Человека в Риме.

Они с тестем надеются убить в Киликию еще в этом году, хотя сенат упорно не хочет давать разрешения Аннию Клавдию на скорый отъезд в провинцию. В ответ Анний заявил отцам, внесенным в списки, что, если нужно, уедет и без *lex curiata*. Окончательное решение еще не принято, хотя мой вздорный сводный братец Катон несет всякую чушь по поводу привилегий для патрициев. Ты оказал мне плохую услугу, Цезарь, когда отнял у Брута Юлию. С тех пор он и дядюшка неразлучны. Мне невыносимо злорадство Катона. Он потешается надо мной, ибо мой сын теперь больше прислушивается к нему, чем ко мне.

Катон – ужасный лицемер. Вечно разглагольствует о Республике, о *mos maiorum* и о вырождении правящего класса и постоянно находит оправдание собственным пристрастиям. Самое прекрасное в философских учениях, на мой взгляд, это лазейки, позволяющие их последователям найти для себя смягчающие обстоятельства в любой жизненной ситуации. Взять его развод с Марцией. Говорят, каждый человек имеет свою цену. Полагаю, это так. Дряхлый старый Гортензий раскошелился и дал Катону его цену. Что до Филиппа... ну что ж, он эпикуреец, а бесконечные удовольствия стоят денег.

Кстати, о Филиппе: несколько дней назад я обедала у него. Хорошо, что твоя племянница Атия не распутная женщина. Ее пасынок, юный Филипп (очень симпатичный и статный

молодой человек!), пялился на нее в течение всего обеда, как бык на корову из-за забора. Она, конечно, заметила, но не подала виду. Молодой человек ничего от нее не добьется. Я только надеюсь, что Филипп-старший ничего не заподозрит, иначе уютное гнездышко Атии будет гореть ярким пламенем. После обеда она с гордостью представила мне единственный объект своей любви – маленького Гая Октавия. Он, должно быть, твой внучатый племянник. Ему в этот день исполнилось девять лет. Поразительный ребенок, должна признаться. О, если бы мой Брут был на него похож, Юлия никогда бы не выскочила за Помпея. У меня просто дух захватило. Вылитый Юлий! Если бы ты сказал, что он твой сын, все бы безоговорочно в это поверили. Нет, он не очень похож на тебя лицом, просто в нем есть... я даже не знаю, как это выразить. В нем есть что-то твое. Не во внешности – в сути. Однако я с удовольствием отметила, что мальчик Гай не совсем идеален. У него торчат уши. И я посоветовала Атии не слишком коротко его стричь.

Вот и все. Не буду выражать тебе свои соболезнования по поводу смерти Юлии. Нельзя рожать детей от человека ниже тебя по происхождению. Две безуспешные попытки, и вторая стоила ей жизни. Ты отдал ее мужику из Пицены, а не тому, кто ей равен. Так что вся вина лежит на тебе.

Должно быть, все те годы, когда он терпел ее язвительность, защитили его теперь. Цезарь отложил письмо в сторону и поднялся, чтобы смыть с рук незримую грязь.

«Думаю, я ненавижу эту дрянь еще больше, чем ее сводного брата Катона. Самая безжалостная, жестокая и ядовитая гадина из всех, кого я знал. И все же, если мы завтра увидимся, наша связь, скорее всего, возобновится. Юлия назвала ее змеей, я хорошо помню тот день. Весьма точно. А ее жалкий, бесхребетный мальчишка стал жалким, бесхребетным мужчиной. С лицом, изрытым гноящимися прыщами, и с одной огромной незаживающей язвой в душе, имя которой Сервилия. Он отклонил мое предложение не из принципа, не из-за Юлии или протестов своего дядюшки. Он слишком любит деньги, а мои легаты купаются в них. Нет, Брут просто не захотел ехать в провинцию, разрушенную войной. Тут он может в любой момент оказаться на поле сражения. А в Киликии мир. Там можно заниматься всякими плутнями, незаконно ссужая деньги провинциалам и не рискуя быть насаженным на копье или проткнутым стрелой».

Еще два письма, и на сегодня хватит. Он велит слугам упаковывать вещи. Пора отправляться в Самаробриву.

Покончи с этим, Цезарь! Прочитай письма от жены и от матери. Их исполненные любви слова изранят тебя больше, чем жестокость Сервили.

Он снова сел, один в тишине пустой комнаты. Отложил письмо матери и развернул письмо от своей жены Кальпурнии. Той, кого едва знал – лишь несколько римских месяцев, еще незрелой, застенчивой девочкой, которая так же обрадовалась подаренному ей рыжему котенку, как Сервилия обрадовалась жемчужине ценой в шесть миллионов сестерциев.

Цезарь, все говорят, что именно я должна сообщить тебе эту весть. О, как хотела бы я от этого уклониться! У меня нет ни мудрости, ни приходящего с возрастом опыта, так что прости меня, если по глупости я заставлю тебя еще больше страдать.

Когда Юлия умерла, сердце твоей матери не выдержало. Ведь для нее та была скорее дочерью, нежели внучкой. Аврелия вырастила ее. И так радовалась, глядя, как она счастлива в браке. Ей было отрадно, что у Юлии все идет хорошо.

Мы в Государственном доме ведем очень уединенное существование, как и следует в доме весталок. Хотя вокруг бурлит шумный Форум, всякие волнения и события мало касаются нас. Мы с Аврелией предпочитали такой образ жизни – в мирном женском обществе, без

скандалов, упреков и подозрений. Но Юлия, часто нас посещавшая, приносила с собой дыхание внешнего мира – сплетни, шутки и смех.

Когда она умерла, в твоей матери что-то надломилось. Я была там, возле постели Юлии, и видела, какой сильной была Аврелия ради Помпея, ради Юлии. Такая добрая! Такая здоровая во всем, что говорила. Улыбалась, когда чувствовала, что так надо. Держала Юлию за руку, а Помпей – за другую. Это она удалила из комнаты всех врачей, когда поняла, что никто и ничто уже не поможет Юлии. Дав ей возможность последние роковые часы и минуты провести в покое и в обществе близких. А после уступила место Помпею, оставив его в одиночестве возле усопшей. Выпроводила меня и увела обратно к весталкам.

Путь туда не очень долгий, как ты помнишь. До Государственного дома мы добирались в молчании. Аврелия не проронила ни слова. Но когда мы пришли, издала ужасный крик и завывала. Это был не плач, а жуткий вой. Она рухнула на колени, слезы текли ручьем, она била себя в грудь, рвала на себе волосы и царапала щеки. Взрослые весталки сбегались, стараясь поднять ее и успокоить, но сами не могли сдержать слез. Кончилось тем, что все мы повалились рядом с ней на пол, прижались друг к другу и так провели эту ночь. А Аврелия все рыдала в ужасном, безысходном отчаянии.

Но утром все кончилось. Она привела себя в порядок и вернулась в дом Помпея, чтобы помочь ему в печальных приготовлениях. А потом умер бедный ребенок, но Помпей отказался взглянуть на него и поцеловать. Так что Аврелия сама занялась этими похоронами. Мальчика провожали только она, я и несколько взрослых весталок. У него не было даже имени, и никто из нас не знал, какой третий преномен дают в этой ветви рода Помпеев. Мы только знали, что Гней и Секст уже заняты, а потому мы, подумав, нарекли его Квинтом. Звучит хорошо. На могиле младенца будет написано: Квинт Помпей Магн. А пока его прах хранится у меня. Мой отец занимается погребальными хлопотами, потому что Помпей заботиться об этом не стал.

Как хоронили Юлию, ты, наверное, знаешь. Помпей должен был тебе написать.

Мать же твоя не сумела оправиться от утраты. Она уже была не с нами и с каждым днем отдалялась все больше. Ты же знаешь, какой она была, такой оживленной и деятельной. О, это было ужасно! Кого бы она ни увидела – прачку, Евтиха, Бургунда, Кардиксу, весталку, – она останавливалась, смотрела на нас и спрашивала: «Почему она, а не я?» И что мы могли на это ответить? Как могли удержаться от слез? А она начинала выть и снова спрашивала: «Почему не я?»

Так продолжалось два месяца, но только среди близких. При посетителях, пришедших выразить соболезнования, она брала себя в руки и держалась как полагается. Хотя ее внешний вид всех повергал в ужас.

А вечерами она запиралась в своей комнате, садилась на пол и, раскачиваясь, непрерывно стонала. Потом громко вскрикивала и вновь принималась стонать. Мы пытались помыть ее, переодеть, уложить в кровать, но она не давалась. И ничего не ела. Бургунд зажимал ей нос, а Кардикса влила в рот разбавленное вино. На большее мы не решились. Мы все – Бургунд, Кардикса, Евтих, весталки и я – сочли, что ты бы не захотел, чтобы ее кормили насильно. Если мы ошибались, прости. Мы делали все из лучших побуждений.

Сегодня утром она умерла. Смерть была легкой. Никакой агонии (Попиллия, старшая весталка, говорит, что это милость богов). Она много дней не произносила ни слова, но перед смертью пришла в сознание и заговорила разумно и ясно. В основном речь шла о Юлии. Аврелия просила всех нас – взрослые весталки тоже присутствовали – принести за Юлию жертвы Великой Матери, Юноне Спасительнице и Благой Богине. Кажется, о Благой Богине она особенно беспокоилась. И настаивала, чтобы мы пообещали помнить о ней. Мне пришлось поклясться, что в течение года каждый день буду приносить змеям Благой Богини яйца и молоко. «Иначе, – сказала она, – с твоим мужем случится что-то ужасное». Она не назы-

вала тебя по имени до самой последней минуты, а тогда изрекла: «Передайте Цезарю, что все делается к его вящей славе». Потом закрыла глаза и перестала дышать.

Больше сказать нечего. Мой отец занимается похоронами. И он, конечно, напишет тебе. Но он настоял, чтобы скорбную весть сообщила именно я. Мне очень жаль. Я любила ее всем сердцем, и мне будет ее не хватать.

Пожалуйста, береги себя, Цезарь. Я знаю, каким это будет ударом для тебя, особенно после смерти Юлии. Хочу понять, почему так выходит, но не понимаю. Зато почему-то понимаю смысл последней фразы Аврелии. Боги посылают большие испытания тем, кого любят. Все это – к твоей вящей славе.

Весть не вызвала слез.

«Наверное, я уже знал, что именно так все и кончится. Мать – и без Юлии? Невозможно. О, почему женщины должны так страдать? Они не правят миром, они ни в чем не виноваты. Так почему, почему?»

Их жизнь замкнута, сосредоточена на домашних заботах. Сначала дети, потом дом, потом муж – в таком порядке. Такова их природа. И ничего для них нет более страшного, чем пережить своих детей. Эта часть моей жизни закрылась навсегда. Я больше никогда не открою туда дверь. У меня не было никого, кто бы любил меня крепче, чем мать и дочь. А моя бедная маленькая жена – незнакомка, которой кошки куда ближе, чем я. Да и почему должно быть иначе? Они всегда с ней, они дают ей некое подобие любви. А меня нет рядом. Я ничего не знаю о любви, кроме того, что она связывает человека. И хотя я совершенно опустошен, я чувствую, как растет моя сила. Это меня не сломит. Это освобождает меня. Все, что мне суждено сделать, я сделаю. Больше нет никого, кто может меня остановить».

Он взял три свитка – от Сервилии, от Кальпурнии, от Аврелии – и покинул дом.

Сборы такого количества людей в дорогу всегда были сопряжены с большими хлопотами, и везде что-то жгли, чему Цезарь был рад: ему нужен был горящий уголек. В такую погоду костры разводили нечасто. Негаснувший огонь поддерживали всегда, но он принадлежал Весте, и, чтобы воспользоваться им для собственных целей, нужно было провести ритуал и прочесть молитвы. Великий понтифик не стал бы профанировать это таинство.

Но, как и для свитка Помпея, он нашел поблизости подходящий костер. И бросил туда письмо Сервилии, глядя с сарказмом на охватившее его пламя. То же случилось с письмом Кальпурнии – на него он смотрел равнодушно. Последним было письмо Аврелии, нераспечатанное. Цезарь без колебания бросил его в огонь. Что бы она ни написала, уже не имело значения. Окруженный танцующими в воздухе хлопьями пепла, Цезарь накрыл голову складками тоги с пурпурной каймой и произнес очистительную молитву.

Марш в восемьдесят миль от гавани Итий до Самаробривы был легким: в первый день – по изрезанной колеями дороге, через густые дубравы, во второй – через обширные вырубki, возделанные под посевы или под пастбища для бесшерстных галльских овец, а также для более крупного скота. Требоний ушел с двенадцатым легионом намного раньше Цезаря, который снялся с места последним. Фабий, остававшийся с седьмым легионом в гавани, разобрал часток вокруг лагеря, слишком большого для одного легиона, и выгородил площадку, достаточную для размещения своих людей. Довольный, что опорный пункт хорошо укреплен, Цезарь с десятым легионом отправился в Самаробриву.

Десятый был его любимым легионом, которым он командовал сам. Несмотря на порядковый номер, это был первый легион Заальпийской Галлии. Когда Цезарь примчался из Рима в том марте почти пять лет назад, преодолев семьсот миль за восемь дней по козьим тропам через высокие Альпы, в Генаве он нашел десятый легион с Помптином. К тому времени как прибыли пятый легион «Жаворонок» и седьмой под командованием Лабiena, Цезарь успел узнать этих молодцов. Причем не на поле сражения. Отсюда и пошла гулять по армии Цезаря шутка, что за каждый бой он заставляет солдата перелопачивать горы земли и камней. В Генаве десятый легион (с присоединившимися позднее «Жаворонком» и седьмым) возвел вал высотой в шестнадцать футов и длиной в девятнадцать миль, чтобы не пустить в Провинцию мигрировавших гельветов. В армии говорили, что сражения были наградой за упорный труд: земляные работы, строительство и заготовку леса. И никто не работал лучше и больше, чем десятый. Этот легион был храбрее других и в сражениях, которые, правда, случались нечасто, поскольку без необходимости Цезарь в бой не лез.

И результат работы армии был очевиден, когда десятый, покинув гавань Итий, ровной колонной прошагал с песнями через земли моринов. Ибо изрезанная колеями дорога через дубовые рощи была хорошо защищена. По обе ее стороны на расстоянии в сто шагов возвышались стены из древесных стволов, а вырубку усеивали торчащие пни.

Два года назад Цезарь привел три легиона и еще несколько когорт (на случай нападения моринов), чтобы проложить путь для экспедиции в Британию. Ему нужен был порт на побережье, расположенном как можно ближе к таинственному острову. Хотя он отправил гонцов, предлагая переговоры, морины делегацию не прислали.

Они напали в разгар строительства лагеря. И Цезарь оказался на грани поражения. Если бы у моринов был более мудрый предводитель, война в Косматой Галлии закончилась бы там и тогда, а Цезарь и его солдаты были бы мертвы. Но почему-то, не нанеся последнего, сокрушительного удара, морины скрылись в своих дубравах. Цезарь, охваченный яростью, собрал остатки армии и предал огню убитых. Это была холодная, ничем не выдаваемая ярость. Как заставить моринов понять, что Цезарь все равно победит? Что за каждого павшего римлянина они заплатят ужасными страданиями?

Он решил не отступать. Нет, он пойдет только вперед, до самых соленых болот побережья. И не по узкой тропе среди древних дубов, являвшихся отличным укрытием для белгов. Нет, он поведет войско по широкой дороге при ярком спасительном солнечном свете.

– Парни, эти морины – друиды! – крикнул он своим молодцам. – Они верят, что у каждого дерева есть душа, дух! А дух какого дерева священен для них? Дуба! В каких рощах они устраивают свои моления? В дубравах! На какое дерево взбирается при лунном свете их главный жрец, одетый в белое, прежде чем срезать омелу золотым серпом? На дуб! С ветвей какого дерева свешиваются, стуча костями на ветру, скелеты несчастных, принесенных в жертву Езусу, их богу войны? С дуба! Под каким деревом друид ставит алтарь со связанным пленником, чтобы перерубить тому позвоночник и предсказать по судорогам убитого будущее? Под дубом! Подле какого дерева они плетут клетки, а потом набивают их пленниками и поджигают в честь Тараниса, своего бога грома? Это опять-таки дуб!

Он помолчал, сидя на боевом коне, с крупа которого ровными складками свешивался алый плащ командующего, и ободряюще улыбнулся. Его измученные солдаты улыбнулись в ответ.

- Верим ли мы, римляне, что в деревьях есть дух? Верим?
- НЕТ! – взревели солдаты.
- Верим ли мы в мощь и магию дуба?
- НЕТ! – взлетело ввысь.
- Верим ли мы в человеческие жертвоприношения?
- НЕТ!

– По нраву ли нам эти люди?

– НЕТ! НЕТ! НЕТ!

– Тогда мы уничтожим их веру, их волю, доказав им, что Рим могущественнее, чем самые раскидистые и могучие дубы! Что Рим вечен, а дерево – нет! Мы выпустим духов из их священных деревьев на волю и пошлем преследовать тех, кто поклоняется им!

– ДА! – в один голос вскричали солдаты.

– Тогда беритесь за топоры!

Миля за милей сквозь лес Цезарь и его люди гнали моринов обратно в их болота, валя дубы полосой в тысячу футов, складывая сырые гладкие стволы и ветки в большую стену по обе стороны дороги, ведя счет каждый раз, когда очередное могучее старое дерево со стоном валилось на землю. Сходившие с ума от ужаса и горя, морины не могли сопротивляться. Они с причитаниями отступали, пока их не поглотили топи.

Небо тоже рыдало. По краю болот пошел дождь, он лил и лил, пока палатки римлян насквозь не промокли. Не имевших возможности обсушиться солдат бил озноб. И все же сделано было достаточно. Удовлетворенный Цезарь увел своих людей в удобный зимний лагерь. Но слухи успели распространиться повсюду. Потрясенные белги и кельты не понимали, как убийцы деревьев могут мирно спать ночью и смеяться днем.

Очевидно, их охраняли римские боги. Римские солдаты словно не чувствовали касаний черных магических крыльев. На обратном марше они шагали, распевая песни среди поверженных, молчаливых гигантов, и это им ничуть не вредило.

А Цезарь шагал вместе с ними, смотрел на стены из мертвых дубов и улыбался. Он постиг новый способ ведения войн. В нем вызревала идея одерживать победы не на поле брани, а в умах. При таких поражениях галлам уже никогда не скинуть ярмо. Косматая Галлия должна будет склониться, ибо сам Цезарь склоняться не умел и не мог.

Греки говаривали, что в мире ничего нет безобразнее, чем оппид галлов. Увы, Самаробрива служила тому подтверждением. Крепость стояла на речке Самара, в центре долины, раньше покрытой буйной растительностью, а сейчас выжженной и сухой, но все же более плодородной, чем другие места. Это была главная крепость племени белгов и амбианов, тесно связанных с Коммием и атребатами, их северными родственниками и соседями. На юге и на востоке владения этих племен граничили с землями свирепых и воинственных белловаков, подчинившихся Риму лишь внешне.

Однако красота местности не входила в список приоритетов Цезаря, когда он проводил кампании. Самаробрива вполне устраивала его. Хотя Галлия Белгика не была богата камнем, а галлы и в лучшие времена не слыли искусными каменщиками, стены крепости были каменными и высокими, их не трудно было укрепить на римский манер. Римляне снабдили их башнями, откуда вражеское войско было видно за мили. Крепостные ворота обнесли дополнительным валом, а военный лагерь, тщательно укрепленный, разбили под стенами оппида.

Внутри крепости было просторно, но как-то уныло. В ней, собственно говоря, и не жили, а лишь хранили припасы и сокровища белгов и амбианов. Никаких улиц, только складские помещения без окон и высокие зернохранилища, разбросанные как попало. Впрочем, имелся там и большой двухэтажный рубленый дом. В военное время его занимал главный вождь с приближенными, а в мирное дом служил помещением для собраний племени. Цезарь поселился на верхнем этаже с гораздо меньшим комфортом, чем Требоний (во время предыдущей зимовки Требоний построил для себя и своей любовницы-амбианки каменный дом с угольной печью в подвальном помещении, которая обогревала пол и большую ванну).

В крепости не было ни одной нормальной уборной, расположенной над канавой с проточной водой, которая уносила бы экскременты – в реку или в обводной ров. В этом отношении солдаты были устроены лучше. У Цезаря в каждом зимнем лагере имелись подобные нуж-

ники. Выгребные ямы он тоже разрешал рыть, но глубокие и с условием ежедневно посыпать их содержимое слоем извести, ибо без этого даже в холодную пору такие ямы могли стать рассадниками болезней, загрязняя грунтовые воды, а солдат должен быть здоровым, а не больным. Но галлы таких тонкостей не понимали, ибо городов не имели и жили не скученно – в небольших поселениях или на хуторах. А войны их длились не более нескольких дней. Поэтому они брали в походы своих жен и невольниц, чтобы удовлетворять все плотские потребности, оставляя дома только рабов и друидов.

Деревянная дощатая лестница, ведущая наверх, в зал собраний, была пристроена к дому снаружи и защищена навесом от непогоды. Под ней Цезарь выкопал такую глубокую яму, что она походила скорее на колодец. Он копал до тех пор, пока не дорылся до подземного стока, который при помощи трубы вывел в реку. Не идеально, но лучше, чем ничего. Этим удобством пользовался и Требоний. По мнению Цезаря, сделка была справедливой, поскольку сам стал пользоваться ванной своего легата.

Крыша дома была прежде соломенной, подобно любой галльской крыше, но Цезарь, как и все римляне, очень боялся пожара, а еще пуще – крыс и птичьих вшей, не без причины считая, что солому изобрели специально для них. Поэтому ее сняли и заменили шиферной плиткой, привезенной с пиренейских предгорий. Но все равно жилье Цезаря было холодным, сырым и плохо проветривалось через маленькие подслеповатые окна, защищенные к тому же сплошными ставнями, а не резными, хорошо пропускавшими воздух, как в римских домах. Впрочем, он не стал ничего менять, потому что никогда не задерживался в Косматой Галлии на полгода отдыха, который обеспечивали его войску дожди и зима. Обычно он останавливался в крепости, которую выбрал для зимовки, всего на несколько дней, перед тем как отправиться в Италийскую Галлию и Иллирию, и занимался различными делами в этих, уже абсолютно римских провинциях, располагаясь с комфортом, который был обеспечен богатейшему человеку в любом городке.

Но эта зима отличалась от прочих. Он не поедет ни в Италийскую Галлию, ни в Иллирию. Самаробрива на эти полгода станет его домом. Никакой череды соболезнований, особенно после смерти Аврелии. Дочь и мать умерли. Кто будет третьим? Хотя, если вдуматься, смерти всегда попарно врывались в его жизнь. Гай Марий с отцом. Циннилла с теткой Юлией. Теперь дочь и мать. Да, только по двое. Но разве остался у него кто-то еще?

Его вольноотпущенник Гай Юлий Трасилл стоял, улыбаясь и кланяясь, наверху.

– Я проведу здесь всю зиму, Трасилл. Как бы нам превратить это место в сносное жилище? – спросил он, поднимаясь по лестнице и стягивая свой алый плащ.

Двое слуг почтительно ждали, чтобы совлечь с него кожаную кирасу и птериги. Но сначала ему следовало снять алую перевязь, знак его высокого империя. Он, и только он имел право дотрагиваться до этого символа высшей власти. Развязав пояс, Цезарь аккуратно сложил его и убрал в украшенный драгоценностями ларец, который Трасилл держал перед ним. Его нижнее платье из алого льна было подбито шерстью, достаточно толстой, чтобы впитывать пот во время пеших переходов. Многие римские военачальники предпочитали на маршах тунику, даже сидя в двуколке. Но солдаты маршировали в тяжелых кольчугах, поэтому Цезарь надевал кирасу. Слуги сняли с него походную обувь, надели домашние туфли из лигурийской шерсти и унесли военные доспехи на хранение.

– Надо выстроить новый дом, Цезарь. Настоящий, как у Гая Требония, – позволил себе усмехнуться Трасилл.

– Ты прав. Я завтра же выберу место.

Он улыбнулся и скрылся в большой комнате, обставленной в римском стиле.

Ее там не оказалось, но Цезарь услышал, как она говорит с Оргеторигом за дверью. Лучше подойти к ней сейчас, когда она занята. Тогда он уклонится от слишком бурных изъятий любви. Иногда ему это нравилось, но не сегодня. Настроение было не то.

Так и есть. Она склонилась над детской кроваткой, ее сказочно пышная грива заслоняет ребенка, видны лишь два шерстяных пурпурных носочка. Почему она всегда одевает мальчика в пурпур? Цезарь неоднократно высказывал свое недовольство. Но она отказывалась прислушаться – она дочь вождя, и ее сын тоже будет вождем гельветов. Отсюда и пурпур.

Она скорее почувствовала, чем услышала, как он вошел, и сразу выпрямилась. Глаза засияли, она широко улыбнулась – так велика была ее радость. Но, увидев его бороду, нахмурилась.

– *Tata!* – пролепетал малыш, протягивая ручонки.

Он больше походил на тетю Юлию, чем на Цезаря, и одного этого уже было достаточно, чтобы растопить сердце отца. Те же большие серые глаза, та же форма лица и, к счастью, такая же белая кожа, а не галльская, бледно-розовая и веснушчатая. А волосы – его собственные, такие же как у Суллы, ни ярко-рыжие, ни золотистые. Ему бы подошел когномен Цезарь – «кудрявый» – из-за этих густых красивых волос. А то недруги все время хихикают, глядя на редешую шевелюру Цезаря! Жаль, что этого мальчика никогда так называть не будут. Она назвала его Оргеторигом, как своего отца, царя гельветов.

Она была старшей женой Думнорига в те дни, когда тот еще был в тени своего ненавистного брата, главного вергобрета эдуев.

Когда все выжившие после попытки мигрировать гельветы были оттеснены на свое высокогорье и Цезарь расправился с Ариовистом, царем свевов-германцев, он проехал по землям эдуев, чтобы поближе познакомиться с ними, ибо отводил им важную роль в своих планах. Это были кельты, но романизированные, во всей Заальпийской Галлии это был самый многочисленный и богатый народ. Они заслужили статус друга и союзника римского народа и поставляли римской армии кавалерию. Знать их говорила на латыни.

Изначальным намерением Цезаря, когда он примчался в Генаву, было положить конец миграции гельветов и вторжениям германцев, постоянно угрожавших Галлии из-за Рейна. Затем он собирался начать завоевание реки Данубий по всему течению, от истоков до моря. Но в ходе первой кампании в Косматой Галлии его планы переменялись. Данубий мог подождать. Сначала следовало обеспечить безопасность Италии на западе, навести порядок во всей Заальпийской Галлии, превратив ее в мощный буфер между германцами и Нашим морем. Утвердила его в этом мнении воинственность Ариовиста. Если Рим не завоюет и полностью не романизирует все галльские племена, они достанутся германцам. А после настанет черед Италии.

Думнориг замыслил потеснить брата и стать самым влиятельным человеком среди эдуев, но после поражения своих союзников гельветов (союз этот был скреплен браком) он ретировался в свое поместье близ города Матискон зализывать раны. Там Цезарь и нашел его, возвращаясь в Италийскую Галлию, чтобы пересмотреть планы и реорганизовать армию. Управляющий проводил высокого гостя в отведенные для него комнаты и удалился, сказав, что хозяин ожидает в гостиной.

Цезарь вошел в гостиную в самый неподходящий момент, когда крупная статная женщина, изрыгая проклятия, размахнулась и сильной белой рукой так двинула в челюсть хозяина дома, что Цезарь услышал, как клацнули его зубы. Думнориг рухнул на пол, а женщина, окутанная сказочным облаком рыжих волос, стала бить его ногами. Шатаясь, поверженный поднялся, но его опять опрокинули, причем без всяких усилий. Тут в комнату вбежала еще одна женщина, такая же крупная, но моложе, однако ей тоже не повезло: рыжеволосая ударом снизу послала ее в нокаут.

Прислонившись к стене, Цезарь с явным интересом наблюдал эту сцену.

Думнориг увернулся от ужасных ножищ, привстал на колени и увидел посетителя.

– Не обращайтесь на меня внимания, продолжайте, – сказал Цезарь.

Это послужило сигналом к окончанию раунда, но не боя. Рыжеволосая злобно пнула недвижимое тело своей второй жертвы и отошла в сторону, тяжело дыша. Ее пышная грудь бурно вздымалась, синие глаза сверкали. Она в упор разглядывала незнакомца в окаймленной пурпуром тоге, очевидно занимавшего высокое положение.

– Я... не ожидал тебя... так скоро! – задыхаясь, проговорил Думнориг.

– Я это понял. Твоя дама дерется лучше атлетов на играх. Но если хочешь, я вернусь в свои покои, чтобы ты мог мирно разрешить свой домашний кризис. Если, конечно, слово «мирно» подходит.

– Нет, нет!

Думнориг одернул рубаху, поднял с пола плащ, который рванули так сильно, что отлетела брошь, скалывавшая его на левом плече, порвав рукав рубахи. Он с гневом воззрился на рыжеволосую:

– Я убью тебя, женщина!

Она презрительно вздернула верхнюю губу, но ничего не ответила.

– Нельзя ли мне разрешить ваш спор? – спросил Цезарь, вставая между Думноригом и рыжеволосой.

– Благодарю тебя, Цезарь, но нет. Я только что развелся с этой волчицей.

– Волчицей? Волчица вскормила Ромула и Рема. Советую тебе послать ее на поле битвы. Она без труда распугает германцев.

Услышав имя гостя, женщина в изумлении подняла глаза и, подступив к нему вплотную, вскинула голову.

– Я обиженная жена! – выкрикнула она. – Теперь мои соплеменники ему не нужны, когда они потерпели поражение и возвратились в свои земли. Поэтому он и развелся со мной! Без всяких причин, лишь для собственного удобства! Я не блудница, не нищая, не рабыня! Он отверг меня без причины! Я терплю несправедливость!

– Это соперница? – спросил Цезарь, указывая на лежащую девушку.

Рыжеволосая вновь презрительно вздернула верхнюю губу, потом сплюнула:

– Тьфу!

– У тебя есть дети от этой женщины, Думнориг?

– Нет, она бесплодна! – быстро отреагировал Думнориг, хватаясь за эту идею как за оправдание своих действий.

– Я не бесплодна! Ты что, считаешь, что дети появляются ниоткуда у друидов на алтарях? Из-за шлюх и вина, Думнориг, ты уже не в состоянии обрюхатить ни одну из своих жен!

Она вскинула руку, но Думнориг отскочил:

– Только тронь меня, женщина, и я перережу тебе горло от уха до уха!

Он выхватил нож.

– Ну-ну, – неодобрительно промолвил Цезарь. – Убийство есть убийство, и лучше его не совершать, особенно в присутствии проконсула Рима. Но если вы хотите продолжить сражение, я не прочь быть судьей. Но – с равным оружием, Думнориг. Может быть, женщина тоже выберет нож?

– Да! – прошипела она, но поединок не состоялся.

Лежащая на полу девушка застонала, и Думнориг бросился к ней. Рыжеволосая обернулась, глядя на них, а Цезарь смотрел на нее. Да, она ничего себе! Рослая, сильная, но стройная и женственная. Талия, перехваченная золотым кушаком, была тонкой, бедра и грудь пышные. И длинные ноги. Это они прибавляют ей роста, подумал Цезарь. Но больше всего его поразили волосы. Пышные, яркие, словно пламя, они спускались ниже колен, как палудамент. Их было так много, что казалось, они живут собственной жизнью. У большинства галльских женщин были великолепные волосы, но не такие блестящие и густые.

– Ты из гельветов? – спросил он неожиданно.

Она резко повернулась к нему. И поглядела так, словно увидела вдруг не только пурпур на тоге:

- Ты – Цезарь?
- Да. Но ты не ответила на мой вопрос.
- Мой отец царь Оргеториг.
- Вот как? Он ведь покончил с собой перед переселением.
- Его заставили.
- Значит ли это, что ты вернешься к своим?
- Я не могу.
- Почему?
- Я разведена. Никто не возьмет меня в жены.
- Да, это стоит нескольких туманов.
- Он несправедлив ко мне! Я этого не заслужила!

Думноригу удалось поднять девушку с пола, и теперь он стоял, поддерживая ее.

- Убирайся прочь из моего дома! – рявкнул он рыжеволосой.
- Не уберусь, пока ты не вернешь мое приданое!
- Я развелся с тобой и имею право оставить его себе!
- Да будет тебе, Думнориг, – спокойно вступил в разговор Цезарь. – Ты очень богат, зачем тебе ее приданое? Она говорит, что не может вернуться к сородичам. Значит, ей следует дать возможность жить в достатке где-то еще.

Он повернулся к рыжеволосой:

- Что он тебе должен?
- Двести коров, двух быков, пятьсот овец, кровать с постельным бельем, стол, кресло, мои драгоценности, лошадь, десяток рабов и тысячу золотых, – перечислила она без запинки.
- Верни ей все, Думнориг, – сказал Цезарь тоном, не допускающим возражений. – Я увезу ее из твоих земель и поселю где-нибудь подальше от эдуев.

Думнориг смутился:

- Цезарь, я не могу утруждать тебя!
- Пустяки. Мне как раз по пути.

Дело решилось. Когда Цезарь покидал земли эдуев, за ним следовали двести коров, два быка, пятьсот овец, повозка, груженная мебелью и сундуками, небольшая кучка рабов и мрачная рыжеволосая, угрюмо восседавшая на высоком итальянском коне.

Что бы ни думали об этом цирке сопровождающие Цезаря, они держали это при себе, благодарные уже за то, что их командующий не сидит в подпрыгивающей повозке, диктуя на полном ходу письма двоим из них. Вместо этого он неспешно ехал рядом с дикаркой и провел в разговорах с ней всю дорогу от Матискона до Аравсиона, где лично проследил за покупкой поместья, достаточно большого, чтобы прокормить все стада и отары. Рыжеволосую и рабов он поселил в просторном доме.

- Но у меня нет ни мужа, ни покровителя, – заявила она.
- Ерунда! – возразил он, смеясь. – Это Провинция, она принадлежит Риму. Весь Аравсион знает, кто поселил тебя здесь. Я – наместник. Никто не осмелится тебя тронуть. Наоборот, все будут лезть из кожи, выслуживаясь перед тобой. Тебя завалят предложениями помочь.
- Я принадлежу тебе.
- Конечно, именно так они и будут думать.

Во время путешествия она больше гневалась, чем улыбалась. Но теперь улыбнулась, обнажив великолепные зубы:

- А что думаешь ты?
- Что мне бы хотелось закататься в твои волосы, словно в тогу.
- Я сейчас расчешу их.

– Нет, – возразил он, садясь на коня с обычными копытами, на котором он путешествовал. – Лучше вымой. Я специально проследил, чтобы в твоём доме была ванна. Мойся каждый день, Рианнон. Я приеду весной.

Она нахмурилась:

– Рианнон? Меня зовут не так, ты ведь знаешь.

– В твоём настоящем имени слишком много согласных, его трудно выговаривать. Я буду называть тебя Рианнон.

– Что это значит?

– Обиженная жена. Что-то в этом роде.

Он пришпорил коня и ускакал. Но весной, как и обещал, возвратился.

Думнориг ничего не сказал, увидев её в обозе командующего, но обиду затаил. Особенно когда соплеменники стали посмеиваться над этим; обиженная жена очень скоро забеременела и следующей зимой в Аравсионе родила Цезарю сына. Но это не помешало ей путешествовать с обозом весной и летом. Где бы Цезарь ни размещал свою ставку, она с ребёнком селилась там. И ждала Цезаря. Такой порядок устраивал обоих. Разлуки только подпитывали влечение Цезаря к ней, а она, усвоив урок, мылась сама и мыла сына. Так что оба сверкали чистотой.

Цезарь вынул ребёнка из кровати, поцеловал его, прижал к своей шершавой щеке маленькое цветущее личико, потом перецеловал все пухлые, в ямочках, пальчики.

– Он узнал меня, несмотря на бороду.

– Думаю, он узнал бы тебя даже в ином обличье.

– Моя дочь и моя мать умерли.

– Да. Требоний сказал мне.

– Не будем об этом говорить.

– Требоний сказал ещё, что ты остаешься здесь на зиму.

– Ты хочешь вернуться в Провинцию? Я могу отправить тебя туда.

– Нет.

– Мы построим дом до того, как выпадет снег.

– Прекрасно.

Пока они беседовали, он ходил взад-вперед по комнате, баюкая сына на согнутой руке, глядя его золотисто-рыжие кудри и восхищаясь крошечными веерами ресниц на кремово-розовых щеках.

– Он заснул, Цезарь.

– Тогда я его уложу.

Он опустил ребёнка в кроватку, накрыл мягким пурпурным шерстяным одеялом. Потом приобнял за плечи мать и вывел в гостиную.

– Уже поздно, но ужин готов, если ты голоден...

– Всегда, когда вижу тебя, – сказал он, приподнимая прядь её волос.

– Сначала поешь. Ты мало ешь, и мне надо как можно больше впихнуть в тебя. У меня есть жаркое из оленины и свинина с аппетитной корочкой. И хрустящий хлеб, только из печи, и овощи с моего огорода.

Замечательная хозяйка, совершенно не похожая на римских женщин. Царских кровей, но возится в огороде, сама делает сыр, перетряхивает матрасы на своей постели, которую всюду возит с собой вместе со столом и стулом.

В комнате было тепло от тлеющих жаровен, их уголья светились по углам. Дощатые стены были завешаны медвежьими и волчьими шкурами, но в щели все же сквозило. Впрочем, зима ещё не вступила в свои права. Они ужинали, сидя рядом на одной из кушеток. Их прикосновения были скорее дружескими, чем любовными. А потом она взяла свою арфу, поставила на колено и заиграла.

Может быть, думал он, его так влечет к ней еще и по этой причине. Перебирая дрожащие струны, которых гораздо больше, чем у лиры, длинноволосые галлы умеют извлекать такую чудесную музыку, исступленную и нежную, страстную и волнующую. А как они поют! Она запела, и словно подул нежный печальный ветер, слова растворялись в звуках, в ничем не замутненных чувствах. Итальянская музыка более мелодична, но в ней нет столь бурных импровизаций. Греческая музыка гармонична, но в ней нет этой мощи и слез. В кельтской песне слова не имеют значения, только голос. И Цезарь, который любил музыку даже больше, чем литературу или живопись, слушал как замороженный.

Любовные игры, которыми они потом занялись, походили на продолжение музыки. Он был ветром, бушующим в небесах, он был мореплавателем в океане звезд, и в песне ее тела он находил исцеление.

Поначалу казалось, что мятежи в Галлии начнут кельты. Цезарь уже целый месяц наслаждался уютом нового каменного дома, когда ему сообщили, что старейшины племени карнутов, подстрекаемые друидами, убили своего царя Тасгегия. Обычно такие вещи никого не удивляли, но в данном случае это был тревожный симптом. Тасгегия поставил царем сам Цезарь. Карнуты были важны, к тому же многочисленны и богаты, ибо центр религии друидов, распространенной на всей территории Косматой Галлии, располагался на их землях, в месте, называемом Карнут. Это не был ни оппид, ни город, а заботливо охраняемые священные дубравы, рябиновые и ореховые рощи, среди которых были разбросаны небольшие поселения друидов.

Друиды всегда находились в непримиримой оппозиции к Риму, ибо тот представлял собой весьма притягательный вариант вероотступничества для галльских племен. И дело тут было вовсе не в Цезаре, ибо к моменту его появления друиды уже двести лет неприязненно наблюдали за романизацией галльского юга. Греки находились в Провинции гораздо дольше, но они селились вокруг Массилии и относились к варварам равнодушно. А вот римлянам никогда не сиделось спокойно. Они везде, где бы ни появлялись, ревностно принимались устанавливать римские законы и обычаи, раздавая свое бесценное гражданство тем, кто сотрудничал с ними и хорошо им служил. Они вели решительную борьбу с нежелательными обычаями, такими, например, как охота за головами – любимое развлечение саллувиев, обитавших между Массилией и Лигурией. И всегда возвращались, если не добивались чего-то с первого раза. Греки принесли в Галлию виноград и оливы, римляне – римский образ мысли, и теперь знатные зажиточные южане больше не почитали друидов и посылали своих сыновей учиться в Рим, а не в Карнут.

Таким образом, прибытие Цезаря было скорее кульминацией, чем первопричиной конфликта. Поскольку он был великим понтификом, то есть главой римской религии, верховный друид попросил Цезаря о встрече во время его путешествия через владения карнутов. В тот год Рианнон впервые сопровождала его.

– Если ты говоришь на языке арвернов, то я отошлю толмача, – сказал Цезарь.

– Я слышал, что ты говоришь на нескольких наших наречиях. Почему ты выбираешь именно этот язык? – спросил верховный друид.

– У моей матери есть служанка из этого племени. Ее зовут Кардикса.

Друид помрачнел:

– Рабыня?

– Была ею, но недолго.

Цезарь внимательно оглядел верховного друида. Красивый, чисто выбритый, светловолосый. На вид ему где-то около пятидесяти. Одевается просто: длинная белая льняная туника без украшений.

– У тебя есть имя, верховный друид?

– Катбад.

– Я думал, что ты старше, Катбад.

– Я мог бы сказать то же о тебе, Цезарь. – Друид поднял глаза. – Ты светловолосый, словно галл. Это необычно для вас?

– Не так чтобы очень. Скорее необычны темные волосы. Наше третье имя, как правило, сопряжено с обликом человека. Руф означает «рыжеволосый», у нас таких много. Флавий и Альбин – светлые. А человек черноглазый и черноволосый прозывается Нигером.

– И ты верховный жрец Рима.

– Да.

– Ты унаследовал это звание?

– Нет. Я был избран великим понтификом. Но пожизненно, как и все наши жрецы и авгуры. В то время как магистраты у нас избираются только на год.

Друид некоторое время смотрел на него:

– Меня тоже избрали. Ты действительно проводишь важные ритуалы твоего народа?

– Когда нахожусь в Риме.

– Мне это непонятно. Ты был главным магистратом своего народа, а сейчас возглавляешь армию. И при этом ты верховный жрец. Для нас это – противоречие.

– Для сената и народа Рима здесь нет противоречия, – благожелательно заметил Цезарь. – С другой стороны, я догадываюсь, что друиды занимают особое положение среди соплеменников. Вас можно назвать мудрецами.

– Мы жрецы, лекари, судьи и сказители, – сказал Катбад, тоже стараясь быть благожелательным.

– А-а-а, профессионалы! Каждый из вас углубленно занимается чем-то одним?

– Только некоторые, в основном те, кто любит лечить. Но все мы знаем законы, ритуалы, историю и песни наших племен. Иначе мы не были бы друидами. Чтобы стать друидом, надо учиться двадцать лет.

Они разговаривали в главном зале общественного здания в Кенабе без переводчика, один на один. Цезарь выбрал для этой встречи великолепное одеяние великого понтифика – тунику и тогу с широкими алыми и пурпурными полосами.

– Я слышал, – сказал Цезарь. – что вы ничего не записываете и что, если все друиды в Галлии погибнут в один день, знания будут утрачены. Но вы же должны верить ваши предания бронзе, камню или бумаге! Ведь здесь знакомы с письменностью.

– Да, если говорить о друидах, все мы умеем читать и писать. Но мы не записываем ничего из того, что относится к нашим занятиям. Это мы держим в памяти.

– Очень умно! – одобительно заметил Цезарь.

Катбад нахмурился:

– Умно?

– Замечательный способ продлить себе жизнь. Никто не посмеет вас тронуть. Неудивительно, что друид может без боязни ступить на поле брани и остановить битву взмахом руки.

– Мы не страшимся вовсе не потому! – воскликнул Катбад.

– Я понимаю. Но все равно умно. – Цезарь решил сменить тему: – Друиды не платят налогов. Это действительно так?

– Так, – ответил Катбад, уже чуть напряженнее и с более непроницаемым лицом.

– И в армии вы не служите?

– Мы не воины.

– И не выполняете никакой черной работы.

– А ты не глуп, Цезарь. Твои слова ставят нас в положение виноватых. Мы проводим ритуалы и занимаемся другими вещами, получая за это вознаграждение. Я уже говорил, мы – жрецы, врачи, сказители, судьи.

– Вы женитесь?

– Да, мы женимся.

– Но вас и ваши семьи содержат другие?

Катбад едва сдержался:

– В ответ на услуги, которые неоценимы.

– Да, я понимаю. Очень умно!

– Я думал, Цезарь, ты будешь более деликатным. Почему тебе понадобилось оскорблять нас?

– Я вас не оскорбляю, Катбад. Я констатирую факты. Мы, римляне, очень мало знаем о жизни галльских племен, до сей поры не имевших с нами никакого контакта. Полибий немного писал о друидах, упоминали о вас и другие, менее видные историки. Однако сенат ждет подробных отчетов, а самый лучший способ о чем-то узнать – это задать вопрос, – сказал Цезарь, улыбаясь, но без симпатии. Катбад этого не уловил. – Расскажи мне о женщинах.

– О женщинах?

– Да. Я заметил, что женщин, как и рабов, могут подвергать пыткам, а мужчин – нет. Я также слышал, что тут в ходу многоженство.

Катбад выпрямился.

– У нас десять степеней брака, Цезарь, – сказал он с достоинством. – Это дает мужчине свободу решать, сколько ему нужно жен. Галлы воинственны. Мужчины гибнут в боях. А потому женщин у нас всегда больше, чем мужчин. Наши законы и обычаи – для нас, не для римлян.

– Да, конечно.

Катбад шумно вздохнул:

– У женщин свое место в жизни. Как и у мужчин, у них есть душа, они также переходят из этого мира в другой. Есть среди них и жрицы.

– Друиды?

– Нет, не друиды.

– Несмотря на многие различия, между нами есть сходство, – сказал с искренней улыбкой Цезарь. – Мы, как и вы, избираем жрецов – это сходство. Сходство и в том, что женщины у нас выполняют жреческие обязанности. Есть разница в статусе мужчин – военная служба, государственная служба, уплата налогов. – Улыбка исчезла. – Катбад, политика Рима не направлена на то, чтобы беспокоить ваших богов. Ни тебя, ни твоих людей не ущемят ни в чем. Кроме одного. Человеческие жертвоприношения должны прекратиться. Люди везде убивают друг друга. Но ни один народ по берегам Нашего моря не убивает мужчин или женщин, чтобы умиловить богов. На алтари в храмах мы возлагаем животных. Боги не требуют человеческих жертв. Думать по-другому – ошибка.

– Люди, которых мы приносим в жертву, или пленники, или рабы, купленные специально для этого! – вспыхнул Катбад.

– Тем не менее Рим этого не приемлет.

– Ты лжешь, Цезарь! Ты и Рим – угроза нашему образу жизни! Ты и Рим – угроза для душ наших людей!

– Никаких человеческих жертв, – был ответ.

Так продолжалось еще несколько часов, собеседники изучали образ мыслей друг друга. И когда все закончилось, Катбад ушел встревоженный. Если Рим и дальше будет вмешиваться

в дела Косматой Галлии, все переменится, а религия придет в упадок, и друиды исчезнут. Поэтому Рим из Галлии надо изгнать.

В ответ Цезарь начал переговоры об избрании Тасгегия царем карнутов, благо трон в тот момент был пуст. Среди белгов этот вопрос решила бы битва, однако кельты, включая карнутов, подчинялись совету старейшин, а друиды развели бурную агитацию против ставленника чужаков. Тем не менее решение с небольшим перевесом было принято в пользу Тасгегия, поскольку его царское происхождение было неоспоримо. Цезарь делал ставку на этого человека, ибо тот ребенком четыре года прожил в Риме в качестве заложника и лучше других понимал, как опасно для его народа вступать в открытую войну с могущественной державой.

Теперь все это осталось в прошлом. Тасгегий был мертв, а совет старейшин возглавил верховный друид.

– Ладно, – сказал Цезарь своему легату Луцию Мунацию Планку. – Мы прибегнем к тактике вооруженного выжидания. Карнуты – народ весьма непростой, и убийство Тасгегия, возможно, не направлено против Рима. Вполне вероятно, что причиной тому какая-то внутриплеменная вражда. Возьми двенадцатый легион и ступай к их главному городу Кенаб. Стань зимним лагерем у его стен в самом сухом месте, какое сможешь найти, и *наблюдай*. К счастью, там мало лесов, так что внезапно напасть они не смогут. Но все равно будь готов к неприятностям.

Планк был еще одним протеже Цезаря, как Требоний и Гирций.

– А как быть с друидами? – спросил он.

– Оставь их и Карнут в покое, Планк. Религиозный аспект в этой войне мне не нужен. Это ожесточит многих. Сам я друидов не выношу, но не собираюсь восстанавливать их против себя более, чем это необходимо.

Планк увел двенадцатый легион, Цезарь остался с десятым. На миг у него возникла мысль пригласить на освободившиеся места Марка Красса с восьмым легионом, который находился лишь в двадцати пяти милях от Самаробривы, но потом он решил оставить все как есть. Нутром он чувствовал, что кашу заварят не кельты, а белги.

И чутье его не подвело. Грозный враг то и дело выставял людей, способных ему противостоять, и один такой человек появился. Его звали Амбиориг, он был правителем белгских эбуронов, на чьих землях в крепости Атуатука стоял зимний лагерь тринадцатого легиона, состоявшего из неопытных рекрутов, которыми на равных правах командовали Сабин и Котта.

В Косматой Галлии вовсе не было единства, особенно не ладили северо-западные белги, родственные германцам и кельтам, и южные чисто кельтские племена. Такая вражда была на руку Цезарю, ибо Амбиориг не искал союзников среди кельтов, а обратился к своим соплеменникам белгам. Это позволяло Цезарю воевать поочередно с каждым племенем, а не с единым народом.

Атуатуков осталась горсть, там было не на кого опереться с тех пор, как Цезарь продал большую часть племени в рабство. Не мог Амбиориг надеяться и на союз с атребатами, ибо Коммий, их царь, плясал под римскую дудку, замышляя, опираясь на римлян, сделаться верховным правителем белгов. Были еще нервии, утратившие, правда, прежнее положение, однако еще способные выставить ужасающее количество воинов. Но, к сожалению, пехотинцев, а Амбиориг был конником. Трудно представить большую нелепицу, чем пешее войско, не поспевающее за всадником-командующим. Амбиориг нуждался в отменных конниках-треверах, самом многочисленном и сильном племени среди белгов.

Сам Амбиориг слыл человеком утонченным, что уже было редкостью в тех краях, и к тому же обладал броской внешностью чистокровного германца: рослый, с льняными волосами, распряmlенными известью и торчавшими во все стороны, словно лучи, обрамлявшие голову бога солнца Гелиоса. Его светлые усы спускались почти до плеч, лицо с пронзительным взгля-

дом голубых глаз было аристократически красиво. Он носил черные в обтяжку штаны и свободную длинную черную блузу под заколотым на левом плече прямоугольным плащом в характерную для эбурунов черно-красную клетку на ярко-желтом фоне. Руки Амбиорига обвивали толстые, словно змеи, золотые торки, на запястьях сияли золотые браслеты, инкрустированные для пушей яркости янтарем. Золотыми были нашейный обруч с замком в виде лошадиных голов, оправа янтарной броши, крепящей накидку, пояс и перевязь, а также ножны меча и кинжала. Словом, облик у него был поистине царственный.

Но чтобы убедить другие племена присоединиться к его эбурунам, Амбиоригу нужна была хоть одна победа. И зачем искать эту победу где-то, если прямо под боком у него сидели Сабин, Котта и тринадцатый легион как подарок судьбы? Трудность представлял их лагерь. Горький опыт научил галлов, что внезапно напасть и захватить хорошо укрепленный зимний лагерь римлян невозможно. Особенно когда он построен на месте грозной галльской крепости, которую римляне сделали неприступной. Длительная осада тоже не поможет, измором Атуатуку не взять; римляне считали своих врагов вполне способными на это. Потому зимний лагерь римлян был снабжен хорошей питьевой водой и продовольствием в достаточном количестве, санитарные нормы гарантировали отсутствие болезней. Амбиоригу надо было как-то выманить римлян из Атуатуки. Для этой цели он решил атаковать Атуатуку, но при этом беречь своих эбурунов.

Он и не ожидал, что Сабин сам даст ему превосходную возможность, прислав делегацию с решительным требованием объяснить действия царя. Амбиориг поспешил лично ответить Сабину.

– Ты же не собираешься выйти из лагеря, чтобы говорить с ним? – спросил Котта, наблюдая, как Сабин надевает доспехи.

– Разумеется, собираюсь. И тебе следует пойти со мной.

– Ну нет!

Таким образом, Сабин отправился на встречу один, взяв с собой только переводчика и почетный эскорт. Переговоры проходили возле главных ворот Атуатуки. У Амбиорига людей было еще меньше. Никакой опасности. Котта просто струсил.

– Почему ты атаковал мой лагерь? – сердито спросил Сабин через своего толмача.

Амбиориг виновато пожал плечами, изумленно расширив глаза:

– О благородный Сабин, я просто делаю то, что сейчас делает каждый царь и каждый вождь племени во всей Косматой Галлии.

Сабин почувствовал, как кровь отхлынула от его лица.

– Что ты имеешь в виду? – спросил он, облизнув вмиг пересохшие губы.

– Косматая Галлия восстала, благородный Сабин.

– При сидящем в Самаробриве Цезаре? Чушь!

Опять пожатие плеч, опять изумленный взгляд голубых глаз.

– Цезаря нет в Самаробриве, благородный Сабин. Ты разве не знал? Он не стал там зимовать и отправился в Италийскую Галлию еще месяц назад. Как только он благополучно скрылся за горизонтом, карнуты убили царя Тасгедия – и вспыхнул мятеж. Самаробриву непрерывно штурмуют, она вот-вот падет. Марк Красс убит недалеко от тех мест, Тит Лабиев в осаде, Квинт Цицерон разгромлен и тоже убит. Луций Фабий и Луций Росций ушли в Толозу в Провинцию. Ты остался один, благородный Сабин.

Побелев, Сабин судорожно закивал:

– Я понимаю. Благодарю за откровенность, царь Амбиориг.

Он повернулся и на дрожащих ногах засеменил к воротам, чтобы сообщить ужасную новость Котте. У того отвисла челюсть.

– Не верю ни единому слову!

– Напрасно, Котта. О боги, Красс и Цицерон мертвы вместе со своими легионами!

– Если бы Цезарь решил уйти в Италийскую Галлию, он дал бы нам знать!

– Возможно, он так и сделал. Но сообщение до нас не дошло.

– Поверь мне, Сабин, Цезарь в Самаробриве! Тебя обманули, чтобы вынудить нас отступить. Не слушай Амбиорига! Он – лиса, а ты – кролик.

– Мы должны уйти, пока он не вернулся. Сейчас же!

Единственным свидетелем этого разговора был первый центурион первой центурии по прозвищу Горгона – его взгляд заставлял солдат каменеть. Убеленный сединами ветеран, служивший еще при Помпее, когда тот воевал против Сертория в Испании. Цезарь отдал ему под присмотр легион новичков, поскольку тот был талантливым наставником с весьма твердым характером.

Котта умоляюще посмотрел на него:

– Горгона, а ты что думаешь?

Превосходный шлем с жестким поперечным гребнем наклонился.

– Луций Котта прав, Квинт Сабин, – сказал первый центурион. – Амбиориг лжет. Хочет, чтобы мы запаниковали и снялись с места. Внутри лагеря ему нас не достать. Но на марше – другое дело. Мы будем живы, если останемся тут. А если выйдем – умрем. Ребята у нас неплохие, но чересчур зеленые. Им бы бой под началом хорошего командующего. И пару кампаний для лучшей закалки. Но если их бросить в битву одних, без более опытных легионов, они не выстоят. А я не хочу этого видеть, Квинт Сабин. Я не хочу понапрасну губить таких хороших ребят.

– А я говорю, мы выходим! Немедленно! – крикнул Сабин.

Он стоял на своем и через час препирательств. Но и Котта с Горгоной не уступали. В конце концов проголодавшийся от волнения Сабин побежал искать, чего бы съесть. Котта и Горгона недоуменно уставились друг на друга.

– Вот идиот! – выругался Котта, игнорируя правило не судить действия старших по званию в присутствии нижних чинов. – Он всех нас погубит.

– Беда в том, – задумчиво сказал Горгона, – что он самостоятельно, без чьей-либо помощи, выиграл одну битву и теперь считает, что постиг воинскую науку лучше, чем сам Рутилий Руф, написавший об этом книгу. Но венеллы не белги. Виридовиг – типичный тупой галл, а Амбиориг – нет. Он очень опасен.

Котта вздохнул:

– Тогда продолжим наш спор.

И они продолжили. Уже близилась ночь, но Сабин все упирался и злился.

– Да прекрати же, в конце концов! – гаркнул Горгона, теряя терпение. – Во имя Марса, взгляни правде в глаза! Покинув пределы лагеря, мы все погибнем! Все, Квинт Сабин! Не только я, но и ты! Возможно, ты и готов умереть, но мне это не по нраву! Цезарь сидит в Самаробриве, и да помогут тебе все боги, когда он узнает, что ты тут творишь!

Человек, едва выносивший присутствие царя Коммия на советах, конечно, не собирался терпеть поношения от какого-то центуриона, пусть даже и ветерана. Побагровев, Сабин размахнулся и ударил зарвавшегося подчиненного по лицу. Для Котты это было уже чересчур. Он встал и коротким тычком сбил Сабина с ног, а потом принялся награждать тумаками.

Пораженный Горгона едва разнял их.

– Уймись, прошу вас! – выкрикнул он. – Вы думаете, мои ребята глухи и слепы? Они понимают, что тут происходит! Что бы вы ни решили, решайте! И как можно скорей!

Чуть не плача, Котта смотрел на Сабина:

– Хорошо, Сабин, твоя взяла. Видно, сам Цезарь тебе не указ, если в твою дурью башку что-то втемяшится!

На сборы ушло целых два дня. Молодые, неопытные солдаты не слушали центурионов, убеждавших их не перегружать мешки личным имуществом, а укладывать его на повозки. Вещицы, которые они берегли, не стоили и сестерция, но были дороги этим семнадцатилетним юнцам как память о военной службе.

Они двигались очень медленно, сильный ветер с Германского океана нес снег и дождь. Дорога раскисла, колеса по самые оси тонули в грязи, повозки то и дело приходилось вытаскивать, но они вновь застревали. Прошел день, Атуатука исчезла в тумане. Сабин начал посмеиваться над Коттой, но тот молчал.

А Амбиориг и эбуроны уже поджидали их за пеленой мокрого снега, выбирая наиболее благоприятный момент с уверенностью людей, знающих местность намного лучше, чем римляне.

План Амбиорига сработал отлично. Только нельзя было позволить римлянам, бредущим вдоль Мозы, соединиться с людьми Квинта Цицерона, ибо Квинт Цицерон и его девятый легион были целы и невредимы. Едва Сабин ввел легион в узкое ущелье, Амбиориг послал пехоту преградить врагам путь, а за колонной римлян пристроились его всадники. Таким образом, тринадцатый оказался зажат в теснине, чего Амбиориг и добивался.

Когда оружие орды эбуронов с двух сторон накинута на маршевую колонну, первой реакцией новобранцев была жуткая паника. Без своих ярко-желтых плащей атакующие казались призраками, явившимися из подземного мира. Новички сломали строй и пытались бежать. Сабин чувствовал себя немногим лучше. От страха и отчаяния все, что он знал об отражении внезапной атаки, вылетело из его головы.

Но шок прошел, и легион понемногу оправился, спасенный от немедленного уничтожения узким пространством, в котором он оказался. Бежать было некуда, и, когда Котта, Горгона и другие центурионы снова собрали рекрутов в подобие строя, те с радостью обнаружили, что врага можно бить. Безднадежность ситуации укрепила их дух, каждый решил прихватить в царство мертвых побольше неприятелей. И в то время как в голове и хвосте колонны шел бой, солдаты центра пытались взобраться на скалы, поддерживаемые обозниками и рабами.

К концу дня это все еще был тринадцатый легион, сильно поредевший, но непобежденный.

– Разве я не говорил, что они хорошие парни? – спросил у Котты Горгона, когда эбуроны в очередной раз отхлынули, чтобы собраться для новой атаки.

– Будь проклят Сабин! – прошипел Котта. – Они действительно замечательные ребята! И все умрут, хотя могли бы жить и прикреплять награды к древкам своих штандартов!

– О Юпитер! – вдруг простонал ветеран.

Котта резко обернулся и ахнул. Неся палку, к которой был прикреплен белый носовой платок, Сабин пробирался между телами убитых к выходу из ущелья, где стояли Амбиориг и его свита.

Увидев Сабина, Амбиориг шагнул ему навстречу, держа длинный меч острием вниз.

– Перемирие, перемирие! – тяжело дыша, кричал Сабин.

– Я согласен, Квинт Сабин, если ты сложишь оружие, – сказал Амбиориг.

– Умоляю тебя, отпусти уцелевших! – сказал Сабин, демонстративно отбрасывая меч и кинжал.

Блеснула галльская сталь. Голова Сабина взлетела в воздух, расставшись как со своим аттическим шлемом, так и с телом. Один из сопровождающих царя сумел поймать шлем, а Амбиориг пошел за катящейся по земле головой и наклонился, когда та остановилась.

– Ох уж эти стриженные римляне! – крикнул он, не сумев намотать на пальцы короткие волосы жертвы, а потом вонзил ногти в свой жуткий трофей и высоко поднял его, тыча мечом в сторону римлян. – В атаку! – прозвучал громкий приказ. – Рубите им головы, рубите головы!

Вскоре после этого вопля был убит и обезглавлен Котта. Горгона видел это, а еще он видел, как умирающий аквилифер, собрав последние силы, отбросил назад, за поредевшую линию римлян, штандарт легиона с навершием в виде серебряного орла.

С наступлением темноты эбуроны отступили. Горгона обошел своих юнцов, чтобы понять, сколько их уцелело. До ужаса мало: из пяти тысяч – около двухсот человек.

– Хорошо, мальчики, – сказал он им, когда они собрались тесным кругом. – Теперь выньте мечи и убейте всех, кто еще дышит. А потом подойдите ко мне.

– А эбуроны вернутся? – спросил семнадцатилетний солдат.

– На рассвете, парень, но они не найдут здесь живых, чтобы сжечь их в своих ивовых клетках. Убейте раненых и возвращайтесь. Если найдете кого-нибудь из нестроевиков и рабов, предложите им выбор: уйти и попытаться пробиться к ремам или остаться и умереть с нами.

Солдаты ушли выполнять приказ, а Горгона поднял штандарт с орлом и огляделся. Глаза его привыкли к темноте. Ага, вот подходящее место! Он выдолбил мечом канавку в мягкой, пропитанной кровью земле и схоронил в ней орла, после чего стал наваливать на эту «могилу» трупы убитых римлян, пока она не скрылась под грудой мертвых тел. Потом сел на камень и стал ждать.

Приблизительно в полночь последние солдаты тринадцатого легиона убили себя, чтобы не быть сожженными заживо в плетеных клетках эбуронов.

Мало кто из нестроевых солдат и рабов остался в живых, поскольку все они брали мечи и щиты у мертвых легионеров и вступали в бой. Но выживших эбуроны пропустили с презрительным равнодушием, и потому Цезарь узнал о судьбе тринадцатого легиона уже к вечеру следующего дня.

– Требоний, присмотри тут за всем, – сказал он, облачившись в простые стальные доспехи и алый командирский плащ.

– Цезарь, тебе нельзя ехать без охраны! – воскликнул Требоний. – Возьми весь легион, а я призову сюда Марка Красса с его восьмым для защиты Самаробривы.

– Амбиориг уже ушел, – уверенно возразил Цезарь. – Он знает, что мы захотим отомстить, и попусту рисковать не намерен. Я послал гонцов к Доригу, вождю ремов, чтобы он призвал своих людей к оружию. У меня будет охрана!

Так и вышло. Неподалеку от истоков реки Сабис его ждал Дориг и десять тысяч конных воинов. С Цезарем был эскадрон эдуйских всадников и один из его новых легатов, Публий Сульпиций Руф. Поднявшись на холм и увидев внизу многочисленную кавалерию ремов, он ахнул:

– Юпитер, какое зрелище!

Цезарь усмехнулся:

– Хорошо смотрятся, а?

На ремах были плащи в ярко-голубую и темно-малиновую клетку с тонкой желтой полоской. Такого же цвета были и их штаны, а рубашки – темно-малиновые. Конники восседали на рослых, покрытых голубыми попонами лошадях.

– Я и не знал, что у галлов такие красивые скакуны.

– Это не галльские лошади, – объяснил Цезарь. – Ремы уже давно занимаются разведением итальянских и испанских лошадей. Вот почему они приветствуют мое прибытие с таким ликованием и многократно заверяют в своей дружбе. Им приходится трудно, за их табунами охотятся все соседние племена. Отбиваясь от них, ремы превратились в прекрасных конников, но все же теряли много лошадей, так что им приходилось держать породистых жеребцов в настоящих крепостях. К тому же они граничат с треверами, которые с ума сходят по их скакунам. Так что для ремов мой приход стал подарком богов – я имею в виду приход Рима в

Косматую Галлию. Таким образом, мы имеем отличную кавалерию, а я в знак благодарности послал к треверам Лабиена, чтобы тот нагнал на них страху.

Сульпиций Руф поежился. Он понимал подоплеку последнего замечания, хотя и знал Лабиена только по рассказам, ходившим в Риме.

– А что не так с галльскими лошадьми?

– Они низкорослые, ненамного больше пони. Малопригодны для таких великанов, как белги.

Дориг поднялся на холм, чтобы тепло приветствовать Цезаря, затем повернул свою кругломордую, длинногривую лошадь.

– Где Амбиориг? – спокойно спросил Цезарь, ничем не выдавая своей скорби.

– Поблизости от поля битвы его нет. Я привел рабов, чтобы сжечь и похоронить павших.

– Молодец.

На ночь они стали лагерем, а утром продолжили путь.

Амбиориг забрал своих мертвецов. В ущелье лежали лишь тела римлян. Спешившись, Цезарь жестом велел ремам и своему эскадрону оставаться на месте, а сам с Сульпицием Руфом прошел вперед. По его лицу текли слезы.

Первым они увидели обезглавленное тело в доспехах легата. Оно явно принадлежало Сабину, ибо Котта был намного крупней.

– У Амбиорига теперь есть голова римского легата, чтобы украсить дверь, – сказал Цезарь. Он, казалось, не замечал своих слез. – Нам тут радости мало.

Почти у всех убитых была отрезана голова. Эбуроны, как и многие другие галльские племена, как кельты, так и белги, имели обыкновение вывешивать эти жуткие доказательства воинской доблести у входа в свои жилища.

– Торговцы хорошо заработают на кедровой смоле, – продолжил Цезарь.

– На кедровой смоле? – переспросил Руф, который тоже плакал, находя странной эту бесстрастную беседу.

– Для обработки голов. Чем больше голов у двери галла, тем выше его воинский статус. Простые воины оставляют лишь черепа, но знать держит головы в кедровой смоле. Мы узнаем Сабина, когда увидим.

Вид мертвецов на поле брани не был в новинку для Сульпиция Руфа, но в своих первых сражениях он участвовал на Востоке, где все выглядело по-иному. Цивилизованно, как он только что понял. Он прибыл в Галлию всего за два дня до этого путешествия в смерть.

– А ведь их не зарезали, как беспомощных женщин, – сказал Цезарь. – Они отчаянно сопротивлялись.

Внезапно он остановился.

Он подошел к тому месту, где выжившие, без всякого сомнения, закололи себя. Их головы остались на плечах, эбуроны, очевидно, не осмелились приблизиться к ним, возможно из суеверного страха перед столь непонятным им мужеством. Умереть в бою – значит покрыть себя славой. Но убить себя после боя, во мраке ночи, – это ужасно.

– Горгона! – воскликнул Цезарь и разрыдался.

Он стоял на коленях возле убитого ветерана, обнимал недвижимое тело, прижимался щекой к седым безжизненным волосам. Это не имело ничего общего со смертью его матери и дочери. Командующий оплакивал своих солдат.

Сульпиций Руф прошел дальше, пораженный молодостью поверженных храбрецов. Многие из них еще ни разу не брились. О, сколько скорби! Его взгляд перебегал с лица на лицо, надеясь отыскать хоть какой-нибудь признак жизни. И он нашелся в глазах пожилого центуриона, руки которого судорожно сжимали рукоять погруженного в его тело меча.

– Цезарь! – крикнул Руф. – Цезарь, здесь есть живой!

И центурион успел рассказать им об Амбиориге, Сабине, Котте и Горгоне, прежде чем отойти в иной мир.

Слезы все текли. Цезарь встал и огляделся:

– Нет серебряного орла, но он должен быть здесь. Аквилифер, умирая, отбросил его в гущу защищавшихся.

– Наверное, его подобрали эбуроны, – предположил Сульпиций Руф. – Они все здесь перевернули. И не тронули только тех, кто покончил с собой.

– Горгона знал, что их не тронут. Искать нужно здесь.

Растащив груду тел, они нашли штандарт тринадцатого легиона.

– За всю мою долгую военную бытность, Руф, я никогда не сталкивался со случаями уничтожения целого легиона, – сказал Цезарь, когда они возвращались к выходу из ущелья. – Я понимал, что Сабин – дурак, но не знал, что настолько. Он хорошо справился с Виридовигом и венеллами, и я счел, что могу на него положиться. А вот Котта, напротив, вел себя достойно.

– Ты не мог этого предвидеть, – сказал Сульпиций Руф, не зная, как следует реагировать.

– Да, не мог. Но дело не в Сабине, а в Амбиориге. Белги обрели сильного предводителя, который должен был одержать победу надо мной, чтобы показать остальным племенам, что он способен возглавить их. Как раз сейчас он принохивается к треверам.

– А не к нервиям?

– Они не воюют верхом, что необычно для белгов, а Амбиориг – прирожденный командир конницы. Нет, ему нужны треверы. Кстати, как ты держишься в седле? Можешь совершить долгую поездку?

Сульпиций Руф смутился:

– Я не так вынослив, как ты, Цезарь, но сделаю все, о чем ты попросишь.

– Отлично. Сам я должен остаться здесь, чтобы провести обряд погребения. У большинства мертвецов нет головы, и, значит, у них могут возникнуть проблемы с Хароном. К счастью, я – великий понтифик и у меня есть возможность, заручившись согласием Юпитера Всеблагодного Всесильного и Плутона, заплатить Харону разом за всех.

Это было очевидно. Обезглавленный римлянин не только лишился звания римского гражданина, но и не мог оплатить переправу через реку Стикс, ибо монетку, назначенную перевозчику, клали усопшему в рот. Нет головы – нет монетки, а это означало, что тень умершего не достигнет подземного царства и будет неприкаянно бродить по земле, не находя пристанища и приюта. Незримый скиталец подобен живому умалишенному, которого кормят и одевают сердобольные люди, но никогда не приглашают остаться и погреться у домашнего очага.

– Возьми мой эскадрон и поезжай к Лабиену, – сказал Цезарь. Он вынул из-под кирасы платок, вытер слезы и высморкался. – Он на Мозе, около Виродуна. Дориг даст тебе пару проводников. Расскажи Лабиену, что здесь произошло, пусть сделает выводы. А еще скажи... – Цезарь тяжело перевел дыхание, – скажи, чтобы никому не давал пощады.

Квинт Цицерон ничего не знал о судьбе Сабина, Котты и тринадцатого легиона. Крепости, подобной Атуатуке, у нервиев не имелось, и потому младший брат знаменитого адвоката расположил свой девятый легион посредине плоского, покрытого мокрым снегом пастбища, подальше от леса, и довольно далеко от реки Моза.

Там было неплохо. Через лагерь протекал незамерзающий приток Мозы, снабжая римлян хорошей свежей водой и унося прочь экскременты. Пищи у них хватало, и гораздо более разнообразной, чем они ожидали после удручающего совета в гавани Итий. Дрова, правда, приходилось возить из леса, но обозы туда отправлялись с вооруженной охраной и держали связь с лагерем через систему сигналов.

А самым большим удобством зимовки являлось наличие вблизи лагеря дружественного к римлянам поселения. Местный аристократ, из нервиев, некий Вертикон, всячески поддер-

живал пребывание римской армии в Белгике, поскольку считал, что в союзе с Римом у белгов больше шансов защититься от германцев. Это значило, что он с готовностью оказывал любую помощь и всячески поощрял женщин посещать римских солдат. Денежки у легионеров водились, и любительниц пожить на их деньги хватало. Квинт Цицерон с улыбкой закрывал на это глаза, а в письмах брату задавался вопросом, не следует ли ему брать свою долю с комиссионных, которые, без сомнения, получал Вертикон от своих услужливых женщин, чьи ряды росли по мере того, как распространялись слухи о щедрости солдат девятого легиона.

Девятый легион состоял из ветеранов, которых набрали в Итальянской Галлии во время последних пяти месяцев консульства Цезаря. С ним они прошли с боями от Родана до Атлантического океана и от аквитанской реки Гарумна до устья Мозы в Галлии Белгике. Несмотря на такие заслуги, каждому из них было года по двадцать три. Эти стойкие парни ничего не боялись. Они состояли в кровном родстве с теми, с кем сражались на протяжении пяти лет, поскольку Цезарь завербовал их на дальнем берегу реки Пад, где жили потомки галлов, вторгшихся в пределы Италии несколько столетий назад. Рослые, белокурые или рыжеволосые, светлоглазые. Однако кровное родство не вызывало у них сочувствия к длинноволосым галлам, которых они теперь покоряли. Больше того, они ненавидели галлов – белгов, кельтов, не имело значения. Солдат может уважать противника, но не любить и жалеть. Ненависть – лучшее из того, что испытывает хороший солдат к неприятелю.

И Квинт Цицерон не дал себе труда разглядеть, что творится у него под носом: он не только забыл о судьбе тринадцатого легиона, но даже не заподозрил, что Амбиориг деятельно обрабатывал нервиев по пути на переговоры с треверами. Предводитель эбурунов нашел простое и эффективное средство воздействия: узнав, что женщины нервиев ходят в лагерь девятого легиона, чтобы подзаработать немного денег (к которым обычно у них почти не было доступа), он принялся дергать за эту струну.

– Вам правда нравится делить своих жен с римской солдатней? – спрашивал он, удивленно глядя на них. – Ваши дети действительно ваши? Они будут говорить на языке нервиев или на латыни? Будут пить пиво или вино? Причмокивать от удовольствия при мысли о куске хлеба, намазанном сливочным маслом или обмакнутом в оливковое? Будут ли они слушать песни друидов или предпочтут римские фарсы?

После нескольких дней таких бесед Амбиориг был очень доволен. Потом он захотел увидеться с Квинтом Цицероном, чтобы купить его так же, как Сабина. Но Квинт Цицерон был не Сабин. Он отказался принять посланцев Амбиорига, а когда те стали настаивать, передал, что не собирается общаться ни с одним длинноволосым галлом, что бы тот о себе ни возомнил, и велел убираться (правда, выразившись не столь вежливо) и оставить его в покое.

– Очень тактично, – сказал, широко улыбаясь, примипил девятого легиона Тит Пуллон.

– Тьфу! – плюнул Квинт Цицерон, опускаясь в курульное кресло. – Я здесь не для того, чтобы обнюхивать задницы заносчивых дикарей. Если они хотят иметь с нами дело, пусть идут к Цезарю. Вести с ними разговоры – его работа, а не моя!

– Забавно, что этот Квинт Цицерон, – сказал Пуллон своему сослуживцу Луцию Ворену, – может говорить такие вещи, а потом любезничает с Вертиконом за кубком фалернского и даже не сознает непоследовательности своего поведения.

– Нашему Цицерону просто нравится Вертикон, – рассудительно ответил Ворен. – А уж если ему кто-то по нраву, остальное не имеет значения.

Примерно то же самое писал Квинт Цицерон своему старшему брату в Рим. Они переписывались уже много лет. Так было заведено у образованных римлян. Даже рядовые солдаты регулярно писали домой, рассказывая своим семьям, как они живут, что поделывают, в каких сражениях принимают участие и с какими ребятами делят палатку и тяготы воинской службы. Многие были грамотными еще до поступления на службу, а неграмотных понуждали в зимнем лагере учиться чтению и письму. Особенно такие командиры, как Цезарь, который еще ребен-

ком, сидя на коленях у Гая Мария, жадно впитывал его наставления. В том числе о пользе грамотности для легионеров. «Грамотность схожа с умением плавать, – говорил ему Марий, кривя перекошенный рот. – И то и другое может однажды спасти тебе жизнь».

«Странно, – думал Квинт Цицерон, корпя над бумагой, – но чем я дальше от брата, тем он становится все ближе. В зимнем лагере среди нервиев он кажется просто идеальным старшим братом. Не то что в Риме, на Тускуланской улице, во время его внезапных визитов. Со своими советами он был как заноза в заднице. А Помпония одновременно кричала что-то в другое ухо, и ей вторил ее братец Аттик, а мне приходилось подлаживаться под них и умудряться оставаться хозяином в своем доме».

Брат и в письмах пытался наставлять Квинта, однако среди нервиев его советами можно было пренебречь, даже не читать их. И Квинт в конце концов научился распознавать, где начинается проповедь, а где она должна кончиться, и пропускал эти листы, читая лишь интересные места. Кроме того, старший брат был великим скромником и даже через четверть века после вступления в брак не смел помыслить о ком-либо, кроме своей грозной Теренции, так что и Квинту рядом с ним волей-неволей приходилось отдавать дань воздержанию. Но в земле нервиев за ним никто не приглядывал, и он оттягивался вовсю. Крупные женщины белгов могли бы свалить его с ног одним ударом, но все они так и липли к милому маленькому командиру с приятными манерами и щедро открытым кошельком. В сравнении с Помпонией (которая тоже могла уложить его одним ударом) они являли собой дивный дар елисейских полей.

Но, не слишком ласково спровадив посланцев Амбиорига, Квинт Цицерон целый день ходил сам не свой. Что-то было не так, а что – неизвестно. Потом стало покалывать в большом пальце левой руки. Он послал за Пуллоном и Вореном и сказал им:

– Нас ждут неприятности, и не спрашивайте меня, откуда я это знаю, потому что это неясно и мне самому. Давайте обойдем лагерь и посмотрим, что нужно сделать, чтобы его укрепить.

Пуллон посмотрел на Ворена. Потом оба с уважением взглянули на командира.

– Пошлите кого-нибудь за Вертиконом, я должен увидеться с ним.

Все трое с эскортом центурионов пошли внимательно осматривать лагерь.

– Башни, – сказал Пуллон. – У нас их шестьдесят, а надо бы вдвое больше.

– Согласен. И еще надо футов на десять надстроить стены.

– Набросать больше земли или использовать бревна? – спросил Ворен.

– Бревна. Земля сейчас мерзлая. С бревнами выйдет быстрее. Как можно скорее отправьте людей в лес. Если нас осадят, он станет недостижимым, так что заняться этим надо сейчас. Пусть валят деревья и тащат в лагерь. Мы обрабатываем их прямо тут.

Один из центурионов, отсалютовав, убежал.

– Надо вбить в ров больше кольев, раз мы не можем его углубить, – сказал Ворен.

– Конечно. Есть у нас уголь?

– Немного есть, но недостаточно, чтобы обжечь на кострах больше двух тысяч кольев, – сказал Пуллон. – Впрочем, у нас будут ветки.

– И все же надо узнать, сколько угля может нам дать Вертикон. – Легат прикусил нижнюю губу, о чем-то задумавшись. – Нам нужны осадные копы.

– Дуб не годится, – сказал Ворен. – Надо брать ясень, березу. У них прямые стволы.

– Камни для артиллерии, – напомнил Пуллон.

– Пошлите команду сборщиков к Мозе.

Еще несколько центурионов ушли.

– И последнее, – сказал Пуллон. – Как сообщить Цезарю?

Квинт Цицерон должен был сам подумать об этом. Однако у него были непростые отношения с командующим. Его старший брат ненавидел Цезаря с тех пор, как тот выступил с возражениями против казни сподвижников Катилины, и Квинт тоже не доверял Цезарю. Однако

эмоции не помешали прославленному оратору просить Цезаря взять к себе Квинта легатом и Гая Требатия военным трибуном. И Цезарь, хорошо зная, как относится к нему проситель, не отказал. Профессиональная вежливость между консулярами была обязательна.

Семейная традиция ненавидеть Цезаря привела к тому, что Квинт Цицерон не знал командующего так хорошо, как большинство других легатов, и еще не решил, какую позицию занять. Он понятия не имел, как отреагирует Цезарь, если один из его старших легатов пошлет тревожное сообщение, не подтвержденное ничем, кроме покалывания в левом большом пальце и предчувствия, что готовится серьезная неприятность. Он поехал в Британию с Цезарем, получил интересный опыт, но не тот, который позволил бы ему понять, какую свободу Цезарь предоставляет своим легатам. Цезарь лично принимал решения с начала до конца экспедиции.

Очень многое зависело от того, как он поступит сейчас. Если ход будет неверным, ему не предложат остаться в Галлии еще на год или два, и тогда его ждет участь Сервия Сульпиция Гальбы, провалившего кампанию в Альпах. Того отправили в Рим с самыми хвалебными отзывами, но никто им не верил. Любой, кто хоть что-то соображал в военном деле, сразу понимал, что Гальба совсем не понравился своему командиру.

– Не думаю, – ответил он наконец, – что такая депеша Цезарю повредит нам. Если я ошибаюсь, то получу выговор, которого заслуживаю. Но, Пуллон, почему-то я *знаю*, что прав! Да, я сейчас же напишу Цезарю.

Обстоятельства между тем складывались и удачно, и неудачно. Удача была в том, что нервы, понемногу раскачиваясь, еще не приглядывали за римлянами слишком пристально. Со стороны им казалось, что у тех все идет как всегда. Это дало возможность legionарам девятото натащить в лагерь деревьев, начать укрепление стен и строительство шестидесяти дополнительных башен по периметру, а также сделать внушительные запасы камней для баллист. А неудачей явилось то, что война для нервиов была уже делом решенным и они выставили на дороге к Самаробриве дозоры за сто и пятьдесят миль.

Поэтому довольно робкое и путаное донесение Квинта Цицерона было перехвачено по пути вместе с другими письмами. Гонца убили, а сумку с корреспонденцией передали друидам, знавшим латынь, для внимательного ознакомления. Но Квинт писал на греческом – еще одно последствие покалывания в пальце. И только гораздо позже он осознал, что, вероятно, у него в памяти застряло замечание Вертикона насчет того, что друиды северных белгов учат латынь, а не греческий. В других частях Галлии могли знать и греческий: язык учили, исходя из необходимости.

Вертикон согласился с Квинтом Цицероном, что в воздухе пахнет бедой.

– Все знают, что я – сторонник Цезаря, и на советы меня теперь не зовут, – сказал встревоженный тан. – Но за последние два дня рабы несколько раз видели, как через мои земли шли воины в сопровождении оруженосцев и вьючных животных, словно на общий сбор. В это время года они не могут воевать на чужой территории. Я думаю, их цель – твой лагерь.

– Тогда, – оживился Квинт Цицерон, – я предлагаю тебе и твоим людям перебраться сюда. Будет, разумеется, тесновато, лагерная жизнь не то, к чему ты привык, но, если мы сумеем удержать лагерь, ты будешь в безопасности. Иначе, возможно, тебя первого и убьют.

– О! – воскликнул Вертикон, чувствуя немалое облегчение. – Из-за нас вы не будете голодать. Я переправлю сюда всю нашу пшеницу, всю до последнего зернышка, всех кур и весь скот. И весь наш уголь.

– Отлично! – радостно воскликнул Квинт Цицерон. – Перебирайтесь. Не сомневайтесь, работы тут хватит на всех!

Через пять дней после того, как гонец был убит, нервы атаковали лагерь. Встревоженный отсутствием ответа из Самаробривы, Квинт Цицерон послал второе письмо. Однако и этого

гонца перехватили, но не убили, а стали пытаться. И узнали, что римляне спешно укрепляют лагерь.

Сбор был завершен, нервии незамедлительно выступили в поход. Их продвижение очень отличалось от римского марша, поскольку они бежали быстрой трусцой, покрывая милю за милей. Каждого воина сопровождал оруженосец, который нес его щит, и личный слуга с выючным пони, поклажу которого составляли дюжина копий, кольчуга, если таковая имелась, боченок с пивом, запас еды, зеленоватый плащ в грязно-оранжевую клетку и волчья шкура, чтобы укрываться по ночам. Самые легконогие первыми достигли цели, за ними подоспели остальные. Последнему повезло меньше всех, его принесли в жертву Езусу, галльскому богу войны, и вздернули на суку в священной дубовой роще.

Целый день нервии стекались к лагерю, в котором стучали молотки и звенели пилы. Стена обзавелась новым бревенчатым бруствером, но дополнительные башни еще не были завершены, и многие тысячи кольев выдерживались на медленном огне для придания им большей прочности. Всюду, где было свободное место, пылали костры.

– Хорошо у нас есть еще ночь для работы, – сказал довольно Квинт Цицерон. – Дикари будут до утра отдыхать.

Но нервии не отдыхали и часа. Солнце уже закатилось, когда тысячи их атаковали лагерь, забрасывая ров ветками и используя причудливо оперенные копья как опору, чтобы взобраться на бревенчатые стены. Но девятый легион их уже ждал наверху укреплений. Солдаты по двое с одним длинным осадным копьем сталкивали дикарей, карабкающихся на стены, другие, стоя в еще недостроенных башнях, использовали их дополнительную высоту, чтобы метать свои *pila* во врага со смертоносной точностью. И все это время баллисты швыряли двухфунтовые речные камни в самую гущу противника.

К середине ночи штурм прекратился, но нервии, удалившись на безопасное расстояние, все еще продолжали дико вопить и плясать вокруг лагеря, двадцать тысяч факелов в руках дикарей разгоняли темноту, освещая скачущие фигуры. Голые торсы отливали медью, волосы походили на застывшие гривы, глаза и зубы сверкали, пока воины вертелись и кружились, подскакивали, подкидывали в воздух и снова ловили свои факелы, словно жонглеры.

– Страшно, ребята? – кричал Квинт Цицерон, обходя костры артиллеристов, трудившихся, сняв кольчуги, выючных животных, беспокойно всхрапывающих и бьющих копытами в стойлах при таком шуме. – Действительно, страшновато. Но зато нервии дают нам свет, чтобы мы могли достроить башни! Давайте, парни, работайте энергичней! Тут вам не гарем Сампсикерама!

И в этот момент у него заныла спина. Острая боль пронзила левую ногу, он захромал. О, только не сейчас! Только не это! Такие приступы вынуждали его с неделю отлеживаться, стеной от боли. Но от него сейчас столько зависит! Как он может лечь? Если командир не устоит на ногах, что будет с моральным духом войска? Квинт Цицерон стиснул зубы и продолжил обход, хромя и где-то находя силы улыбаться, шутить, подбадривать приунывших, говорить людям, какие они смелые и как хорошо, что нервии освещают им небо...

Нервии атаковали каждый день, закидывая рвы, пытаясь забраться на стены, и каждый день солдаты девятого их отбрасывали, а потом шестами с длинными крючьями выкидывали ветки и тела мертвых нервиев из рва.

Каждую ночь Квинт Цицерон писал Цезарю новое письмо на греческом, находил раба или галла, соглашавшегося отнести письмо за хорошее вознаграждение, и посылал человека в темноту.

И каждый день нервии приводили ночного гонца на видное место, размахивали письмом, прыгали и кричали, пока несчастного не начинали пытаться клещами, ножами, каленым железом. Тогда дикари замолкали, чтобы римляне слышали вопли товарища.

– Мы не сдадимся, – говорил своим солдатам Квинт Цицерон, хромая по лагерю. – Мы не доставим удовольствия этим *mentulae*!

На что люди, к которым он обращался, ухмылялись, махали ему рукой, спрашивали, как спина, и называли нервиев такими словами, от которых упал бы в обморок его старший брат.

Пришел Тит Пуллон, лицо его было мрачным.

– Квинт Цицерон, у нас новая проблема, – прямо сказал он.

– Какая?

– Они отвели воду. Поток иссяк.

– Ты знаешь, что делать. Начинайте копать колодцы. А ниже – выгребные и помойные ямы. – Квинт усмехнулся. – Я бы сам принял в этом участие, но у меня что-то нет настроения.

Лицо Пуллона смягчилось. Как это все-таки замечательно, что у них такой жизнерадостный и нестигаемый командир!

Прошло двадцать дней. Нервии продолжали атаковать каждое утро. Запас гонцов, согласных добраться до Самаробривы, стал иссякать, как и запасы воды. Квинт Цицерон знал, что ни одно послание не удалось переправить через неприятельский фронт. Выбора не было, оставалось лишь защищаться. Отбивать атаки днем, а по ночам ликвидировать повреждения, делать запасы того, что может быть полезным на рассвете, и гадать, сколько еще времени пройдет, прежде чем вспыхнет эпидемия. Ох, что бы он сделал с нервиями, если бы выбрался из этой заварухи живым! Люди девятого легиона не были сломлены, пребывали в бодром настроении и рьяно работали в перерывах между боями.

Потом начались дизентерия, лихорадка, и появились иные проблемы. Нервии построили несколько осадных башен, неуклюжих и шатких по сравнению с римскими, но пригодных, чтобы прицельно метать копья. А еще в лагерь полетели камни.

– Откуда у них взялась артиллерия? – воскликнул легат, обращаясь к Ворену. – Если это не римские баллисты, тогда я не младший брат великого Цицерона!

И поскольку Ворен, как и Цицерон, не мог знать, что артиллерию сюда привезли из оставленного лагеря перебитого тринадцатого легиона, это стало поводом для новых тревог. Что, если уже вся Галлия охвачена мятежом и остальные легионы разгромлены? Что, если они сумеют доставить письмо, но некому будет на него ответить?

Камни еще можно было вынести, но нервии проявили изобретательность. В ходе новой атаки они зарядили баллисты пучками горящих сухих палок и стали обстреливать ими лагерь. Даже раненые и недужные солдаты были на стенах, поэтому мало кто мог бороться с огнем, охватившим бревенчатые строения внутри лагерного городка, и выводить на открытые места выюнных животных, обезумевших от страха. Рабы, нестроевые солдаты и люди Вертикаона делали все, чтобы справиться с этой новой напастью, давая возможность солдатам девятого отражать натиск нервиев на стенах. И те дрались, слыша треск пламени, раздуваемого резким зимним ветром, которое пожирало провиант и их личное драгоценное имущество, но ни один из них даже не повернул головы. Они стояли на своих позициях и заставили нервиев отступить.

В разгар одной из яростных атак Пуллон и Ворен поспорили, кто из них отважней и сноровистей в воинском деле. Они потребовали, чтобы девятый стал в этом деле судьей. Одна из осадных башен нервиев так близко придвинулась к лагерю, что едва не касалась стены. Нервии собирались использовать ее как мост, чтобы перебраться на укрепления. Но Пуллон взял в руки факел и, приподнявшись над бруствером, метнул его; Ворен тоже взял факел и высунулся из-за бруствера еще дальше, чтобы метнуть его в башню. Так они кидали факелы до тех пор, пока осадная башня не запылала и нервии с горящими волосами не попрыгали с нее вниз. Тогда Пуллон схватил лук и колчан и принялся осыпать варваров стрелами с меткостью, которой некогда научился у лучников Крита. Стрелял он быстро и поразительно точно, а Ворен также без промаха разил нервиев загодя заготовленными *pila*. Ни один из героев не получил ни царапины, и, когда атака захлебнулась, зрители покачали головой. Решение было – ничья.

– Наступил поворотный момент. Мы сражаемся уже тридцатый день, – сказал Квинт Цицерон, когда наступила темнота и нервы в беспорядке отступили.

Он созвал маленький военный совет: он, Пуллон, Ворен и Вертикон.

– Хочешь сказать, что мы победим? – удивленно спросил Пуллон.

– Я хочу сказать, что мы проиграем, Тит Пуллон. Они с каждым днем становятся все напористее, и у них наши орудия. – Тяжело вздохнув, Квинт Цицерон ударил себя кулаком по колену. – О боги, *как-то* мы должны доставить письмо сквозь их ряды! – Он повернулся к Вертикону. – Я не могу отправить человека на верную смерть, но кто-то должен пойти. Здесь и сейчас мы должны изыскать способ, как уберечь гонца от смерти даже в случае обыска. Вертикон, ты – нервий, скажи, как нам это сделать.

– Я все обдумал, – ответил Вертикон на сносной латыни. – Прежде всего, это должен быть кто-то, кто может сойти за нервия-воина. Среди атакующих есть менапии и кондрусы, но я не могу достать плаща с нужным рисунком. Хотя лучше было бы, чтобы наш человек сошел за одного из них. – Он помолчал, вздохнул. – Много ли провизии уцелело после пожара?

– Хватит на семь-восемь дней, – ответил Ворен. – Впрочем, наши люди так ослабели, что едят очень мало. Может, протянем дней десять.

Вертикон кивнул:

– Тогда так и поступим. Пошлем кого-нибудь, кто может сойти за нервия, поскольку он нервий и есть. Я пошел бы сам, но меня сразу узнают. Но у меня есть слуга, который вызвался идти. Очень умный парень, быстро соображает.

– Это здорово! – прогремел Пуллон. Лицо грязное, кольчуга разорвана от шеи до пояса. – В этом есть смысл. Но меня беспокоит обыск. Последнее послание мы спрятали в прямой кишке нашего парня, но его отыскали и там. Юпитер! Может быть, твой человек, Вертикон, и хорош, но его могут заподозрить, а заподозрив, обыщут. И найдут записку, где бы она ни была, а если не найдут, то станут пытаться.

– Смотрите, – сказал Вертикон, выдергивая из земли торчащее поблизости копьё нервиев.

Это было не римское оружие, но сделанное весьма искусно. Длинное деревянное древко с большим металлическим наконечником в форме листа. Так как длинноволосые галлы любили насыщенные цвета и украшения, оно было не простым. В том месте, где воин держал копьё, древко было обвязано нитями цветов племени – зелеными и грязно-оранжевыми. А с обвязки, прикрепленные петлями, свисали три гусиных пера, тех же цветов.

– Я понимаю, почему сообщение должно быть послано в письменном виде. Словам нервия Цезарь может и не поверить. Но напиши это письмо самыми мелкими буквами и на самой тонкой бумаге, Квинт Цицерон. А пока ты пишешь, мои женщины снимут с копья обвязку. Потом мы обернем бумагу вокруг древка и вновь обвяжем нитями. – Вертикон пожал плечами. – Это лучшее, что я могу предложить. Они ищут везде, в каждом отверстии тела, в каждой складке одежды, в каждой пряди волос. Но если обвязка в порядке, не думаю, что им придет в голову снять ее с древка.

Ворен и Пуллон согласно кивнули. Квинт Цицерон тоже кивнул и ушел в свой деревянный дом, по счастью не сгоревший. Там он сел и очень убористым почерком стал набрасывать сообщение на самом тонком листе бумаги, какой сумел найти.

Я пишу на греческом, Цезарь, потому что враги наши знают латынь. Уже тридцать дней нервы атакуют. Вода протухла, выгребные ямы стали источником заразы. Люди болеют. Не знаю, как нам удастся держаться. У нервиев римские орудия, стреляют зажигательными снарядами. Провизия кончается. Пошли нам помощь, иначе все мы погибнем.

Квинт Туллий Цицерон, легат

Слуга Вертикона был мускулистым и рослым. Если бы он был выше по рождению, то стал бы воином. Но крестьяне у нервиев приравнивались к рабам, их разрешалось пытать, они не могли сражаться за свое племя. Их уделом было возделывать землю, смиренно ходить за плугом. Несмотря на все это, малый стоял спокойно, не выказывая и тени испуга. «Да, – подумал Квинт Цицерон, – из него получился бы отменный воин. Дураки нервии, что не разрешают таким парням воевать. Но это хорошо для меня и для моего легиона. Этот пройдет».

– Замечательно, – сказал он. – Мы получили возможность доставить сообщение Цезарю. Но как получить ответ от него? Я должен знать, идет ли к нам помощь. И должен сказать это людям, иначе отчаяние поглотит остаток их мужества. Безусловно, Цезарю понадобится какое-то время, чтобы собрать силы, но парни нуждаются в ободрении.

Вертикон улыбнулся:

– Получить ответ не труднее, чем отослать сообщение. Я велю слуге по возвращении прикрепить к своему копыю с ответом Цезаря еще одно желтое перо.

– И оно будет торчать на виду, как собачьи яйца! – ахнул Пуллон.

– Что нам и нужно. Вряд ли кто-нибудь станет приглядываться к копыю, летящему в лагерь. А мой человек пометит его лишь перед тем, как метнуть, – с усмешкой объяснил Вертикон.

Цезарь получил копьё через два дня после того, как слуга прошел через линию нервиев.

Поскольку лес к югу от лагеря был слишком густым, гонцу, чтобы не заблудиться, пришлось шагать в Самаробриву по дороге. Ее тщательно охраняли, но первые три дозора ему удалось миновать. Четвертый дозор остановил его. Гонца раздели, залезли во все отверстия, прощупали волосы и одежду. Но обвязка на копьё была безупречна. Ее даже не тронули, а слуга Вертикона заранее разрезал себе лоб твердым куском коры, чтобы порез казался раной. Он шатался, что-то бормотал, закатывал глаза и все пытался поцеловать начальника патруля. Решив, что у раненого сильное сотрясение мозга, начальник со смехом его отпустил.

К вечеру совершенно обессиленный гонец прибыл в Самаробриву. Там тут же развернулась бурная деятельность. Один курьер галопом поскакал к Марку Крассу, стоявшему в двадцати пяти милях от крепости. Ему было приказано спешно вести восьмой легион в Самаробриву, чтобы охранять ее в отсутствие командующего. Второй курьер поскакал в гавань Итий к Гаю Фабию, которому надлежало с седьмым легионом двинуться во владения атребатов и ждать Цезаря у реки Скальд. Третий курьер поскакал в лагерь Лабиена на Мозе известить его о развитии событий. Но Цезарь не приказал своему заместителю присоединиться к спасательной экспедиции. Он предоставил Лабиену право самому решать, опасаясь, что тот может оказаться в положении Квинта Цицерона.

На рассвете Самаробрива увидела вдалеке легион Марка Красса, и Цезарь с десятым незамедлительно покинул ее.

Два легиона, каждый почти в полном составе. Это было все, что он мог привести в помощь девятому. Девять тысяч ценных солдат, ветеранов. Больше никаких глупых просчетов. *Сколько там нервиев?* Несколько лет назад на поле боя их полегло пятьдесят тысяч, но это было очень многочисленное племя. Возможно, их снова столько же вокруг осажденного лагеря девятого. Хороший легион. Нет, они не погибнут!

Фабий быстро дошел до реки Скальд. Там он встретился с Цезарем. Можно было подумывать, что они выполняют маневры на Марсовом поле. Ни один не ждал другого и часа, им предстояло покрыть еще семьдесят миль. Но *сколько там нервиев?* Двум легионам, даже состоящим из ветеранов, в открытом бою против них, безусловно, не устоять.

Слугу Вертикона Цезарь послал вперед, дав ему двуколку, чтобы он проехал сколько осмелится, потому что ездить верхом он не умел. Ему было велено метнуть копьё с привязанным желтым пером обратно в лагерь Цицерона. К сожалению, он был крестьянин, а не воин.

Он сделал что мог и попытался перебросить копье с желтым пером через укрепления, но оно упало между бруствером и стеной и пролежало там незамеченным долгих два дня.

Квинту Цицерону вручили его всего за несколько часов до того, как столб дыма над деревьями возвестил о прибытии Цезаря. Он был на грани отчаяния, потому что копья с желтым пером никто нигде не мог обнаружить, хотя все высматривали его до рези в глазах и уже всюду видели одни желтые пятна.

Иду. Со мной два неполных легиона. Не могу напасть сразу. Вынужден искать место, где девять тысяч солдат могут разбить многие тысячи. Похожее на Аквы Секстиевы. Сколько их там? Напиши мне подробно. Твой греческий очень хорош, весьма образный.

Гай Юлий Цезарь, император

При виде желтого пера измученный легион разразился радостными криками, а Квинт Цицерон заплакал. Вытерев неимоверно грязное лицо столь же грязной рукой, он сел, забыв о больной спине и ноге, и стал писать ответ Цезарю, пока Вертикон готовил другого слугу и другое копье.

Думаю, их тысяч шестьдесят. Здесь собралось все племя, их великое множество. Не только нервии. Замечены также менапии и кондрусы. Мы пока держимся. Найди скорее свои Аквы Секстиевы. Галлы теряют бдительность, считая, что уже заполучили нас, чтобы сжечь заживо в своих клетках. Они много пьют, их рвение слабеет. Твой греческий не хуже моего.

Квинт Туллий Цицерон, старший легат

Цезарь получил это письмо в полночь. Нервии пытались атаковать его, но помешала темнота, и это была единственная ночь, когда они по забывчивости не выставили дозоры. Десятый с седьмым рвались в бой, но Цезарь сдерживал их пыл, пока не нашел подходящее поле и не построил лагерь, подобный тому, укрепившись в котором Гай Марий и тридцать семь тысяч римлян более полувека назад разгромили сто восемьдесят тысяч тевтонов.

На это ушло два дня, после чего десятый и седьмой легионы наголову разбили нервиев, никому не давая пощады. Квинт Цицерон оказался прав: продолжительная осада ослабила их боевой дух. Они много пили, плохо закусывали и еще хуже дрались, но их союзники, пришедшие позже, сражались лучше при Цезаревых Аквах Секстиевых.

Лагерь девятого представлял собой обугленные руины. Бульшая часть домов сгорела дотла. Мулы и волы бродили голодные, дополняя своим ревом какофонию приветственных криков в честь прибытия Цезаря и двух его легионов. Среди солдат не осталось ни единого человека без ранения, и все они были больны.

Десятый и седьмой легионы решительно взялись за дело. Разрыли преграду, пустив поток по прежнему руслу. Разобрали бруствер на топливо, разожгли костры, нагрели воду в котлах, чтобы солдаты девятого легиона могли помыться и выстирать одежду. Разместили животных в уцелевших и наспех сколоченных стойлах и тщательно прочесали окрестность в поисках пищи. Затем подошел обоз с достаточным запасом провианта и фуража, а потом Цезарь построил солдат девятого перед своими легионерами. У него не было с собою наград, но он все равно зачитал приказы о награждении. Пуллон и Ворен, уже имевшие серебряные браслеты и фалеры, теперь получили золотые.

— Если бы я имел право, Квинт Цицерон, я наградил бы тебя венком из трав за спасение легиона.

Квинт Цицерон кивнул, очень довольный:

— Ты не можешь, Цезарь, я знаю. Устав есть устав. Да и потом, девятый спас себя сам. Я только чуть поддержал его с краю. Замечательные парни, правда?

– Лучшие среди лучших.

На следующий день три легиона двинулись в путь. Десятый с девятым направились в удобную и безопасную Самаробриву, седьмой пошел в гавань Итий. Даже если бы Цезарь захотел, оставить в лагере гарнизон не представлялось возможным. Продовольствия в округе было не сыскать, земля была вытоптана и покрыта телами врагов.

– Весной я разберусь с нервиями, Вертикон, – сказал Цезарь своему стороннику. – Ты ничего не потеряешь из-за того, что помог моим людям, обещаю. Возьми все, что тут остается, себе, это поможет тебе продержаться.

Вертикон и его люди возвратились в свою деревню. Вертикон вновь зажил как тан нервиев, а слуга вернулся к своему плугу. Ибо здесь не было принято возвышать человека даже в знак благодарности за его заслуги. Обычай и традиции были слишком сильны. Да слуга и не ожидал никакой награды. Он выполнял обычную для зимы работу и, как и раньше, беспрекословно подчинялся Вертикону, сидел у костра по ночам со своей женой и детьми и молчал. Свои чувства и мысли он держал при себе.

Цезарь с небольшим кавалерийским отрядом поскакал к верховьям Мозы, предоставив своим легатам возможность самостоятельно довести легионы до места. Ему было необходимо увидеться с Лабиеном, приславшим сообщение, что треверы беспокойны. Они не позволили Лабиену прийти на помощь девятому легиону, но еще не собрались с духом атаковать. Лагерь Лабиена граничил с землями ремов, а это означало, что помощь у него была под рукой.

«Цингеториг обеспокоен тем, что теряет влияние среди треверов, – писал Лабиен, – а Амбиориг очень старается склонить чашу весов в пользу Индутиомара. Истребление тринадцатого легиона сделало Амбиорига героем».

– Эта расправа дала кельтам иллюзию силы, – сказал Цезарь. – Я только что получил записку от Росция, где он сообщает, что арморики двинулись к его лагерю, как только до них дошла эта весть. К счастью, они были аж в восьми милях, когда узнали о поражении нервиев. – Он усмехнулся. – Лагерь Росция вмиг потерял для них всякую привлекательность, и они повернули домой. Но они вернутся.

Лабиен помрачнел:

– И это зима. Весной мы окажемся в полном дерьме. К тому же без одного легиона.

Они стояли возле добротного деревянного дома легата, освещенные неярким зимним солнцем, глядя на ровные ряды строений, расходившихся от них в трех направлениях. Дом командира всегда располагался в центре северной части римского лагеря, за ним теснились склады и сараи.

Это был кавалерийский лагерь, потому он был больше лагеря, где жили и оборонялись пехотинцы. Римские зимние лагеря для пехоты обычно строились из расчета половина квадратной мили на один легион (для кратковременных лагерей эта норма была впятеро меньше). Легионеры размещались по десять человек в доме – восемь солдат и два нестроевика. Каждая центурия, состоявшая из восьмидесяти солдат и двадцати нестроевиков, занимала отдельную небольшую улицу с домом центуриона в начале и конюшней для десяти мулов и шести волов, которые тянули единственную повозку центурии, в конце. Дома легатов и военных трибунов стояли вдоль главной улицы лагеря – *via principalis* – по обеим сторонам от дома командира и дома квестора, причем дом квестора был больше, поскольку квестор ведал припасами, счетами, казной и похоронной конторой. Вокруг них было свободное пространство, достаточное для прохода строя солдат. Еще одна площадка перед домом командира служила лагерным форумом, где собирались легионеры. Все было настолько четко выверено, что каждый в лагере точно знал свое место. Такой же порядок был и в лагерях, которые разбивались на ночь во

время переходов, и в полевых лагерях, которые возводились перед боем. Даже животные знали, куда они должны идти.

Лагерь Лабиена занимал две квадратные мили, ибо, помимо одиннадцатого легиона Лабиена, в нем размещались две тысячи эдуйских конников, в распоряжении каждого из которых имелись две лошади, слуга и мул. Животные находились в удобных зимних конюшнях, а две тысячи их хозяев жили в просторных домах.

В лагерях Лабиена, наводившего на подчиненных страх, всегда было грязно, поскольку его мало заботила своевременная чистка конюшен и уборка мусора. Он также разрешал солдатам держать при себе женщин, и Цезарь не противился этому, хотя ему очень не нравилась вонь, исходящая от шести тысяч нечищенных животных и десяти тысяч немытых человеческих тел. Рим, не имея собственной кавалерии, вынужден был полагаться на наемников, не являвшихся римскими гражданами. У них были свои законы, и им разрешалось поступать по-своему. Это в свою очередь значило, что римлянам-пехотинцам тоже разрешали держать женщин. Иначе возмущенные граждане скандалили бы с негражданами, и зимовка превратилась бы в кошмар.

И Цезарь ничего не сказал. Грязь и страх царили вокруг Тита Лабиена, но он был сокровищем. Никто не командовал кавалерией лучше, разве что сам Цезарь, чьи обязанности главнокомандующего не позволяли ему вести в бой кавалерию. Да и с пехотой Лабиен успешно справлялся. Очень ценный человек и отличный заместитель командира. Жаль, что он не мог укротить в себе дикаря. О его наказаниях шла такая молва, что Цезарь никогда не давал ему дважды один и тот же легион для длительного пребывания в лагере. Парни из одиннадцатого застонали, услышав, что должны зимовать вместе с Лабиеном, и теперь жили надеждой на то, что следующую зиму проведут с Фабием или Требонием, командирами строгими, но не спускавшими с легионеров три шкуры.

– Первое, что я сделаю по возвращении в Самаробриву, – напишу Вентидию и Мамурре в Италийскую Галлию, – сказал Цезарь. – У меня осталось семь легионов, а «Жаворонок» сильно поредел, потому что за его счет я восполнял потери в других легионах. А мне нужны одиннадцать легионов и четыре тысячи лошадей. Год будет тяжелым.

Лабиен поморщился.

– Четыре легиона зеленых рекрутов? – спросил он, кривя рот. – Это же больше трети всей армии! Они будут помехой, а не помощью.

– Зеленых только три, – спокойно возразил Цезарь. – Один легион, который мне нужен, состоит из хороших солдат. Он расквартирован в Плаценции. Ребята, правда, в бою не бывали, но отменно натренированы и рвутся в драку. Безделье так им наскучило, что они могут взбунтоваться.

– Ага! – кивнул Лабиен. – Я знаю, о ком ты. Это шестой легион, набранный Помпеем в Пицене около года назад. Его готовили для похода в Испанию, а похода все нет. Ты прав, Цезарь, парни застоялись. Но командует ими Помпей, а не ты.

– Я напишу Помпею и попрошу отдать их мне.

– И он согласится?

– Думаю, да. В обеих Испаниях сейчас спокойно. Афраний с Петреем без проблем управляют с ними. В Лузитании тихо, в Кантабрии тоже. Я предложу Помпею совершить боевое крещение нового легиона вместо него. Ему это понравится.

– Понравится, безусловно. Есть две вещи, которые Помпей никогда не делает. Он никогда не ввязывается в бой, не имея численного превосходства, и никогда не использует не побывавших в сражении ребят. Такой мошенник! Ненавижу его, всегда ненавидел. – Лабиен помолчал. – Ты восстановишь тринадцатый или сформируешь сразу четырнадцатый?

– Обязательно восстановлю. Я, как и все римляне, суеверен, но добьюсь, чтобы в этой цифре солдаты видели просто число. – Он пожал плечами. – Кроме того, если у нас появится

четырнадцатый легион и не будет тринадцатого, то ребята из четырнадцатого будут все время думать, что на самом деле они из тринадцатого. Я возьму новый тринадцатый под свое начало. И обещаю, что через год все станут считать его номер счастливым. Веришь?

– Когда я не верил тебе?

– Знаю, Лабие, думаешь, наши отношения с треверами испортятся окончательно? – спросил Цезарь, сворачивая на *via praetoria*.

– Непременно. Они всегда хотели войны, но до сих пор побаивались меня. Амбиориг сумел это изменить, ведь он прекрасный оратор. В результате Индутиомар быстро набирает сторонников. Я сомневаюсь, что Цингеториг сумеет сохранить свое положение, поскольку эти двое умело обрабатывают танов. А нам с тобой и вовсе нельзя недооценивать Амбиорига и Индутиомара.

– Ты сможешь продержаться здесь зиму?

Сверкнули лошадиные зубы.

– О да. У меня есть идея, как втянуть треверов в битву, которую они не смогут выиграть. Нужно спровоцировать их на неосторожный шаг. Если они дождутся лета, их соберутся тысячи и тысячи. Амбиориг регулярно навещается за Рейн, пытаясь заручиться там помощью германцев. Если ему это удастся, к треверам присоединятся неметы, ибо решат, что набеги германцев им более не страшны.

Цезарь вздохнул:

– Я полагал, что длинноволосые галлы более дальновидны. Боги свидетели, я поначалу был к ним весьма милостив. Думал, если я буду справедлив и заключу с ними законные договоры, то они смирятся и примут власть Рима. Тем более что у них есть пример. Южные галлы в Провинции сопротивлялись сто лет, но посмотри на них теперь. Они живут гораздо счастливее и богаче, чем тогда, когда грызлись между собой.

– Ты говоришь, как Цицерон, – заметил Лабие. – Они слишком тупы, чтобы понять, что для них лучше, а что хуже. И будут воевать с нами, пока хватит сил.

– Боюсь, ты прав. Поэтому с каждым годом я делаюсь все более жестоким.

Они остановились, чтобы пропустить вереницу конюхов, переводящих через улицу лошадей на тренировочную площадку.

– И как же ты собираешься спровоцировать треверов? – спросил Цезарь.

– Мне нужна твоя помощь и помощь ремов.

– Проси – и получишь.

– Я хочу, чтобы все вокруг узнали, что ты собираешь ремов на их границе с белловаками. Скажи Доригу, пусть все выглядит так, словно он срочно посылает в том направлении всех солдат, каких может найти. На самом деле мне нужно, чтобы четыре тысячи ремов тайно собрались в моем лагере. Я буду проводить их ночами – по четыреста человек. Понадобится десять ночей. Но прежде я пушу слух через шпионов Индутиомара, что испуган уходом ремов и сам решил уйти. Не беспокойся, я знаю, кто у нас тут шпионит. – Смуглое лицо его, презрительно скривившееся, стало страшным. – Все местные девки, их тут полным-полно. Но ни одной из них не удастся передать сообщение о прибытии ремов. Ребята их очень плотно займут.

– А когда ремы будут здесь?

– Треверы явятся, чтобы расправиться со мной прежде, чем я уйду. Им понадобится десять дней, чтобы собрать войско, и два дня, чтобы дойти сюда. К этому времени я буду готов. Тогда я открою ворота и дам шести тысячам эдуев и ремов порубить их, как свинину на колбаски. А одиннадцатый будет набивать ими кишки.

Цезарь отбыл в Самаробриву довольным.

– Никто не может тебя победить, – пробормотала Рианнон.

Цезарь лег на бок, подпер рукой голову.

– Тебе это по нраву?

– О да. Ты – отец моего сына.

– Думнориг тоже был весьма могущественным.

Зубы ее блеснули во мраке.

– Никогда!

– Неужели?

Она вытащила из-под себя волосы, что было делом трудным и даже болезненным, и между ними словно пролегла огненная река.

– Ты убил Думнорига из-за меня?

– Нет. Он интриговал против Рима, намереваясь вызвать волнения, пока я буду в Британии, поэтому я приказал ему ехать со мной. А он подумал, что я собираюсь убить его вдали от тех, кто мог бы за него вступить, и убежал. Но я ему доказал, что в случае надобности могу убить его где хочу, и Лабиен с удовольствием выполнил это. Он не любил Думнорига.

– А я не люблю Лабиена, – вздрогнув, сказала она.

– Это неудивительно. Лабиен из тех, кто считает, что хороший галл – это мертвый галл, – сказал Цезарь. – К галльским женщинам он относится так же.

– Почему ты не возразил, когда я сказала, что Оргеториг станет царем гельветов? – строго спросила Рианнон. – У тебя ведь нет другого сына! Когда он родился, я еще не знала, как ты знаменит и влиятелен в Риме. Теперь знаю. – Она села и положила руку ему на плечо. – Цезарь, признай его! Быть царем даже такого сильного племени, как гельветы, завидная судьба, но быть царем Рима – еще более славный удел.

Цезарь отбросил ее руку, глаза его сверкнули.

– Рианнон, в Риме никогда не будет царя! И я не хотел бы, чтобы в Риме был царь! Рим – это республика, которой уже пятьсот лет! А цари пережиток прошлого. Даже вы, галлы, понимаете это. Народ живет легче под властью сограждан, избранных его волей. В этом случае того, кто плохо справляется со своими обязанностями, всегда можно переизбрать. – Он криво улыбнулся. – Выбор возносит лучших и устраняет негодных.

– Но *ты* – лучший! Ты – непобедимый! Ты – Цезарь, ты рожден стать царем! – вскричала она. – Рим под твоей властью расцветет и завоюет все страны! Ты сделаешься повелителем мира!

– Я не хочу быть повелителем мира, – терпеливо ответил он. – Я просто хочу стать Первым Человеком в Риме. Первым среди равных. Если бы я стал царем, у меня не осталось бы соперников, разве это хорошо? Как мне обойтись без Катона и Цицерона, которые не дают мне закоснеть. – Он наклонился и стал целовать ее груди. – Оставь все как есть, Рианнон.

– Разве тебе не хочется, чтобы твой сын был римлянином? – спросила она, уворачиваясь.

– Дело не в желании. Наш сын не римлянин.

– Ты мог бы сделать его римлянином.

– Наш сын не римлянин, Рианнон. Он – галл.

Теперь она наклонилась к нему, целуя его грудь, щекоча волосами его напрягшийся пенис.

– Но я – дочь царя, – пробормотала она. – Любая римлянка не дала бы ему лучшей крови. Цезарь лег на нее.

– Его кровь римская только наполовину, да и этого нельзя доказать. Его зовут Оргеториг, а не Цезарь. И его имя останется Оргеториг. Когда придет время, пошли его к своему народу. Я рад, что мой сын будет царем. Но только не царем Рима.

– А если бы я была великой царицей, такой великой, что даже Рим признал бы меня?

– Даже если бы ты была повелительницей всего мира, этого было бы недостаточно. Ты не римлянка. И не жена мне.

Возражения так и остались невысказанными, ибо Цезарь закрыл ей рот поцелуем. Слишком чувственным, чтобы его прерывать. Она отдалась блаженству, но где-то в уголке сознания сохранила этот разговор, намереваясь как следует все обдумать.

И всю зиму она думала, пока важные римские легаты сновали туда-сюда по их дому, улыбаясь ее сыну и возлежали на пиршественных ложах, ведя бесконечные разговоры об армиях, легионах, запасах, укреплениях...

«Я не понимаю, и он ничего мне не объяснил. Моя кровь намного лучше крови любой римлянки! Я – дочь царя! Я – мать царя! И мой сын должен стать царем Рима, а не гельветов. Загадочные ответы Цезаря не имеют смысла. Неужели он думает, что я что-нибудь пойму без объяснений? Может быть, лучше спросить совета у сведущей женщины? У какой-нибудь римлянки?»

Итак, пока Цезарь готовился к совещанию всех галльских племен в Самаробриве, Рианнон кликнула писаря из эдучев и продиктовала ему послание на латыни одной знатной римской матроне, госпоже Сервилии. Выбор адресата доказывал, что римские сплетни просачиваются всюду.

Пишу тебе, госпожа Сервилия, так как знаю, что ты много лет была близким другом Цезаря и что, когда Цезарь возвратится в Рим, ваша дружба возобновится. Так говорят здесь, в Самаробриве.

У меня сын от Цезаря, ему сейчас три года. В жилах моих течет царская кровь. Я – дочь Оргеторига, царя гельветов. Цезарь забрал меня от моего мужа Думнорига, вождя племени эдучев. Но когда мой сын родился, Цезарь сказал, что он будет воспитываться как галл в Косматой Галлии, и настаивал, чтобы у него было галльское имя. Я назвала его Оргеторигом, но хотела бы, чтобы он звался Цезарем Оргеторигом.

Мы, галлы, считаем необходимым, чтобы у мужчины был хотя бы один сын. По этой причине наши мужчины, особенно знатные, берут себе несколько жен, на случай если какая-то будет бесплодной. К чему мужчине заботиться о своем возвышении, если у него нет наследника? У Цезаря, кроме нашего сына, ни одного наследника нет. Но он почему-то не хочет, чтобы маленький Оргеториг стал его преемником в Риме. Я спросила его почему. Он ответил, что я не римлянка. То есть недостаточно хороша. Даже если бы я была царицей мира, римлянки все равно были бы выше меня. Я ничего в этом не понимаю и очень сержусь.

Госпожа Сервилия, можешь ли ты научить меня понимать Цезаря?

Писец-эдуч унес восковые таблички, чтобы перенести письмо на бумагу. Затем он снял с него копию, которую отдал Авлу Гирцию для предъявления Цезарю. Гирций должен был сообщить командующему о полном успехе Лабиена в битве с треверами.

– Он разбил их, – доложил Гирций с бесстрастным лицом.

Цезарь посмотрел на него подозрительно:

– И?

– И Индутиомар мертв.

– Удивительно! – Цезарь был поражен. – Я полагал, что белги и кельты научились ценить своих вождей и удерживать их от прямого участия в драке.

– Э-э-э... так и было, – промямлил Гирций. – Но Лабиен отдал приказ любой ценой доставить ему Индутиомара. Э-э-э... не целиком, а лишь его голову.

– Юпитер, да этот человек сам варвар! – воскликнул разгневанно Цезарь. – В войне мало правил, но одно неопровержимо: нельзя лишать народ вождей, прибегая к убийству! Вот еще одна вещь, которую я должен буду как-то объяснять сенату! Хотел бы я разделить на множество легатов, чтобы всю их работу выполнять самому! Плохо уже то, что Рим выставял головы

своих граждан на римской ростре. Неужели теперь мы еще будем выставять головы наших противников-дикарей? Ведь он выставил ее, да?

– Да, на стене своего лагеря.

– И солдаты провозгласили его императором?

– Да, на поле боя.

– Значит, он мог взять Индутиомара в плен и держать его для своего триумфального шествия по улицам Рима. Индутиомар все равно умер бы, но сначала стал бы почетным гостем Рима и увидел бы всю его славу. В какой-то степени смерть во время триумфа почетна, но так – это нечестно, подло. Как мне оправдать это в своих донесениях сенату, Гирций?

– Мой совет – не делай этого. Расскажи, как все произошло на самом деле.

– Он мой легат.

– Верно.

– Что происходит с ним, а?

Гирций пожал плечами:

– Он – дикарь, желающий сделаться консулом, как Помпей Магн. Любой ценой, ни на что не оглядываясь. Не считаясь с *mos maiorum*.

– Еще один пиценец?

– Еще один, но полезный.

– Ты прав. – Цезарь уставился в стену. – Он надеется пройти в консулы вместе со мной.

– Да.

– Рим захочет меня, а Лабиена не захочет.

– Да.

Цезарь зашагал из угла в угол:

– Я должен подумать. Ступай.

Гирций прокашлялся:

– Еще один вопрос.

– Да?

– Рианнон.

– Рианнон?

– Она написала Сервилии.

– Не умея писать, она, вероятно, воспользовалась услугами писца.

– А тот вручил мне копию письма. Но я не отдал оригинал курьеру без твоего разрешения.

– Где эта копия?

– Вот.

Гирций отдал бумагу.

Еще одно письмо превратилось в пепел, на этот раз в жаровне.

– Дура!

– Что делать с оригиналом? Отправить?

– Отправь. Но проследи, чтобы я прочел ответ прежде, чем Рианнон.

– Ясное дело.

– Хочу пройтись, – сказал Цезарь, стягивая алый палудамент с Т-образной вешалки.

Накинув его на плечи, Цезарь сам затянул шнурки. Взгляд его снова стал бесстрастным. – Присматривай за Рианнон.

– Есть и хорошая новость, Цезарь.

Командующий грустно улыбнулся:

– Она мне очень нужна. Какая?

– Амбиориг пока не сумел сговориться с германцами. Они боятся нас с тех пор, как ты построил мост через Рейн. Ни уговоры, ни лесть не привели к тому, чтобы хоть один германский отряд пришел в Галлию.

Приближался конец зимы, а за ним и совет вождей всех галльских племен, когда Цезарь повел четыре легиона в земли нервиев, чтобы покончить с этим сильным племенем. Ему сопутствовала удача: все племя собралось в самом большом оппиде, обсуждая вопрос, следует ли отправить посланников в Самаробриву. Нервии были вооружены, но не готовы к сражению, и Цезарь не пощадил никого. Тех, кто выжил, забрали в плен вместе с огромным количеством добычи. В данном случае ни Цезарь, ни его легаты не получили никакой личной прибыли. Все трофеи пошли легионерам, включая выручку от продажи рабов. Затем на землях нервиев все сожгли, не тронули лишь владения Вертикона. Пленных вождей отправили морем в Рим ждать триумфального дня в чести и роскоши – так было велено Гирцию. В день триумфа им свернут шею в Туллианской тюрьме, но до того они в полной мере познают мощь и славу Рима.

Цезарь ежегодно созывал совет галлов с тех пор, как прибыл в Косматую Галлию. Поначалу собрания проходили в Бибракте, столице эдуев. В этом году впервые местом сбора стала Самаробрива, и каждому племени было сделано предложение прислать туда делегатов. Подобные встречи давали Цезарю возможность поговорить с вождями племен. Все эти цари, вожди, старейшины или избранные вергобреты в конце концов должны были понять, что война с Римом может иметь для них лишь один исход.

В этот раз Цезарь надеялся на хорошие результаты. Все, кто воевал с ним за последние пять лет, были разгромлены, какой бы великой ни казалась их сила. Даже потеря тринадцатого легиона обратилась в преимущество. Теперь они будут знать, что их ждет.

И все же с приближением назначенного дня надежды Цезаря угасали. Треверы, сеноны и карнуты не сочли нужным прислать делегатов, а это были самые многочисленные племена. Неметы и трибоки никогда не являлись, но их отсутствие было понятно: они по Рейну граничили со свевами, самыми свирепыми и голодными из германцев. Они были заняты защитой собственных земель и почти не взаимодействовали с другими племенами Косматой Галлии.

Огромный, обвешанный медвежьими и волчьими шкурами зал, встрепелувшись, затих, когда Цезарь поднялся на возвышение в окаймленной пурпуром тоге, ослепительно-белой посреди всего галльского многоцветия. Собравшиеся поражали дикарским великолепием. Все делегаты облачились в цвета своих племен: атребаты, представленные царем Коммием, – в ярко-красный, кадурки в оранжевый и зеленый, ремы в малиновый и синий, дружественные эдуи в алый и темно-сиреневый. Но ни желтых с алым клеток карнутов, ни ультрамариновых с желтым плащей сенонов, ни светло- и темно-зеленых накидок треверов не было среди них.

– Я не намерен останавливаться на судьбе нервиев, – произнес Цезарь высоким звучным голосом, – ибо все вы тут знаете, что с ними произошло. – Он огляделся и кивнул Вертикону. – Здесь сегодня присутствует лишь один здравомыслящий нервий. Зачем бороться с неотвратимостью? Спросите себя, кто ваш реальный враг! Рим? Или все же германцы? Присутствие Рима в Косматой Галлии в конечном счете пойдет вам на пользу. Оно станет порукой тому, что вы сохраните и свой уклад, и свои обычаи. Рим сдержит германцев, не пустит на эту сторону Рейна. В каждом из договоров, что мы с вами заключали, я, Гай Юлий Цезарь, обещал занимать вашу сторону в спорах с германцами! Ибо вы сами не сможете их сдержать. Если не верите мне, спросите секванов. – Он нашел взглядом малиново-розовое пятно и указал на него. – Царь свевов Ариовист убедил их разрешить его людям поселиться на трети их земель. Желая мира, они дали согласие, и что же в итоге? Дайте германцам палец, и они отхватят всю руку, все ваши земли! Кадурки, поскольку граничат с Аквитанией на юго-западе, возможно, считают, что их не постигнет подобная участь. Постигнет, не сомневайтесь! Без Рима у всех вас судьба будет точно такой же!

Делегаты арвернов занимали целый ряд, ибо являлись весьма воинственным и могущественным народом. Вечные враги эдуев, они владели землями Цевеннского хребта вокруг исто-

ков рек Элавер, Карис и Вигемна. Вероятно, поэтому в их нарядах преобладали бледно-лимонные, блекло-голубые и темно-зеленые пятна, неприметные на фоне снега и скал.

Один из них, молодой и гладковыбритый, поднялся со своего места.

– Скажи мне, в чем разница между римлянами и германцами? – спросил он на карнутском наречии, которым пользовался и Цезарь, ибо язык друидов был понятен всем.

– Нет, скажи это сам, – с улыбкой ответил Цезарь.

– Я не вижу никакой разницы. Власть иноземцев – всегда власть иноземцев.

– А между тем отличия очевидны! Взять хотя бы тот факт, что я, римлянин, говорю сейчас с вами на вашем же языке. К моменту моего первого появления в Длинноволосой Галлии я уже знал язык эдуев, арвернов, воконтиев. А с тех пор освоил язык друидов, атребатов и несколько иных наречий. Да, у меня есть способности к языкам, это правда. Но я выучил эти языки не из прихоти, а сознавая, что общение напрямую позволяет людям понять друг друга гораздо лучше, чем с помощью толмачей. Однако я никогда не требовал и не потребую, чтобы вы выучили латынь. А германцы заставят вас говорить на своих языках, так что в конце концов вы забудете свой родной.

– Мягко стелешь, Цезарь, – возразил молодой арверн. – Именно в этом и таится опасность. Вы собираетесь господствовать скрытно. А германцы ничего не скрывают. Поэтому им противостоять проще, чем вам.

– Вероятно, ты впервые присутствуешь на подобном собрании, ибо я не знаю тебя, – спокойно сказал Цезарь. – Назови свое имя.

– Верцингеториг!

Цезарь подошел к самому краю возвышения:

– Во-первых, Верцингеториг, вы, галлы, должны примириться с иноземным присутствием. Окружающий мир стремительно сжимается с тех самых пор, как греки и карфагеняне рассеялись по всему периметру моря, которое мы, римляне, теперь называем Нашим. Но греки никогда не были единой нацией. Греция всегда являла собой скопище маленьких народов, которые, как и вы, постоянно дрались друг с другом, пока наконец не истощили страну. Рим тоже поначалу был городом-государством, но постепенно он подчинил себе всю Италию, сделав ее *единой* нацией. Рим – это Италия. И все же господство великого города отнюдь не господство царя-одиночки. Вся Италия голосует, избирая правителей Рима. Вся Италия живет жизнью Рима. Вся Италия поставляет Риму солдат. Ибо Италия и есть Рим, который растет и растет. И теперь вся Италийская Галлия к югу от реки Пад тоже является его частью и выбирает магистратов. Вскоре этой чести удостоятся галлы, живущие севернее реки Пад, потому что я поклялся добиться этого, ибо верю в единство. Я верю, что в единении сила. И я сделаю Косматую Галлию единой страной. Это будет вам подарком от Рима. Германцы таких дорогих подарков не поднесут никому. Они могут лишь способствовать деградации подчиненных племен. У них нет системы правления, нет системы торговли, нет системы законов, дающих народу возможность свободно работать и жить.

Верцингеториг язвительно засмеялся:

– Вы насилуете, а не управляете! Что вы, что германцы – разницы никакой!

Цезарь мгновенно отреагировал:

– У нас множество отличий. О некоторых я уже говорил. Ты просто не слушаешь меня, Верцингеториг, потому что не хочешь слушать. Ты взываешь к чувствам, а не к разуму. Это привлечет к тебе много сторонников, но ты не сможешь дать им того, в чем они нуждаются, – мудрого совета и обоснованного мнения. Задумайся о сжимающемся мире. Задумайся о том месте, которое в этом мире займет Косматая Галлия, если она свяжет свою судьбу с Римом, с германцами, или продолжит бесконечные внутренние распри. Я не хочу сражаться с вами, но это не значит, что я откажусь от борьбы. После пятилетнего римского присутствия в лице Гая Юлия Цезаря вы должны это знать. Рим объединяет народы. Рим дает гражданство, вносит

улучшения в уклад жизни. Всюду, куда входит Рим, воцаряются мир и изобилие, расширяются торговые связи, местные производители получают возможность продавать свои товары во всем подвластном Риму мире. Например, вы, арверны, лучшие гончары в Косматой Галлии. Став частью Римского мира, вы сможете продавать свои горшки не только в Британии. С римскими легионами, охраняющими ваши границы, вы обретете достаток и уверенность в завтрашнем дне, вам не нужно будет бояться ни набегов, ни грабежей.

– Это пустые слова, Цезарь! Что случилось с атуатуками? С эбуронами? С мориными? С нервиями? Их ограбили! Истребили! Продали в рабство!

Цезарь вздохнул, сделал широкий жест правой рукой, левой он поддерживал складки тоги.

– У всех этих племен был шанс, – возразил он спокойно. – Они нарушили наши договоренности и предпочли им войну. Хотя дешевле было бы подчиниться. Подчинение гарантировало им мир, избавление от набегов германцев, более легкую и плодотворную жизнь. Они бы по-прежнему поклонялись своим богам, владели бы своими землями.

– Под чужой властью, – презрительно выдохнул Верцингеториг.

Цезарь наклонил голову:

– Такова цена, Верцингеториг. Цена того, что я сейчас перечислил. Или легкая рука римлян, или тяжелая германская длань. Иного выбора у вас нет. Независимости больше не будет. Косматая Галлия выходит к Нашему морю. Все вы должны это понять. Возврата нет. Рим уже пришел к вам. Он уже здесь. И останется здесь. Потому что он тоже должен удерживать германцев за Рейном. Около полувека назад они уже подминали под себя вашу Галлию. Семьсот пятьдесят тысяч германцев вторглись к вам, и вы их терпели, пока Рим в лице Гая Мария вас не спас. Он и теперь спасет вас, в лице племянника Мария. Заклинаю вас: не противьтесь. Если вы примете Рим, от вас ничего не убудет. Спросите у любого племени в нашей Провинции – у вольков, воконтиев, гелветов, аллоброгов. Подчинившись Риму, они не сделались меньше галлами. И теперь процветают.

– Ха! – фыркнул Верцингеториг. – Сладкие речи! А на деле они только и ждут, чтобы кто-нибудь избавил их от иноземного ярма.

– Ты сам знаешь, что это не так, – парировал Цезарь. – Ступай к ним, поговори – и сам лишний раз убедишься в моей правоте.

– Если я и приду к ним, то не для расспросов, – сказал Верцингеториг. – Я покажу им боевое копьё. – Он засмеялся и недоверчиво покачал головой. – Как вы надеетесь победить нас? Вас же только жалкая горстка! Рим – это гигантский блеф! Народы, с которыми вы до сих пор сталкивались, покорны, трусливы, глупы. В Косматой Галлии больше воинов, чем во всей Италии и Итальянской Галлии! Четыре миллиона кельтов и два миллиона белгов! Я знаком с результатами вашей последней переписи. Цезарь, вас только три миллиона. Всего!

– Цифры мало о чем говорят, – весело сказал Цезарь, который увлекся этой полемикой. – Рим обладает тремя преимуществами, которых нет ни у кельтов, ни у белгов. Это организованность, техника и стопроцентная эффективность.

– О да, ваша хваленая техника! Ну и что? Помогли вам стены, которыми вы отвели воды океана, захватить хоть одну крепость венетов? Помогли? Нет! Мы тоже овладеваем техникой! Спроси своего легата Квинта Туллия Цицерона. Мы построили осадные башни, мы освоили ваши орудия. Мы не рабы, не глупцы и не трусы. С тех пор как ты пришел в нашу Галлию, мы постоянно учимся у тебя. И будем учиться, пока ты здесь! Но таковы не все ваши военачальники. Рано или поздно ты вернешься в Рим, а к нам пришлют какого-нибудь дурака, вроде Кассия, проигравшего под Бурдигалой, или Маллия и Цепиона, которые потерпели поражение под Аравсионом.

– Или вроде Агенобарба, наголову разбившего арвернов семьдесят пять лет назад.

– Сейчас арверны сильнее, чем были, когда пришел Агенобарб!

– Арверн Верцингеториг, послушай меня, – громовым голосом сказал Цезарь. – Я жду пополнения. Здесь вскоре появятся четыре боевых легиона. Это двадцать четыре тысячи солдат. Через четыре месяца после зачисления на военную службу они уже готовы сражаться. Они все одеты в кольчуги, на их поясах будут отличные кинжалы и мечи, на головах – шлемы, в руках – копья. Они прошли строевую подготовку и на зубок знают распорядок. У них будет артиллерия. Они будут знать, как строить осадные орудия и укрепления. На марше они покрывают минимум по тридцать миль и могут шагать целыми днями. Ими командуют опытные центурионы. Они придут сюда, желая ненавидеть врага, и, если вы толкнете их к этому, они вас возненавидят. У меня будут пятый, шестой, седьмой, восьмой, девятый, десятый, одиннадцатый, двенадцатый, тринадцатый, четырнадцатый и пятнадцатый легионы. Все в полном составе. Пятьдесят четыре тысячи пехотинцев! И добавьте к ним еще четыре тысячи всадников из эдуев и ремов!

Верцингеториг возликовал:

– А ты глупец, Цезарь! Ты только что рассказал нам, какая армия у тебя под рукой!

– Действительно, рассказал. Но не по глупости, а чтобы предостеречь вас. Будьте благоразумны. Вы не сумеете победить. Зачем же пытаться? Зачем губить цвет вашего народа в безнадежном предприятии? Зачем оставлять ваших жен без мужей, а земли без пахарей? Кончится тем, что я поселю там своих ветеранов, а ваши женщины будут рожать от них преданных Риму детей!

Вдруг железное самообладание изменило Цезарю. Он выпрямился и чуть наклонился, нависая над всеми. Верцингеториг инстинктивно отступил.

– Этот год будет сокрушительным, если вы вынудите меня! – загремел Цезарь. – Выступите против меня на поле боя – и вы мертвы! *Меня нельзя победить! Рим нельзя победить!* Наша мощь и умение столь велики, что я смогу восполнить любые потери и, если пожелаю, в мгновение ока удвою количество своих войск. Предупреждаю, будьте осторожны! Я посвятил вас во все это не ради сегодняшнего дня, но ради будущего! Римская организованность, римская техника и римские возможности – залог вашего поражения. И не надейтесь, что вместо Цезаря Рим пришлет в Косматую Галлию какого-нибудь менее компетентного правителя! Ибо к тому моменту вы будете уничтожены! Цезарь сотрет вас в порошок!

Он быстро сошел с возвышения и покинул зал, оставив в ошеломлении как галлов, так и своих легатов.

– Ну и темперамент! – буркнул Требоний.

– С ними нужно говорить прямо, – сказал Гирций.

– Теперь моя очередь. – Требоний встал. – Как после этого мне с ними общаться?

– Дипломатично, – ухмыльнулся Квинт Цицерон.

– Не важно, что там будет лепетать Требоний, – сказал Секст. – Цезарь внушил им страх.

– Но этот Верцингеториг рвется в бой, – заметил Сульпиций Руф.

– Он молод, – возразил Гирций. – И непопулярен среди своих. Арверны сидели, скрипя зубами. И похоже, были готовы его пришибить. Его, а не Цезаря, заметьте.

Пока шло собрание, Рианнон сидела в каменном доме Цезаря с писцом-эдуем.

– Прочти письмо, – велела она.

Он сломал печать (уже один раз сломанную; письмо запечатали повторно при помощи кольца Квинта Цицерона, поскольку Рианнон знать не знала, как выглядит печать Сервилии), развернул небольшой свиток и принялся сосредоточенно его изучать.

– Читай! – прикрикнула Рианнон, нетерпеливо ерзя.

– Прочту, когда разберу, – был ответ.

– А Цезарь читает не разбирая.

Писец поднял голову и вздохнул:

– Цезарь есть Цезарь. Кроме него, никто не читает с листа. И потому чем больше ты говоришь, тем дольше я буду молчать.

Рианнон утихла, теребя золотые нити, вплетенные в ее длинное темно-малиновое платье. Наконец секретарь поднял глаза.

– Я готов, – сказал он.

– Тогда начинай!

Ну что ж, не могу сказать, что ожидала когда-нибудь получить письмо, написанное на странной латыни галльской любовницей Цезаря, но это забавно, должна признать. Значит, у тебя сын от Цезаря. Поразительно. А у меня дочь от него. Как и твой сын, она не носит его имя. Это потому, что я была в то время замужем за Марком Юнием Силаном. Кстати, его дальний родственник, тоже Марк Юний Силан, служит сейчас у твоего покровителя. Он легат. А дочь мою зовут Юния, и, поскольку она третья Юния, я называю ее Тертуллой.

Ты говоришь, что ты – дочь царя. Я знаю, у варваров есть царевны. Ты считаешь, что это что-то значит, но ошибаешься. Для римлянина имеет значение только римская кровь. Самый жалкий воришка в трущобах лучше тебя, потому что в нем течет римская кровь. Никакой ребенок, чья мать не римлянка, не может надеяться встать вровень с Цезарем, ибо Цезарь – самый родовитый из римлян. Его кровь чиста. Его предки были царями, и в других обстоятельствах он мог бы быть римским царем. Но Рим не приемлет царей. И Цезарь никогда не допустит, чтобы Рим имел царя. Римляне ни перед кем не встанут на колени.

Мне нечему тебя научить, дикарская царевна. Но, пожалуй, ты должна знать, что римлянину вовсе не обязательно иметь кровного отпрыска, который наследовал бы его положение и имя, ибо он всегда может кого-нибудь усыновить. Римляне со всей серьезностью относятся к этой традиции, и каждый, кто выбирает наследника, тщательно проверяет чистоту крови того, кому суждено будет принять его имя. Кстати, мой сын был тоже усыновлен. Его, правда, и теперь зовут Марк Юний Брут, но по завещанию моего брата, умершего без наследника, он стал также Квинтом Сервилием Цепионом, законным представителем знатного рода, к которому принадлежу и я. Но он из гордости предпочел вернуть себе имя Юниев, ибо предок его, Луций Юний Брут, свергнул последнего царя Рима и провозгласил Римскую республику.

Если у Цезаря не будет сына, он усыновит кого-то из Юлиев, с безупречными римскими предками. Так делается в Риме. Зная это, Цезарь пребывает в уверенности, что, если у него не будет собственного сына, он все уладит в своем завещании.

Не трудись отвечать. Мне не нравится, что ты считаешь себя женищиной Цезаря. Ты не женищина Цезаря. Ты для него не больше и не меньше, чем простое удобство.

Писарь умолк, и свиток в руках его снова свернулся.

– Нам, варварам, опять указали наше место, – сердито проворчал он.

Рианнон схватила письмо и порвала его в клочья.

– Уйди! – прорычала она.

Хлынули слезы. Она пошла провести Оргеторига, который был с нянькой из ее личных слуг. Сын возил на веревочке фигурку троянского коня, подаренную Цезарем. В боку коня имелаась дверца, за которой прятались греки – пятьдесят искусно вырезанных и раскрашенных деревянных фигурок. У каждой имелось имя. Рыжий Менелай, Одиссей, тоже рыжий и коротконогий, и красавец Неоптолем, сын убитого Ахилла, и даже погибший Эхион, у которого голова болталась на сломанной шее. Цезарь пытался рассказывать сыну легенду и называть имена, но на малыша история времен Гомера впечатления не произвела. А игрушка понравилась: она двигалась, в ней сидели маленькие человечки, их можно было вынимать из деревянного брюха и опять прятать туда. Она восхищала всех, кто видел ее.

– Мама! – радостно воскликнул ребенок, выпустив веревочку и протягивая к матери ручки.

Слезы высохли. Рианнон села в кресло и посадила Оргеторига к себе на колено.

– Тебе и дела нет, – сказала она, прижимаясь щекой к блестящим кудряшкам. – Ты не римлянин, ты – галл. Но ты будешь царем гельветов! И ты все равно сын Цезаря! – Зубы ее вдруг оскалились, из горла вырвался хрип. – Я ненавижу тебя, Сервилия, хотя ты римлянка и знатная госпожа! Цезарь никогда больше не вернется к тебе! Сегодня я пойду в башню черепов к жрице и куплю заклятие на долгую жизнь в страданиях!

Наутро пришло известие от Лабиена. Амбиориг наконец добился некоторого успеха у севов, живущих по ту сторону Рейна. Треверы, далеко еще не покоренные, опять подняли голову.

– Гирций, я хочу, чтобы ты и Трог продолжили совет, – сказал Цезарь, протягивая шка-тулку с перевязью, символом его империя, Трасиллу, который упаковывал его снаряжение. – Мои четыре легиона дошли до эдуев, и я послал гонца с приказом идти к сенонам. Этих задир следует припугнуть. Я иду туда же с двенадцатым и десятым.

– А что будет с Самаробригой?

– Требоний с восьмым останется в ней. Но совет, пожалуй, разумнее куда-нибудь перенести, чтобы не искушать наших друзей карнутов. Переведи делегатов в Лютецию, к паризиям. Эта крепость на острове, ее легко защитить. Продолжай убеждать галлов в выгоды дружбы с нами. И возьми с собой пятый легион для охраны. С Силаном и Антистием.

– Будет большая война?

– Надеюсь, пока нет. Нам нужно время, чтобы вывести из новых легионов несколько неопытных когорт и ввести туда моих ветеранов. – Он усмехнулся. – Как сказал Верцингеториг, я начинаю блефовать по-крупному. Хотя сомневаюсь, что длинноволосые об этом догадаются.

Время поджимало, а ему еще надо было проститься с Рианнон. Он нашел ее в гостиной, и не одну, а с Верцингеторигом, о котором только что вспоминал. О богиня Фортуна, ты, как всегда, благосклонна ко мне!

Незамеченный, он постоял на пороге, пользуясь возможностью как следует рассмотреть своего недавнего оппонента. О его высоком положении свидетельствовали многочисленные золотые торки и браслеты, размер сапфира в застежке плаща, а также пояс и перевязь, усыпанная камнями помельче. Цезаря удивило, что арверн гладковыбрит, ибо кельты обычно не брились. Почти белые, смоченные известью волосы были уложены на манер львиной гривы и обрамляли костистое, мертвенно-бледное лицо. Черные брови, ресницы – да, он не походил на других! Худосочен – значит, живет на нервах. Атавизм. И очень опасный.

Лицо Рианнон просияло, но тут же померкло, когда она увидела кожаную кирасу.

– Цезарь, куда ты собрался?

– Встретить мои новые легионы, – ответил он, протягивая гостью руку.

Тот поднялся, продемонстрировав свой немалый рост, впрочем обычный для кельта. В синих глазах мелькнула опаска.

– Ну-ну! – добродушно воскликнул Цезарь. – Ты не умрешь, если дотронешься до меня!

Верцингеториг в ответ протянул длинную тонкую ладонь. Они обменялись рукопожатиями, крепкими, но короткими. Ни один из них не стал демонстрировать силу.

Цезарь вопросительно взглянул на Рианнон:

– Вы знакомы?

– Верцингеториг – мой двоюродный брат, – сдерживая дыхание, пояснила она. – Наши матери – сестры. Из племени арвернов. Разве я тебе не говорила? Я хотела сказать. Их обеих взяли в жены цари. Мою мать – Оргеториг, а его – царь Кельтилл.

– Понятно, – вежливо кивнул Цезарь. – Я бы сказал, Кельтилл пытался стать царем, но у него это не получилось. Именно потому его и убили, не так ли, Верцингеториг?

– Да, Цезарь, убили. Ты хорошо говоришь на моем языке.

– Моя нянька Кардикса была из арвернов. А мой наставник Марк Антоний Гнифон был наполовину саллувий. А в инсуле, принадлежащей моей матери, наверху проживали эдуи. Можно сказать, я рос под звуки галльских наречий.

– Значит, первые два года ты нас дурачил. Говорил через переводчика.

– Будь справедлив! Я не знаю германских языков, а ведь большую часть моего первого года здесь я пытался договориться с Ариовистом. И потом, я не очень хорошо понимал секванов. Потребовалось время, чтобы освоить языки белгов, хотя язык друидов мне дался легко.

– Ты не таков, каким кажешься, – сказал Верцингеториг, снова усаживаясь.

– А разве все люди такие, какими кажутся? – спросил Цезарь.

Он тоже решил сесть. Несколько минут беседы с этим строптивцем могли быть полезны.

– Возможно, и нет, Цезарь. Что ты думаешь обо мне?

– Молод, горяч, отважен, умен. Только тебе недостает проницательности. Неразумно было ставить в неловкое положение своих старейшин на таком важном собрании.

– Кто-то должен был высказать главное! Иначе все сидели бы и молчали, как ученики в школе друидов. Я многих задел за живое, – удовлетворенно сказал Верцингеториг.

Цезарь медленно покачал головой:

– Да, действительно. Но это не мудро. Я, например, хотел предотвратить кровопролитие. Мне не доставляет удовольствия проливать океаны крови. Подумай, за что ты ратуешь, Верцингеториг. Рим все равно победит, можешь не сомневаться. Так стоит ли вставать на дыбы? Ты же человек, а не лошадь! Ты способен собрать сторонников и повести их за собой. Так делай это разумно! Не заставляй меня принимать меры, которых я не хочу принимать.

– Ты предлагаешь мне вести мой народ к вечному рабству?

– Нет, я предлагаю тебе вести его к миру и процветанию.

Верцингеториг подался вперед, глаза его сверкнули, словно сапфир на застежке.

– И я поведу его, Цезарь! Но не к рабству. К свободе. К прежней жизни, к героям, к царям. И плевать нам на Ваше море! Верным в твоих вчерашних словах было только одно: мы, галлы, должны стать единым народом. Я могу этого добиться. И я добьюсь! Мы переживем тебя, Цезарь! Мы выгоним тебя и всех, кто попытается сунуться сюда после тебя. Я говорил правду, когда сказал, что Рим пришлет дурака вместо тебя. Народное правление ведет к одному и тому же: они предлагают безмозглым идиотам выбор кандидатов, а потом удивляются, почему выбрали одних дураков. Народу нужен царь, а не люди, которые каждый раз меняются по чьему-то желанию. То одна группа выгадывает, то другая, но весь народ – никогда. Царь – вот единственный ответ.

– Цари для нас ушли в прошлое.

Верцингеториг вдруг засмеялся:

– И это мне говорит римский царь! Ты ведь царь, Цезарь! Это видно по тому, как ты ходишь, как говоришь, как смотришь, как относишься к людям. Ты – Александр Великий, ненароком поставленный дурнями над собой. После тебя все обратится в прах.

– Нет, – возразил Цезарь, позволив себе улыбнуться. – Я вовсе не Александр. Я лишь эпизод римской истории. Возможно, весьма славный, надеюсь даже, что потомки сочтут этот эпизод самым славным. Но только эпизод. Когда Александр Великий умер, Македония пала. Его страна перестала существовать вместе с ним. И не только страна. Он отрекся от своих греческих корней и создал империю, потому что мыслил как царь. Он делал что хотел и шел куда хотел. *Он мыслил как царь, Верцингеториг!* Он составлял славу созданного им государства. Но чтобы эта слава не померкла, ему надо было жить вечно. А я – слуга Рима, и только. И когда я умру, Рим породит мне замену. Я сделаю Рим богаче, сильнее, могущественнее, но тот, кто

придет за мной, использует и увеличит мои достижения. Почему? Потому что у нас на каждого дурака приходится по умному человеку. Это замечательная статистика. Гораздо лучше, чем в царских династиях. Там на одного достойного правителя приходится дюжина полных ничтожеств.

Верцингеториг ничего не сказал. Он откинулся на спинку кресла и закрыл глаза.

– Ты не убедил меня, – наконец проговорил он.

Цезарь встал:

– Тогда будем надеяться, Верцингеториг, что нам никогда не придется выяснять, кто прав, на поле боя. Ибо если мы встретимся там, от тебя ничего не останется. – Голос его неожиданно потеплел. – Будь со мной, а не против меня! Мы поладим.

– Нет, – ответил Верцингеториг, не открывая глаз.

Цезарь покинул гостиную и пошел к Авлу Гирцию.

– Рианнон подбрасывает мне сюрприз за сюрпризом. Молодой Верцингеториг, оказывается, ее двоюродный брат. В этом отношении галльская знать походит на римскую: все тут друг другу родня. Присматривай за ней, Гирций.

– Значит ли это, что она тоже должна поехать в Лютецию?

– Конечно. Ей ведь приятно видаться с братом. Не препятствуй их встречам.

Маленькое некрасивое лицо Гирция сморщилось, карие глаза приняли умоляющее выражение.

– По правде говоря, Цезарь, я не думаю, что она способна тебя предать, кто бы ни были ее родственники. Она души в тебе не чаает.

– Я знаю. Но она женщина. Она много болтает, делает глупости у меня за спиной. Пишет Сервилию. Глупее поступка нельзя и придумать! Пока меня нет, не говори ей ничего лишнего, Гирций!

Как и все посвященные в это дело, Гирций умирал от желания знать, что ответила рыжеволосой Сервилией, но Цезарь сам вскрыл письмо, а потом запечатал печаткой Квинта Цицерона, чтобы никто больше не прочел.

Завидев Цезаря с шестью легионами, сеноны сдались без боя. Они прислали заложников, повинились и немедленно отправили делегатов в Лютецию, где галлы под не слишком бдительным надзором Авла Гирция ссорились, дрались, пили и веселились. Кроме того, эти несостоявшиеся мятежники послали отчаянное предостережение карнутах, ужасно напуганные грозным видом новых когорт – в блестящих доспехах и с новейшей артиллерией. Эдуи просили Цезаря за сенонов, ремы – за карнутов.

– Ладно, – сказал он Котию, вождю эдуев, и Доригу, вождю ремов. – Я буду к ним снисходителен. Тем более что мечи еще не были обнажены. Я очень хотел бы поверить, что они говорят то, что думают. Но я им не верю.

– Цезарь, им нужно время, – не сдавался Дориг. – Они как дети, которым раньше все дозволялось и от которых вдруг стали требовать послушания.

– Ничего себе дети, – кивнул Цезарь с усмешкой.

– Это образное выражение, – с достоинством отозвался Дориг.

– Сейчас нам не до образных выражений. Однако я тебя понял. Но кем бы мы их ни считали, друзья мои, будущее благополучие этих племен зависит от того, будут ли они соблюдать подписанные договоры. Это особенно относится к сенонам и карнутах. Треверы безнадежны. Их надо подчинять силой. Но кельты из центральной части Косматой Галлии достаточно умны,

чтобы понимать значение договоров и обязанности, которые они накладывают. Мне не хотелось бы казнить людей, таких как Аккон у сенонов или Гутруат у карнутов, – но, если они предадут меня, я это сделаю. Не сомневайтесь, я это сделаю!

– Они не предадут тебя, Цезарь, – заверил эдуйский царь Котий. – Как ты сказал, они кельты, а не белги.

Цезарь вскинул руку, чтобы раздраженно взъерошить волосы, но передумал и лишь провел пальцами по щеке. Обладателям редких волос не стоит попусту тревожить прическу. Он вздохнул, сел и вновь глянул на галлов:

– Вы думаете, я не знаю, что всякое возмездие воспринимается как тяжелая пята Рима, попирающая права галлов? Я выбиваюсь из сил, стараясь заключить с ними мир, а в ответ меня обманывают, предают, презирают. Сравнение с детьми в данном случае неуместно, Дориг. – Он глубоко вздохнул. – Предупреждаю вас обоих, потому что вы решились просить за другие племена. Если эти новые соглашения не будут соблюдены, они пожалеют. Это измена – нарушать торжественные обещания, скрепленные клятвой! И если римские граждане будут убиты, я казню виновных, как Рим казнит всех предателей-неграждан и убийц, – я подвергну их бичеванию и обезглавлю. Речь идет не о простых людях. Я казню вождей племен, будь это предательство или убийство. Ясно?

Слова его звучали вполне спокойно, но в комнате вдруг повеяло холодом. Котий и Дориг переглянулись.

– Да, Цезарь.

– Тогда уведомите всех о моих намерениях. Особенно сенонов и карнутов.

Он встал и с улыбкой сказал:

– А теперь я могу сосредоточить все мысли и силы на войне с Амбиоригом.

Еще не покинув ставки, Цезарь уже знал, что Аккон, вождь сенонов, нарушил договор, подписанный всего несколько дней назад. Что же поделаться с подлостью галльской знати? Вождь, через заступников умолявший о милосердии, тут же переступил через собственные обещания, словно они ничего для него не значили. Имеют ли галлы представление о достоинстве, чести? И если имеют, каково же оно? Зачем эдуи вступились за Аккона, хотя Котий *должен* был знать, что он нечестный человек? А вождь карнутов Гутруат? Он тоже таков?

Но первое – белги. Цезарь с семью легионами и обозом вошел в Неметоценну, главное укрепление атребатов. Оттуда он послал обоз и два легиона на Мозу – поддержать Лабиена, а сам с Коммием и остальными пятью легионами пошел вдоль реки Скальд на север, в земли менапиев, которые решили не сражаться и попрятались среди соленых болот на побережье Германского океана. Ответные действия внушали страх. На местах поселений остались целые просеки вырубленных священных дубов и пепелища. Посевы вытоптали, крупный скот и более мелкую живность закололи, курам, гусям и уткам свернули шею. Легионы наелись досыта, менапиям ничего не осталось.

Они попросили мира, прислали заложников. В ответ Цезарь оставил в их владениях Коммия с кавалерией атребатов, якобы для поддержания порядка, но на деле это значило, что земли менапиев были подарены Коммию, чтобы он присоединил их к своим владениям.

У Лабиена были свои трудности, но ко времени прибытия Цезаря с пятью легионами он сразился с треверами и разгромил их.

– Два твоих легиона пришлось очень кстати, без них я бы имел бледный вид, – сказал он, хорошо зная, что это признание не умалит его заслуг в глазах Цезаря. – Амбиориг уже готов был напасть, когда они появились. Поэтому он отступил и стал ждать германцев, которые собирались перейти Рейн.

– И они перешли?

– Если и перешли, то поджали хвосты и убрались восвояси. Я, естественно, не собирался их дожидаться.

– Естественно, – повторил Цезарь, чуть улыбнувшись.

– Я опять поймал тревиров. На ту же удочку, ты не поверишь. Я пустил слух, что испугался и ухожу, – он в недоумении покачал головой, – хотя на этот раз я действительно ушел. Они обрушились на мою колонну своими недисциплинированными ордами, и тогда мои люди развернулись и стали метать в них копья. Мы убили тысячи нападавших. Так много, что я сомневаюсь, чтобы они еще когда-нибудь причинили нам беспокойство. Оставшиеся в живых тревиров будут заняты на севере, отражая германцев.

– А что же Амбиориг?

– Перемахнул через Рейн с какими-то родичами Индутиомара. Цингеториг опять стал здесь вождем.

Цезарь задумчиво хмыкнул:

– Что ж, Лабиен. Пока тревиров зализывают раны, хорошо бы построить еще один мост через Рейн. Ты не против наведаться в земли германцев?

– После нескончаемых месяцев сидения в зловонном лагере, Цезарь, я буду рад отправиться даже в Гадес!

– Твой лагерь и вправду зловонный, Тит, в этом ты прав. На твоей территории так много дерьма, что в течение десяти лет там можно будет собирать четырехсоткратные урожаи пшеницы. Но радоваться этому изобилию будут отныне не тревиров, а Дориг.

Всегда с удовольствием бравшийся за выполнение титанических инженерных задач, Цезарь построил мост через Рейн немного выше по течению от того места, где он строил мост два года назад. Бревна все еще лежали на галльском берегу реки. Поскольку это был дуб, они только крепчали, а не гнили.

Если первый мост был большим, то второй обещал стать огромным, ибо Цезарь не намеревался разбирать его полностью после визита к германцам. В течение восьми дней легионеры неустанно трудились, вколачивая в вязкое дно Рейна сваи, устанавливая опоры для настила, защищая их от напора стремительного течения длинными, поставленными под наклоном волнорезами.

– Есть ли на свете что-то, чего он не может? – спросил Квинт Цицерон у Гая Требония.

– Если и есть, то мне это не известно. Он, если захочет, уведет у тебя и жену. Но инженерное дело Цезарю больше по душе. Одно из его величайших разочарований: что галлы еще не дали ему шанса превратить осаду Нуманции в веселую ночь в борделе. Если хочешь разговорить его, оброни слово о тактике Сципиона Эмилиана под Карфагеном. Он перечислит тебе все его промахи.

– И все это идет ему впрок, – усмехнулся Фабий.

– Думаете, он польстится на мою Помпонию, если ее как следует нарядить? – мечтательно спросил Квинт Цицерон.

Требоний и Фабий расхохотались.

Марк Юний Силан кисло посмотрел на них:

– А по-моему, все это напрасная трата времени. На тот берег можно переплыть и на лодках. Мост ничего не решает, он только для помпы.

Опытные вояки презрительно покосились на Силана, которого недолюбливали.

– Да-а, переплыть туда можно, – медленно проговорил Требоний. – А как тогда отступить? Что будет, если все эти свевы и убии – кстати, их миллионы – хлынут на нас из леса? Цезарь никогда не рискует по-глупому, Силан. Заруби это себе на носу. Видишь, как расставлены наши орудия? В случае успешного отступления они вмиг разнесут этот мост на куски,

чтобы ни один германец не прорвался за нами. Одно из правил Цезаря – скорость. Другое – готовность к всякого рода случайностям.

Лабием понюхал воздух. Ноздри его орлиного носа раздулись.

– Я чую этих *sinni*! – объявил он. – О, нет ничего лучше, чем заставить германца пожелать, чтобы его сожгли в плетеной клетке!

Прежде чем кто-либо нашелся с ответом, подошел Цезарь, довольно улыбаясь.

– Стройте когорты, ребята! – сказал он. – Время загнать свевов в их леса.

– Что значит «загнать»? – недовольно спросил Лабием.

Цезарь засмеялся:

– Если мне не изменяет чутье, Тит, так все и выйдет.

Легионы – по восемь солдат в шеренге – потекли через мост. Грохот шагов усиливался вибрацией досок и многократным эхом, отлетающим от воды. Этот грохот разносился вокруг на многие мили. На германской земле римлян уже ожидали военачальники убиев. Одни, без охраны и войск.

– Это не мы! – крикнул их вождь, которого звали Герман. – Цезарь, клянемся! Это свевы послали людей на помощь треверам, мы этого не делали! Ни один воин убиев не пересек реку.

– Успокойся, Арминий, – сказал ему Цезарь через толмача, назвав встревоженного вождя на латинский манер. – Если это так, вам нечего бояться.

С вождями убиев стоял один аристократ, чья черная одежда говорила о том, что он принадлежит к херускам, могущественному племени, жившему между сигамбрами и рекой Альбис. Цезарь с изумлением смотрел на него. Белая кожа, золотисто-рыжие кудри и незабываемый взгляд Луция Корнелия Суллы. По слухам, тот шпионил для Гая Мария среди германцев. Он и Квинт Серторий. Сколько лет этому человеку? У германцев трудно определить возраст. Лицо спокойное, кожа моложавая. Но ему могло быть лет шестьдесят. Да, вполне возможно.

– Как тебя зовут? – спросил он через переводчика.

– Корнель, – ответил херуск.

– У тебя есть брат-близнец?

Светлые глаза расширились, в них вспыхнуло уважение.

– Да. Но мой брат погиб во время войны со свевами.

– А кто твой отец?

– Великий вождь, мать говорила, что он из кельтов.

– Как его звали?

– Корнель.

– А теперь ты – вождь херусков?

– Да.

– Ты намерен воевать против Рима?

– Нет, никогда.

Цезарь улыбнулся и повернулся к Герману.

– Успокойся, Арминий! – повторил он. – Я верю тебе. Возвращайся в свои крепости, охраняй свои запасы и ничего не предпринимай. Я не хочу войны, мне нужен Амбиориг.

– Мы это знаем. Новость разлетелась по реке, пока строился мост. Но, Цезарь, Амбиорига здесь уже нет. Он ушел к своим, к эбуронам. Так утверждают все свевы.

– Предусмотрительно с его стороны, но я сам проверю, – сказал Цезарь, улыбаясь. – Однако, Арминий, пока ты здесь, у меня к тебе предложение. Говорят, что убии – лучшие в Германии конники, да и белгов намного превосходят. Или меня ввели в заблуждение?

– Нет, не ввели. Это правда.

– Но вам ведь трудно добывать хороших лошадок, не так ли?

– Это так, Цезарь. Некоторых мы покупаем в Херсонесе Кимврийском, где кимвры разводят огромных коней. Мы совершаем набеги во владения белгов не для того, чтобы захватить землю. Нам нужны итальянские и испанские лошади.

– Тогда, – дружелюбно сказал Цезарь, – я могу оказать тебе помощь.

– Мне?

– Да. Зимой пришли мне четыре сотни своих лучших всадников в римскую Галлию, в город Виенна. Не трудись посадить всех в седло. Там их будут ожидать восьмьсот лучших лошадей ремов; если они прибудут в Виенну заранее, им хватит времени обучить животных. Я также пошлю тебе в подарок тысячу коней. Среди них будут хорошие племенные жеребцы. Я выкуплю их у ремов. Согласен?

– Да! Да!

– Отлично! Мы еще об этом поговорим.

Цезарь повернулся к Корнелю. Который вместе с Гнеем Помпеем Трогом, начальником над толмачами Цезаря, и остальными вождями стоял поодаль, чтобы не слышать их разговора.

– Еще одно, Корнель, – сказал он. – У тебя есть сыновья?

– Двадцать три от одиннадцати жен.

– И у них тоже есть сыновья?

– Да. У тех, кто уже вырос.

– О, Сулле бы это понравилось! – засмеялся Цезарь. – А что у тебя с дочерьми?

– Их шесть. Рождалось больше, но я оставил только самых красивых. Сейчас я здесь, потому что выдаю одну из них замуж. За старшего сына Германа.

– Ты прав, – кивнул Цезарь. – Шесть дочерей – вполне достаточно для выгодных браков. Это весьма дальновидно! – Он стал серьезным. – Корнель, дожись меня здесь. На обратном пути в Косматую Галлию я намерен заключить с убиями договор о мире и дружбе. Один великий римлянин, уже, правда, умерший, был бы весьма доволен, если бы такой договор согласились подписать и херуски.

– Но у нас уже есть такой договор, – сказал Корнель.

– Да? И когда же его заключили?

– Примерно в то время, когда я появился на свет. Он хранится у меня.

– Вот как? Значит, я кое-что упустил. Скорее всего, он прибит к стене в храме Юпитера Несущего Победу, именно туда поместил его Сулла. Если его не уничтожил пожар.

Германский сын Суллы озадаченно заморгал, но Цезарь не стал ничего ему объяснять. Вместо этого он огляделся с нарочитым недоумением.

– Но я не вижу соседей херусков – сигамбров! Где они?

Ответ дал Герман:

– Когда ты вернешься, они будут здесь.

Свевы отступили к Бакенскому лесу – необозримые заросли буков, дубов, берез, – который в конце концов переходил в бескрайний Герцинский лес, простиравшийся на тысячу миль, доходя до Дакии и истоков известных всем рек, впадавших в Эвксинское море. Говорили, что человеку и за два месяца не дойти даже до середины этого леса.

Где дубы и желуди, там всегда свиньи. В непроходимых чащобах водились огромные, клыкастые и свирепые кабаны. Волки шныряли везде, охотились стаями и ничего не боялись. В галльских лесах, особенно в Арденнском, тоже встречались вепри и волки, но дремучие леса Германии не шли с ними в сравнение и давали пищу несчетному числу легенд. Там жили удивительные и ужасные существа! Огромные лоси, на ночь цеплявшие рогами за ветви деревьев, чтобы их тяжесть не мешала им спать, слоноподобные зубры и колоссальных размеров медведи с когтями в палец взрослого человека и клыками, превосходящими клыки льва. Подле этих зверей, вставших на задние лапы, самые рослые люди казались пигмеями, но германцы

охотились на лесных великанов в основном из-за шкур: в холодные ночи они грели лучше самого теплого одеяла и потому всегда были в цене.

Неудивительно, что солдаты с трепетом смотрели на чащобу Бакенского леса, и каждый из них мысленно обещал принести щедрые дары Индигету, богу солнца, и Теллус, богине земли, если те внушат Цезарю мысль, что углубляться туда не надо. Конечно, они всюду готовы следовать за своим полководцем, но преодолевая сильный страх.

– Поскольку германцы не друиды, – объявил Цезарь легатам, – нет смысла валить их деревья. Мы показали им свои когти и кончим на том. Я возвращаюсь в Косматую Галлию.

Однако новый мост за собой он полностью не разрушил. Велел разобрать лишь двести футов настила с германского края, а в непосредственной близости от уцелевшей части возвел хорошо укрепленный лагерь с одной смотровой башней, достаточно высокой, чтобы обозревать германскую территорию на несколько миль, и оставил там пятый легион «Жаворонок» под командованием Гая Волькация Тулла.

Был конец календарного сентября, который пришелся на середину лета. Белгов поставили на колени, но требовалась еще одна кампания, чтобы навсегда подавить всякое сопротивление, и Цезарь пошел на запад – в земли эбурунов, уже изрядно опустошенные им. Если Амбиориг там, его возьмут в плен. Эбуроны были его народом, но царь не может править, если его народа больше не существует. Поэтому эбуроны исчезнут из списка друидов. Царь атреба-тов Коммий был очень рад этому. Его земли быстро увеличивались, и у него имелись люди, чтобы их заселить. Титул великого царя белгов стал еще ближе.

А вот Квинту Цицерону этот марш радости не принес. Цезарь, ценя его командирские качества, отдал ему пятнадцатый легион, единственный целиком состоявший из новобранцев, которые еще не бывали в бою. Слухи об истреблении эбурунов дошли до сигамбров по ту сторону Рейна и подсказали им мысль оказать Цезарю неофициальное содействие. Они переплыли на лодках в Галлию Белгику и внесли свою лепту в несчастья белгов. К сожалению, вид неорганизованной, недисциплинированной римской колонны ввел их в соблазн. С радостными воплями сигамбры напали на римлян. Солдат охватила такая паника, что Квинту Цицерону и его офицерам не удалось с ней совладать.

Две когорты в сумятице были уничтожены, но тут прибыл Цезарь с десятым легионом. Сигамбры быстро ретировались, однако порядок в рассыпавшейся колонне наводили весь день.

– Я подвел тебя, – сказал Квинт Цицерон со слезами.

– Вовсе нет. Твои парни еще не бывали в бою, у них сдали нервы. Да и германские леса навели на них страху. Такие вещи случаются, Квинт. Если бы с ними был я, сомневаюсь, что вышло бы по-другому. Виновата плохая выучка, а не ты.

– Ты одним своим видом привел бы их в чувство, – убитым голосом произнес Квинт Цицерон.

Цезарь приобнял его за плечи, слегка встряхнул.

– Может быть, да, – сказал он, – а может, и нет. В любом случае это не важно. Возьми под начало десятый. А я разберусь с пятнадцатым. Отведу его осенью в Италийскую Галлию и буду без устали муштровать. Вот увидишь, они станут действовать четко и слаженно, как марионетки. Включая нерадивых центурионов.

– Значит ли это, что я должен паковать сундуки, как Силан? – спросил Квинт Цицерон.

– Не говори глупостей, Квинт! Ты будешь со мной, пока сам не захочешь уйти. – Цезарь чуть прижал к себе удрученного и расстроенного легата. – Видишь ли, Квинт, с некоторых пор ты стал значить для меня гораздо больше, чем твой прославленный брат. Он хорош на Форуме, но на поле боя совершенно беспомощен. Каждому свое, разумеется. Но знай, что ты – тот Цицерон, которого я всегда предпочту любому другому.

Эти слова Квинт Цицерон запомнит на всю жизнь. В будущем эти слова причинят ему много боли, сделают его желчным, станут причиной раскола в семье Туллия Цицерона. Ибо Квинт никогда не сможет заставить себя не любить человека, который их произнес. Родство обязывало, но сердце болело. Наверное, было бы лучше ему вообще не служить у Цезаря! Но тогда он не стал бы собой и так и продолжал бы плясать под дудку великого брата.

Итак, полный борьбы год заканчивался. Цезарь раньше обычного занялся распределением армии на зимний постой. Лабиена с двумя легионами он оставил у треверов, два других легиона разместил над рекой Секвана – в землях верных Риму лингонов, а остальными шестью окружил Агединк, главный город сенонов.

Он был готов отправиться в Италийскую Галлию, планируя сопровождать Рианнон и сына до ее виллы под Аравсионом, и еще он хотел найти педагога для мальчика. Что же не так с этим ребенком? Почему его не интересуют ни десятилетняя греческая война, ни соперничество между Ахиллом и Гектором, ни безумие Аякса, ни предательство Терсита? Если бы он задал этот вопрос Рианнон, она бы ответила, что Оргеторигу нет еще и четырех лет. Но Цезарь не спрашивал и продолжал сравнивать сына с собой в свои детские годы, не понимая, что ребенок гения может оказаться обычным мальчиком.

Но все же в конце ноября он организовал еще один сход галлов, на этот раз в оппиде ремов в Дурокорторе, главном городе ремов. Целью собрания была не дискуссия. Обвинив Аккона, вождя сенонов, в заговоре против Рима, Цезарь решил провести заседание суда по римскому образцу – с обвинителями, адвокатами и перекрестным допросом свидетелей. Сам он главенствовал на этом процессе, усадив по правую руку от себя вождя эдуев Котия, некогда заступившегося за сенонов.

Пришли все кельты и несколько белгов, но ремов было больше всех (в жюри их оказалось шестеро из двадцати пяти галлов). Арвернов возглавляли Гобаннитион и Критогнат, их вергобреты. Но среди них был, конечно же, и Верцингеториг (Цезарь лишь вздохнул про себя), который сразу же выступил с критикой суда.

– Если это справедливый суд, – спросил он, – тогда почему в жюри римлян больше?

Цезарь посмотрел на него с удивлением.

– Число присяжных должно быть нечетным, чтобы при вынесении решения избежать ничейного результата, – спокойно объяснил он. – Состав жюри определялся по жребью, ты сам это видел. Кроме того, на данном процессе все члены его наделены правами римлян – все голоса имеют равный вес.

– Что это за равенство, когда римлян двадцать шесть, а галлов двадцать пять?

– Ты был бы удовлетворен, если бы я ввел в жюри еще одного галла? – терпеливо спросил Цезарь.

– Да! – выкрикнул Верцингеториг и покраснел, заметив в глазах римских легатов насмешку.

– Тогда я это сделаю. А теперь сядь, Верцингеториг.

Поднялся Гобаннитион.

– Да? – спросил Цезарь, уверенный в этом арверне.

– Я хочу извиниться за поведение моего племянника, Цезарь, этого больше не повторится.

– Извинения приняты, Гобаннитион. Мы можем продолжить?

Выслушали обвинителей, свидетелей, выступили адвокаты. Цезарь с удовольствием отметил прекрасную речь Квинта Цицерона в защиту Аккона – пусть-ка Верцингеториг критикует это! На вынесение приговора ушла большая часть дня.

Тридцать три члена жюри заявили: «Виновен!» Остальные не нашли в действиях Аккона вины. За осуждение голосовали все римляне, шестеро ремов и один лингон. Но девятнадцать других галлов, включая троих эдучей, настаивали на оправдании.

– Приговор вынесен и обжалованию не подлежит, – ровным голосом объявил Цезарь. – Аккон будет подвергнут порке и обезглавлен. Незамедлительно. Желающие могут присутствовать. Я искренне надеюсь, что этот урок запомнится многим. Наши договоренности не безделица, нарушать их нельзя.

Поскольку официальные заключения суда делались на латыни, Аккон понял, каков приговор, только когда римская охрана встала по обе стороны от него.

– Я свободный человек в свободной стране! – выкрикнул он, поднимаясь, и прошел в сопровождении стражников к выходу.

Верцингеториг заплотировал было, но Гобаннитион звонкой пощечиной остудил его пыл:

– Уймись, идиот! Тебе что, всего этого мало?

Верцингеториг вышел из зала и пошел прочь, подальше, чтобы ничего не видеть и не слышать.

– Говорят, то же самое произнес Думнориг, когда Лабиен отсекал ему голову, – сказал последовавший за ним карнут Гутруат.

– Что? – спросил Верцингеториг, дрожа и покрываясь холодным потом. – Что?

– «Я свободный человек в свободной стране» – так он сказал. Его больше нет, а Цезарь живет с его женщиной. Мы не свободны.

– Мне не нужно этого говорить, Гутруат. Мой дядя дал мне пощечину перед всеми! Почему? Мы что, должны трястись от страха, падать на колени и просить прощения у Цезаря?

– Потому что в этой стране свободен один только Цезарь.

– О, клянусь Дагдой, Таранисом и Езусом, я сам насажу его голову на дверной косяк! – крикнул Верцингеториг. – Как он посмел учинить это судилище, больше похожее на насмешку?

– Посмел, потому что он блестящий военачальник блестящей армии, – сквозь зубы проговорил Гутруат. – Он попирает нас целых пять лет, Верцингеториг, а мы где были, там и остаемся! Он практически покончил с белгами и не тронул нас, кельтов, лишь потому, что мы не рискнули с ним драться. Кроме бедных армориков – посмотри, что с ними случилось! Венеты проданы в рабство, эдучии стерты с лица земли.

Появились Литавик и Котий, лица их были угрюмы. Кадурк Луктерий и вергобрет лемовиков Седулий подошли следом.

– В том-то и дело! – воскликнул Верцингеториг, глядя на подошедших. – Цезарь уничтожал белгов последовательно, поочередно. Он никогда не нападал на несколько племен сразу. Одна кампания – эбуроны, другая – морины, затем нервии, затем беллоаки, атуатуки, менапии, треверы. Один народ за другим! Но где был бы Цезарь, если бы нервии, беллоаки, эбуроны и треверы собрались в единый кулак и ударили по нему? Да, он выдающийся командир! Да, у него блестящая армия! Но он не Дагда! Он был бы повержен и никогда больше не поднялся бы.

– Ты хочешь сказать, – медленно проговорил Луктерий, – что нам, кельтам, надо объединиться?

– Именно это я и говорю.

Котий бросил на него хмурый взгляд:

– И под чьим же началом? Ты думаешь, что эдучи захотят драться за тебя, за арверна?

– Если эдучи захотят стать частью нового государства галлов, Котий, я надеюсь, что они станут драться за любого, кто будет выбран вождем. – Синие глаза на худом лице грозно сверкнули. – Вполне возможно, что таким вождем буду я, хотя арверны с эдучами исконные враги. Но также возможно, что вождем будет эдуч. В этом случае я поведу за ним всех арвернов.

Котий, Котий, открой глаза! Разве ты сам не видишь? Это древнее разделение ставит нас всех на колени! Нас больше, чем римлян! Может, они храбрее нас? Нет! Они лучше организованы, вот в чем все дело. Они действуют как одна боевая машина. Кругом! Заходи флангом! Бросай копье! Атакуй! Держи шаг! Да, этого в один миг не изменишь. У нас просто нет времени перенять их приемы. Но нас больше. И если мы объединимся, разбить нас будет попросту невозможно!

Луктерий тяжело вздохнул.

– Я с тобой, Верцингеториг! – вдруг сказал он.

– Я тоже, – сказал Гутруат. – И я знаю еще кое-кого, кто будет на твоей стороне. Друид Катбад.

Верцингеториг пораженно уставился на него:

– Катбад? Тогда обязательно поговори с ним! Если Катбад подаст пример, за ним потянутся друиды всех племен и станут улещивать, умасливать, убеждать, а это уже половина победы.

Но Котий был сильно напуган, Литавик обеспокоен, Седулий насторожен.

– Понадобится нечто большее, чем обращение друида, чтобы раскатать нас, эдуев, – сказал Котий. – Мы очень серьезно относимся к нашему статусу друзей и союзников Рима.

Верцингеториг ухмыльнулся:

– Ха! Тогда вы просто дурни! Не так уж много времени прошло, Котий, с тех пор как хваленый твой Цезарь осыпал германца Ариовиста дорогими подарками, добившись для него от римского сената титула друга и союзника! При этом он знал, что Ариовист грабит эдуев – тоже друзей и союзников Рима, крадет их скот, овец, их женщин, топчет их пашни! Есть в том забота Цезаря об эдуях? Нет, нет и нет! Ему нужен был только мир в Провинции! – Он сжал кулаки и погрозил небесам. – Каждый раз, когда Цезарь торжественно обещает защищать нас от германцев, я говорю себе: это ложь. И если бы эдуи могли здраво рассуждать, они говорили бы так же.

Литавик со вздохом кивнул.

– Хорошо, я тоже с тобой, – сказал он. – Не знаю, что решит Котий. В будущем году его изберут вергобретом вместе с Конвиктолавом. Но на меня ты можешь рассчитывать, Верцингеториг.

– Я ничего не могу обещать, – сказал Котий, – но против тебя не пойду. И римлянам ничего не открою.

– А о большем сейчас я и не прошу тебя, Котий, – сказал Верцингеториг. – Просто держи это в голове. – Он улыбнулся. – Есть много способов вредить Цезарю, не вступая с ним в битву. Он полностью доверяет эдуям. И щелкает пальцами: дайте пшеницы, дайте еще кавалерии, дайте того, дайте сего! Я понимаю, ты слишком стар, чтобы взяться за меч. Но изворотливый ум – это такое же оружие, если ты хочешь свободы.

– Я тоже с тобой, – заявил наконец и Седулий.

Верцингеториг протянул вперед руку ладонью вверх. Гутруат положил на нее свою руку, то же самое сделал Литавик, затем Седулий с Луктерием, и последним был Котий.

– Я свободный человек в свободной стране, – произнес с нажимом Верцингеториг. – Каждый должен сказать это о себе. Вы согласны?

– Согласны!

Если бы Цезарь на день-другой задержался с отъездом, он бы непременно проведаль об этом сговоре, хотя бы от Рианнон. Но Косматая Галлия вдруг опостылела. На рассвете он убыл в Италийскую Галлию, за ним следовали злосчастный пятнадцатый легион и Рианнон на своей италийской кобыле. Ей не дали увидеться с Верцингеторигом, и вообще она не понимала, отчего Цезарь вдруг стал таким отчужденным и резким. Может быть, у него появилась другая?

Так порой бывало, но временные любовницы всегда мало что значили для него, и потом, ни одна из них не родила ему сына! А ее сын ехал с нянькой в повозке, крепко сжимая в ручонках подарок отца. Нет, его не интересовали ни Менелай, ни Одиссей, ни Ахилл, ни Аякс. Но сама лошадь была чудесной, и она принадлежала ему.

Колонна еще не пробыла в дороге и дня, а Цезарь уже далеко от нее оторвался в своей двуколке, запряженной четырьмя мулами, бегущими легким галопом. На ходу он диктовал побледневшему секретарю донесение в сенат, а другому – письмо старшему Цицерону. В обоих посланиях сообщалось о стычке Квинта Цицерона с сигамбрами, хотя версии сильно разнились между собой. Все эти глупцы в сенате подозревают, что он приукрашивает правду, но они не заподозрят подвоха в официальном донесении о стычке Квинта Цицерона с сигамбрами.

Он продолжал диктовать, терпеливо ожидая, пока писец справлялся с дурнотой, перегибаясь через борт двуколки. Что угодно, только бы выкинуть из головы то, что произошло в том зале в Дурокорторе, только бы забыть крик Аккона, повторившего слова Думнорига. Он не хотел делать Аккона жертвой, но как еще заставить их исполнять правила и законы цивилизованных народов? Слова не помогали, пример не помог.

«Как иначе я мог бы заставить кельтов усвоить кровавый урок, преподанный мною белгам? Нельзя уехать, не выполнив задачи, напрасно потеряв годы. Я не могу возвратиться в Рим, не возвеличив мое *dignitas* полной победой. Теперь я больший герой, чем Помпей Магн на вершине славы, и весь Рим сейчас у моих ног. Я сделал то, что должен был сделать любой ценой. Но воспоминания о жестокости – плохое утешение в старости!»

Рим
Январь – апрель 52 г. до Р. Х.

QUINTUS CAECILIUS METELLUS PIUS SCIPIO NASICA
(METELLUS SCIPIO)

Квинт Цецилий Метелл Пий Сципион Назика (Метелл Сципион)

В первый день нового года ни один магистрат не вступил в должность. Рим жил под руководством сената и десяти плебейских трибунов. Катон сдержал слово и не дал провести выборы, требуя, чтобы племянник Помпея, Гай Меммий, снял свою кандидатуру на звание консула. Только в конце квинтилия было решено, что Гней Домиций Кальвин и авгур Мессала Руф останутся консулами еще на пять месяцев до конца года. Но они не стали проводить выборы на следующий год. Помешала уличная война, которую затеяли Публий Клодий и Тит Анний Милон. Первый метил в преторы, второй – в консулы. И ни один не мог допустить повышения другого. Каждый кликнул сторонников, те вышли на улицы, и Рим в очередной раз сделался ареной насилия. Это, впрочем, не означало, что повседневная жизнь в большей части великого города была как-то затруднена. Бои велись в основном возле Форума, в центре, но столь беспощадно, что сенат перестал собираться в собственном здании – освященной Гостилиевой курии, а трибунные и плебейские собрания не проводились вовсе.

Все это сильно вредило карьере лучшего друга Клодия, Марка Антония. Ему уже исполнилось тридцать, пора бы занять должность квестора, которая открывала путь в сенат и представляла предприимчивому человеку массу возможностей пополнить свой кошелек. Например, получить назначение в какую-нибудь из провинций и вестать там счетами наместника. Обычно почти бесконтрольно. Подделывать бухгалтерские книги, продавать права на сбор налогов, брать взятки за выгодные контракты, да мало ли еще что. Можно также погреть руки и в Риме, если пролезть в тройку квесторов при римской казне и (за определенную мзду, разумеется) изменять записи в книгах, вымарывать из них чьи-то долги, а то и помочь кому-либо получить в обход закона дотацию. Поэтому Марк Антоний, не вылезавший из долгов, мечтал об этой должности.

Ни один наместник не предложил Марку Антонию стать его квестором, что очень не понравилось ему, когда он наконец удосужился подумать об этом. Цезарь, самый щедрый из всех правителей, и тот не назвал его имени, несмотря на родство. Мог бы, кажется, порадовать родичу, но затребовал сыновей Марка Красса, хотя кто ему Красс? Только друг. А потом решил взять к себе сына Сервилии, Брута! Но тот отшил его, вот был скандал! Дядюшка Брута, Катон, скакал от радости и трубил об этом на весь Рим. А мать Брута, эта мегера и любовница Цезаря, наоборот, поносила своего сводного братца, всюду рассказывая, причем во всех пикантных подробностях, как тот продал свою супругу старому глупому Гортензию!

Даже Луций Цезарь, приглашенный в Галлию старшим легатом, отказался похлопотать за племянника, поэтому матушке (единственной сестре Луция Цезаря) самой пришлось написать именитому родственнику. Ответ Цезаря был холодным и кратким: «Марку Антонию будет полезней попытать счастья по жребию. Нет, Юлия Антония, я не стану просить твоего драгоценного старшего сына быть моим квестором».

– В конце концов, – с досадой сказал Антоний Клодию, – в Сирии я был хорош! И так классно командовал кавалерией, что Габиний брал меня всюду с собой.

– Просто новый Лабие, – усмехнулся Клодий.

«Клуб Клодия» все еще процветал, несмотря на уход Марка Целия Руфа и двух знаменитых *fellatrices* – Семпронии Тудитаны и Паллы. Суд и оправдание Целия, обвиненного в попытке отравить Клодию, любимую сестру Клодия, состарили эту парочку отвратительных сексуальных акробатов до такой степени, что они предпочитали сидеть дома и не смотреться в зеркало.

А «Клубу Клодия» хоть бы что! Члены его встречались, как и всегда, в новом доме на Палатине, купленном Клодием у Скавра за четырнадцать с половиной миллионов сестерциев. Прелестный дом, просторный, изысканно и уютно обставленный. Стены столовой, где сейчас все возлежали на покрытых тирским пурпуром ложах, были отделаны поразительными объемными панелями из черно-белых кубов, вставленными между нежными, подернутыми дымкой пейзажами Аркадии. Ранняя осень позволяла держать большие двери на колоннаду перистилия

распахнутыми, благодаря чему открывался вид на роскошный бассейн – с мраморными трифонами и дельфинами и с фонтаном в центре, увенчанным потрясающей скульптурой Амфитриона, стоящего в раковине и управляющего лошадьми с рыбьими хвостами.

Тут были: Курион-младший, Помпей Руф – родной брат безмерно глупой прежней жены Цезаря Помпеи Суллы, Децим Брут – сын Семпронии Тудитаны, а также новый член клуба Планк Бурса. И разумеется, еще три женщины, все из семейства Публия Клодия: его сестры Клодия и Клодилла и его жена Фульвия, без которой он не делал ни шагу.

– Цезарь просил меня вернуться в Галлию, и я думаю ехать, – обронил Децим Брут, ничего, собственно, не имея в виду, но невольно посыпав раны Марка Антония солью.

Тот презрительно посмотрел на счастливого. Хотя на что там смотреть? Тощий, ростом не вышел, волосы блеклые, почти белые, за что его и прозвали Альбином. И все же Цезарь любит его, очень ценит и дает поручения такие же ответственные, как и старшим легатам. Почему же он так не любит своего родича Марка Антония? Почему?

Центральная фигура, вокруг которой вращались все эти люди, Публий Клодий тоже был худощавым и невысоким, но очень смуглым в отличие от светлого Децима Брута. Озорное выражение его лица сменялось тревожным, когда он не улыбался. И жизнь его была полна удивительных событий, которые, вероятно, не могли произойти ни с одним из членов даже столь необычного патрицианского рода, как Клавдии Пульхры. Сирийские арабы, разозленные его выходками, сделали ему обрезание; Цицерон публично его высмеял; Цезарь устроил так, что патриций Публий Клодий получил статус плебея; Помпей заплатил Милону, чтобы тот вывел на улицы шайки бандитов; и весь аристократический Рим с удовольствием поверил, что Клодий предавался запретным усладам со своими сестрами Клодией и Клодиллой.

Его самым большим недостатком была ненасытная жажда мести. Стоило кому-либо оскорбить или уязвить его *dignitas*, Клодий вносил этого человека в список своих жертв и ждал удобного случая, чтобы свести счеты. Цицерона, например, ему удалось отправить в ссылку, Птолемей Кипрский после аннексии острова покончил с собой. Ушел в иной мир и Лукулл, его зять, чья блестящая военная карьера рухнула в одночасье. Досталось и матери Цезаря, Аврелии. Во время зимнего праздника Благой Богини, где Аврелия была хозяйкой, Клодий, переодевшись в женское платье, пробрался в дом и осквернил торжество. Но эта проделка с той поры не давала ему покоя. Святотатство есть святотатство. Его даже судили, но оправдали. Жена и другие женщины Клодия подкупили присяжных. Фульвия – из любви, другие – в уверенности, что *Vona Dea* накажет негодяя сама. А наказание могло оказаться нешуточным, и эта мысль тревожила Клодия.

Его последняя месть была вызвана очень давней обидой. Больше двадцати лет назад, когда ему едва исполнилось восемнадцать, он обвинил красивую молодую весталку Фабию в нарушении обета целомудрия – преступлении, караемом смертью. Процесс он проиграл. И имя Фабии немедленно появилось в списке жертв. Потянулись долгие годы. Клодий терпеливо ждал, пока другие участники процесса, такие как Катилина, будут повержены. В возрасте тридцати семи лет, оставаясь все еще красивой, Фабия (которая ко всему прочему была единокровной сестрой жены Цицерона, Теренции) сложила с себя обязанности весталки, прослужив Весте положенные тридцать лет. Она переехала из Государственного дома в уютный особнячок на верхнем Квиринале, где собиралась проводить свои дни, пользуясь всеобщим уважением, как бывшая старшая весталка. Ее отцом был патриций Фабий Максим (у Теренции и у нее была общая мать), и он дал ей хорошее приданое, когда она стала весталкой в возрасте семи лет. Теренция, очень практичная в денежных делах, управляла приданым Фабии столь же успешно и разумно, как и собственным большим состоянием (она никогда не позволяла Цицерону наложить лапу хоть на один ее сестерций). И Фабия покинула коллегию весталок очень богатой женщиной.

Именно этот факт заронил зерно, которое стало прорастать на благодатной почве извращенного ума Клодия. Чем дольше он ждал, тем слаще становилась мысль о мщении. И после двадцати лет он вдруг понял, как можно разделаться с Фабией. Хотя бывшим весталкам разрешено было выходить замуж, мало кто пользовался этим правом: считалось, что это не принесет счастья. С другой стороны, немногие из бывших весталок были так же красивы, как Фабия, или так же богаты. Следовало только найти ей в мужа высокородного бедняка. И он остановил свой выбор на Публии Корнелии Долабелле, который также был вхож в «Клуб Клодия» и напоминал Марка Антония: большой, brutальный, бычеобразный, безрассудный.

Когда Клодий предложил ему приударить за Фабией, Долабелла с радостью ухватился за эту идею. Хотя он был патрицием чистой воды, каждый отец мало-мальски приглянувшейся ему девицы тут же прятал свое чадо за спину и говорил твердое «нет». Как и другой Корнелий – Сулла, Долабелла был вынужден завоевывать место под солнцем, полагаясь лишь на свои мозги, ибо ничего не имел за душой. А бывшие весталки были *sui iurus*, то есть не подчинялись никому из мужчин. Они сами за себя отвечали, сами распоряжались своей жизнью. Какой случай! Невеста с хорошим происхождением, великолепным приданым, еще достаточно молодая, чтобы рожать, очень богатая – и никакого *paterfamilias*, чтобы отказать ему!

Да, Долабелла был столь же brutальным, как и Антоний, но сходство это было лишь внешним. Марк Антоний не был глупцом, но у него напрочь отсутствовало обаяние. Привлекательной в нем была лишь наружность. А Долабелла обладал легким, веселым характером и умением поддерживать беседу. Антоний ухаживал примитивно: «Я тебя люблю, ложись!» А Долабелла говорил женщине: «Позволь мне упиться красотой твоего милого, нежного личика!»

Результат – свадьба. Долабелла покорила не только Фабия, но и всю женскую половину семьи Цицерона. То, что дочь знаменитого оратора Туллия (неудачно выскочившая за Фурия Крассипа) нашла его просто божественным, было еще полбеда. Но чтобы всегда угрюмая и некрасивая ворчунья Теренция тоже пришла от него в полный восторг – такое не снилось ни одному сплетнику Рима. Таким образом, Долабелла посватался к Фабии с благословения ее старшей сестры. Бедная Туллия была безутешна.

Клодий радовался, следя за развитием ситуации, ибо брак Фабии превратился в кошмар с самого первого дня. Почти сорокалетняя девственница, проводившая тридцать лет в окружении женщин, нуждалась кое в каких наставлениях, которых Долабелла дать ей не смог или просто не захотел. Хотя акт дефлорации в первую брачную ночь нельзя было назвать грубым насилием, но и восторга это деяние не принесло ни одной из сторон. Раздраженный и поскучевший, но согреваемый мыслью о перешедших к нему деньгах Фабии, Долабелла вернулся к женщинам, которые знали, как и что делается, и были согласны хотя бы имитировать экстаз. Фабия одиноко плакала дома, а Теренция тут же причислила ее к дурам, не понимающим, как управиться с мужиком. С другой стороны, Туллия воспрянула духом и стала даже подумывать о разводе с Крассипом.

Но организатор всей этой круговерти был уже занят другим. Мечь – развлечение, а политика – дело, которому Клодий отдавал себя всецело.

Он поставил себе цель стать Первым Человеком в Риме, но не собирался добиваться этого обычным путем – высшая политическая должность вкупе с небывалыми военными успехами. Главным образом потому, что таланты Клодия относились не к военной сфере. Он был силен в демагогии и вознамерился пробиться к власти через плебейское собрание, состоявшее сплошь из римских всадников-торгашей. Такие попытки предпринимались и раньше, но Клодий пошел собственным путем.

План его был грандиозен и прост. Он не обхаживал могущественных торгошай-плутократов. Он запугивал их. Используя для этого ту часть римского общества, которую все остальные не брали в расчет, а именно *proletarii*, неимущих. Людей без денег и влияния, чьи голоса не имели никакого веса во время выборов, пригодных лишь на то, чтобы делать детей и постав-

лять Риму легионеров. Впрочем, даже последнее стало для них возможным не так уж давно, когда Гай Марий открыл неимущим дорогу в армию, поскольку до этого в войсках служили только люди обеспеченные. Неимущие становились легионерами, но политически оставались ничем. Да им вся эта политика не была и нужна. Раз есть хлеб и есть зрелища, не все ли равно, кто там всем этим наверху заправляет?

Клодий и не хотел делать из них политиков. Ему нужно было лишь количество, он не собирался набивать их головы своими идеями или пробуждать в этих людях сознание собственной силы. Просто-напросто они становились клиентами Клодия. Они видели в нем патрона, добивавшегося для них осязаемых выгод: права иметь свои клубы, коллегии и общины, получать раз в месяц бесплатное зерно, а раз в год – какие-то деньги. С помощью Децима Брута и кое-кого еще Клодий организовал тысячи тысяч неимущих, входивших в общины перекрестков, каких было множество в Риме. В любой день, когда он велел шайкам явиться на Форум и на близлежащие улицы, у него под рукой было не менее тысячи человек. Благодаря Дециму Бруту он располагал именными списками и учетными книгами, дающими возможность равномерно распределять нагрузку и плату в пятьсот сестерциев, выделяемых за каждую вылазку. Проходили месяцы, прежде чем того же самого человека призывали снова устроить беспорядки на Форуме и попутать влиятельный плебс. Таким образом, члены шайки оставались неузнанными.

После того как Помпей Великий заплатил Милону за то, чтобы тот набрал шайки из бывших гладиаторов и головорезов, борьба осложнилась. Клодию теперь приходилось не только пугать плебс, но и соперничать с Милоном и его профессиональными громилами. Затем Цезарь заключил договор с Помпеем и Марком Крассом в Луке, и Клодий вынужден был подчиниться. В довершение его отправили в составе посольства в Анатолию за государственный счет, что давало ему возможность заработать кучу денег за год отсутствия в Риме. Вернувшись, он вел себя тихо. До тех пор, пока Кальвин и Мессала Руф не были выбраны консулами в конце квинтилия. И тогда война между Клодием и Милоном возобновилась с новой силой.

Курион не отрывал глаз от Фульвии, но он столько лет пялился на нее, что никто не обращал на это внимания. Конечно, все заглядывались на эту красотку. Каштановые волосы, черные брови, огромные синие глаза, словно бы намекающие на что-то. Рождение детей только добавляло ей привлекательности, как и умение со вкусом одеваться. Будучи внучкой аристократа и знаменитого демагога Гая Гракха, Фульвия так уверилась в прочности своего положения в свете, что то и дело появлялась на Форуме и, не смущаясь, самым неженственным образом поносила противников Клодия, которого обожала.

– Я слышал, – сказал Курион, с трудом опуская глаза, – что, сделавшись претором, ты намерен распределить всех вольноотпущенников Рима по тридцати пяти трибам. Это действительно так?

– Да, это правда, – самодовольно подтвердил Клодий.

Курион нахмурился, чем только усугубил свое сходство с капризным подростком, что ему совсем не шло. Этому отпрыску старинного плебейского рода Скрибониев исполнилось тридцать два года. Острые карие глазки, усеянная веснушками кожа, ярко-рыжие волосы, торчащие во все стороны, несмотря на старания парикмахера. Отсутствие переднего зуба, которое обнаруживалось, когда он улыбался, придавало ему разбитной и задиристый вид. Впрочем, такая наружность скрывала вполне зрелый цепкий ум, что, однако, не убавляло в его обладателе склонности к каверзам и всякого рода проделкам. В юности, например, он и Антоний изображали страстных любовников, немилосердно изводя почтенного консулара Скрибония-старшего, а на самом деле успели наделать кучу детей.

Но сейчас Курион хмурился, а значит, дырка в зубах не сверкала, а озорной огонь в глазах почти погас.

– Клодий, если распределить вольноотпущенников по тридцати пяти трибам, это разрушит всю систему трибунных выборов, – медленно сказал он. – Человека, кому принадлежат их голоса, – а это в данном случае будешь ты – невозможно остановить. Все, что ему нужно сделать, чтобы провести своих кандидатов, – это отложить выборы до того времени, когда в городе не будет сельских выборщиков. В настоящий момент вольноотпущенники могут голосовать только в двух городских трибах. Но ведь в Риме их *полмиллиона*! Стоит рассовать этих бывших рабов по остальным трибам, их голоса перевесят голоса коренных римлян, сенаторов, всадников первого класса. Римские неимущие причислены к четырем городским трибам и не голосуют в трех десятках других! Ты передашь контроль над процессом формирования городской власти в руки неримлян! Греков, галлов, сирийцев, бывших пиратов – сброда со всего мира, познавшего рабство! Да, они стали свободными, получили гражданство. Но мне очень не хочется отдавать им на откуп весь Рим! – Он сердито мотнул головой. – Клодий, Клодий! Никто тебя не поддержит! Никто! Даже я!

– Но ни ты, ни они не смогут мне помешать, – самодовольно парировал Клодий.

В разговор вступил мрачный молчун Планк Бурса, только недавно сделавшийся плебейским трибуном:

– Не играй с огнем, Клодий.

– Весь первый класс объединится против тебя, – веско добавил Помпей Руф, другой плебейский трибун.

– Он все равно сделает что задумал, – хладнокровно заметил Децим Брут.

– Конечно сделаю. Надо быть дураком, чтобы упустить такую возможность.

– А мой братец отнюдь не дурак, – пробормотала Клодия и, посмотрев на Антония, сладострастно облизала пальцы.

Тот почесал в паху, потом словно бы ненароком передвинул нечто внушительное по размерам и послал Клодии воздушный поцелуй. Они были давними любовниками.

– Если ты в этом преуспеешь, каждый римский вольноотпущенник будет твоим, – сказал он задумчиво. – И проголосует за любого, на кого ты укажешь. Однако трибунные комиции консулов не избирают. Ты не сможешь влиять на выборы в центуриях.

– *Консулов*? Кому нужны консулы? – высокомерно спросил Клодий. – Все, что мне требуется, – это десять плебейских трибунов, год за годом. С десятком народных трибунов, выполняющих мои указания, консул будет значить не больше боба для пифагорейца. А преторы носа не высунут из судов, не имея законодательной власти. Сенат и первый класс *думают*, что они хозяева Рима. Но истина в том, что власть над Римом берет в руки тот, кто находит к ней правильный путь. Сулла был хозяином Рима. Им стану и я. С голосами вольноотпущенников в тридцати пяти римских трибах и с десятком ручных плебейских трибунов я буду непобедим. И никогда не дам провести выборы при скоплении в Риме сельского сброда. Почему, думаете, Сулла назначал для выборов квинтилий, когда проводятся игры? Ему нужны были сельские трибы, а значит, первый класс, чтобы контролировать плебейское собрание и плебейских трибунов. Таким способом любой влиятельный человек может заполучить одного или двух трибунов. Я же получу всех десяти.

Курион удивленно воззрился на Клодию, словно никогда его раньше не видел:

– Я всегда знал, что ты малость тронутый, Клодий, но тут ты превзошел самого себя. Эта затея безумна! *Даже не пытайся!*

Мнение Куриона многое значило, и вся компания несколько напряглась. Красивое смуглое лицо Фульвии побледнело. Она резко сглотнула и с кривой усмешкой дерзко вскинула подбородок:

– Клодий знает, что делает! Он все продумал.

Курион пожал плечами:

– Тогда пусть у него и болит голова. Но предупреждаю: я выступлю против.

Тут Клодий вновь превратился в того избалованного, испорченного юнца, которым некогда был, он метнул в Куриона презрительный взгляд, фыркнул, соскочил с ложа и быстро вышел из столовой. Фульвия побежала за ним.

– Они забыли обуться, – меланхолично заметил Помпей Руф, который был немногим умнее сестры.

– Я его отыщу, – сказал Планк Бурса, тоже срываясь с места.

– Обуйся, Бурса! – крикнул вслед ему Помпей Руф.

Курион, Антоний и Децим Брут переглянулись и расхохотались.

– Зачем вы злите Публия? – спросила Клодилла. – Теперь он долго будет дуться.

– Пусть *подумает*! – проворчал Децим Брут.

Клодия, уже не столь юная, но по-прежнему самая привлекательная из женщин, окинула троих мужчин взглядом своих темных глаз:

– Я знаю, вы его любите и тревожитесь за него. Однако стоит ли так волноваться? Он всегда перескакивает от одной бредовой идеи к другой и всегда умудряется извлечь из этого пользу.

– Но не сейчас, – вздохнул Курион.

– Он сумасшедший, – добавил Децим Брут.

Антонию все это надоело.

– Мне плевать, сумасшедший он или нет, – проворчал он. – Мне нужно стать квестором, и как можно скорее! Я лезу из кожи, чтобы добыть лишний сестерций, но становлюсь лишь бедней.

– Не говори, что ты уже растратил все денежки Фадии, Марк, – обронила Клодилла.

– Фадия уже четыре года как умерла, – возмутился Антоний.

– Ерунда, Марк, – сказала Клодия, вновь облизав пальцы. – В Риме полно уродливых дочерей плутократов, карабкающихся по общественной лестнице. Найдешь себе другую Фадию.

– Уже нашел. Это моя двоюродная сестра Антония Гибрида.

Все встрепенулись, включая Помпея Руфа.

– Прорва деньжищ, – пробормотал Курион, склонив голову набок.

– Поэтому я к ней и подбираюсь. Дядюшка, правда, не выносит меня, но он скорее отдаст ее мне, чем какому-нибудь выскочке. – Последовал вздох. – Говорят, она пытается рабов, но я из нее это выблю.

– Яблоко от яблоньки, – усмехнулся Децим Брут.

– Есть еще Корнелия Метелла, она как раз овдовела, – внесла предложение Клодилла. – Старинный, очень старинный род. Много тысяч талантов.

– А что, если она похожа на своего старого дорогого *tata* Метелла Сципиона? – спросил Антоний, блеснув рыжевато-кариими глазами. – С истязательницей рабов справиться нетрудно, но страсть к порнографии не вытравишь.

Опять смех, хотя и не очень веселый. Каждый задавался вопросом: как защитить Публия Клодия от него же самого?

Хотя Юлия была мертва уже шестнадцать месяцев и горе утихло настолько, что стало возможным произносить ее имя без слез, Гней Помпей Магн и не думал жениться еще раз. Ничто больше не мешало ему отправиться в свои провинции, Ближнюю и Дальнюю Испанию, которыми он должен был управлять еще три года, но он все сидел на своей вилле на Марсовом поле, оставив обе провинции на попечении легатов Афрания и Петрея. Конечно, должность куратора по снабжению Рима зерном до некоторой степени оправдывала его присутствие в городе, но, несмотря на старания Клодия увеличить раздачу бесплатного зерна и на недавнюю засуху, Помпей сумел организовать дело так, что все отлично шло бы и без него. Как и все

подобные общественные дела, оно требовало организационного таланта и умения заставить работать ленивых гражданских служащих.

Истина заключалась в том, что его тревожила ситуация в Риме и он не мог уехать, пока не определит приоритеты, пока не выяснит, чего же он хочет. А именно хочет ли он, чтобы его назначили диктатором. С тех пор как Цезарь уехал в Галлию, политическая ситуация на Римском форуме становилась все более и более неуправляемой. Какое это имело отношение к Цезарю, он не знал. Определенно причина была не в Цезаре. Но иногда среди ночи он вдруг спрашивал себя: если бы Цезарь был в Риме, прекратились бы беспорядки? И это не давало ему покоя.

Женившись на Юлии, он если и задумывался о ее отце, то разве что как о чрезвычайно умном политике, который знал, как добиться своего. Мало ли Цезарей в Риме, аристократичных, амбициозных, компетентных и ловких. Но этот Цезарь внезапно превзошел всех других. Словно по волшебству. Нет, в нем определенно есть что-то от чародея. Вот он перед тобой, а через миг – на другом конце колоннады. Переместился, а ты не успел и моргнуть. И возрождается, как птица феникс, хотя враги каждый раз думают, что погубили его навсегда.

Взять хотя бы Луку, смешной маленький деревянный городишко на реке Авсер. Там Помпей, Цезарь и Красс заключили союз. Так сказать, поделили мир. Но зачем это было нужно? Зачем? О, в то время резоны казались огромными, словно горы! А сейчас они кажутся не больше муравейников. Что получил он, Помпей Великий, от этого союза в Луке, чего не мог бы добиться без чьей-либо помощи? И где теперь Марк Красс, бесславно погибший и непогребенный. А Цезарь становится все сильнее и сильнее. *Как это ему удастся?* За все время их сотрудничества, которое началось еще до кампании Помпея против пиратов, всегда казалось, что Цезарь отстаивал его интересы. Никто не произносил лучших речей в его защиту, даже Цицерон, и были времена, когда голос Цезаря оказывался единственным, поданным в его поддержку. Но Помпей никогда не думал о Цезаре как о сопернике. Цезарь все делал правильно, все в свое время. Это не он в возрасте двадцати одного года привел легионы и добился совместного командования с величайшим человеком в Риме! Это не он принудил сенат разрешить ему избираться в консулы, не будучи членом этого правительственного органа! Это не он очистил Наше море от пиратов за одно лето! Не он завоевал Восток и удвоил дань Риму!

Так почему же Помпея преследует озноб? Почему он постоянно чувствует на затылке холод чьего-то дыхания? Почему Цезаря обожает весь Рим? Ведь когда-то именно Цезарь обратил внимание Помпея на то, что весь римский рынок наводнен гипсовыми бюстами Помпея Великого. А ныне лоточники всюду торгуют бюстами Цезаря. Цезарь – герой, Цезарь завоевывает новые земли. А все, что сделал Помпей, – это вспахал на Востоке застарелую пашню и добавил к ней новую борозду. Конечно, столь стремительному взлету популярности этого человека немало способствуют его замечательные отчеты сенату. А вот Помпею в свое время не пришлось в голову излагать события кратко, увлекательно, воздерживаясь даже от намека на многословие. Никогда не оправдываться. Наполнить свои послания сообщениями о мужестве, стойкости и подвигах римских легионеров – центурионов, легатов, солдат. Это бодрит и сенаторов, и римский люд. Цезарь врывается в сенат, словно порыв свежего ветра! Все преисполнены благодарности! О нем ходят легенды! И скорость передвижения, и способность диктовать сразу нескольким секретарям, и легкость, с какой он наводит мосты через широкие реки и спасает злополучных легатов из лап смерти. И все это – он, лично он!

Ну что ж, Помпей не собирается затевать новые войны только затем, чтобы прищемить Цезарю хвост. Он сделает это из Рима, и еще до того, как закончатся вторые пять лет наместничества Цезаря в Галлиях и Иллирии. Он – Помпей Магн, Первый Человек в Риме. И останется таковым до конца своих дней. С Цезарем или без Цезаря.

Вот уже несколько месяцев его уговаривают стать диктатором. Никто больше не сумеет покончить с насилием, беспорядками и безвластием. А все этот мерзкий Публий Клодий! Хуже

подкожного паразита. Но как заманчиво! Быть диктатором Рима! Стоять над законом, зная, что тебя не привлекут к ответу даже после того, как будут сложены диктаторские полномочия.

Помпей не сомневался, что сумел бы излечить Рим. Это вопрос правильной организации, разумных мер, слаженной работы с правительством. Нет, диктаторские полномочия нисколько его не пугали. Вопрос был в том, как такой поворот отразится на его героической репутации, что напишут впоследствии в исторических хрониках. Сулла стал диктатором, и его тут же возненавидели. И сейчас ненавидят! Но таким, как Сулла и как Цезарь (опять это имя!), на подобные вещи плевать с высоты своих родословных. Патриций Корнелий мог вытворять что угодно, его величие оттого не страдало. И кем изобразят его историки, героем или чудовищем, Сулле было все равно. Не все равно было только, кем он останется для Рима.

Однако Помпей из Пицены, больше похожий на галла, чем на истинного римлянина, поневоле должен быть щепетильным. Не для него привилегии знатных родов вкупе с правом автоматически занимать первые строчки в избирательных списках. Все, чем он ныне владеет, он должен был добывать сам вопреки отцу, который хоть и имел значительное влияние в Риме, но которого Рим ненавидел. Не совсем «новый человек», но определенно не Юлий и не Корнелий. Впрочем, в целом Помпей считал свое положение довольно прочным. Все его жены были аристократками: Эмилия Скавра – патрицианка, Муция Сцевола – из древнего плебейского рода, ну а Юлия знатностью превосходила обеих. Антистия не в счет. Он женился на ней только потому, что ее отец был судьей и прикрыл для него одно скользкое дело.

Но как Рим отнесется к тому, что он согласится принять чрезвычайные полномочия? Диктаторство издревле было способом разрешать проблемы с управлением, изначально оно позволяло освободить консулов года для ведения войны. В прошлом диктаторами чаще всего становились патриции. Официальный период диктаторства – шесть месяцев, продолжительность сезона военных кампаний. Однако Сулла властвовал два с лишним года, и выбирали его не консулы. Он принудил сенат назначить его диктатором, а потом сам назначал угодных ему консулов.

Не было у сенаторов обычая назначать кого-либо диктатором для разрешения гражданских проблем. И потому, когда Гай Гракх попытался свергнуть правительство на Форуме, а не на поле боя, сенат изобрел *senatus consultum de republica defendenda*. Цицерон назвал этот закон проще – *senatus consultum ultimum*. Подобная мера была предпочтительнее назначения диктатора, поскольку, хотя бы в теории, позволяла избежать предоставления неограниченных полномочий одному человеку. Ведь закон освобождал диктатора от ответственности за любые поступки, совершенные во время срока его полномочий, даже если они казались его коллегам-сенаторам ужасными.

Зачем только мысль о диктаторстве заронили ему в голову? Он раздумывает над этим уже с год. Правда, еще до того, как Кальвин и Мессала Руф были избраны консулами в прошлом квинтилии, он твердо отклонил сделанное ему предложение, но почему-то о нем не забыл. Теперь предложения возобновились, и часть его натуры бурно радовалась перспективе получить еще одно специальное назначение. Он и так уже накопил их немало, буквально вырывая каждое у оппозиции, так почему бы не получить еще одно, самое важное? Но он – Помпей из Пицены и больше походит на галла, чем на истинного римлянина.

Несгибаемые приверженцы *mos maiorum* были категорически против. Катон, Бибул, Луций Агенобарб, Метелл Сципион, старый Курион, Мессала Нигер, все Клавдии Марцеллы, все Лентулы. Непреклонные. Очень влиятельные, хотя ни один из них не поднялся над Римом так высоко, как уроженец Пицены Помпей.

Должен ли он пойти на это? Что это ему сулит? Скорую катастрофу? Или блистательный взлет, достойно венчающий длинную цепь триумфальных побед?

Обуреваемый такими сомнениями, он метался по пустой спальне, слишком большой для одного. Его порывистые движения повторяло огромное зеркало из полированного серебра,

которое после смерти Юлии он велел перенести к себе в надежде, что в нем еще живы тени ее отражений. Надежды были напрасными, и он перестал обращать внимание на зеркало. Но сейчас вдруг обратился и увидел себя. Остановился, удивленно вгляделся, глаза его увлажнились. Для Юлии он старался держать себя в форме, оставаясь Помпеем ее девичьих грез – статным, подтянутым, мускулистым. Возможно, он и не смотрел на себя до этого момента.

Помпей Юлии исчез. Перед ним стоял пожилой грузный мужчина со вторым подбородком и отвисшим животом. На боках вместо талии складки жира. Знаменитые голубые глаза потускнели и заплыли, нос, сломанный при падении с лошади около полугода назад, стал совсем приплюснутым. Только волосы оставались по-прежнему блестящими и густыми, только золото теперь превратилось в серебро.

За спиной кашлянул слуга.

– Да? – спросил Помпей, вытирая глаза.

– Гней Помпей, к тебе посетитель. Тит Мунаций Планк Бурса.

– Подай мою тогу!

Планк Бурса ожидал в кабинете.

– Добрый вечер! – громко приветствовал его Помпей.

Он сел за письменный стол, не спеша сложил руки и вперил в визитера свой буравящий взгляд, которым пользовался вот уже лет тридцать.

– Ты припозднился. Как все прошло?

Планк Бурса громко прокашлялся. Он не отличался красноречием.

– Пира, который бывает по случаю инаугурации, не было. Без консулов никто о нем не подумал. Поэтому я обедал у Клодия.

– Да, да, но сначала о главном, Бурса! Что было в сенате?

– Лоллий предложил назначить тебя диктатором, но, когда с ним стали соглашаться, выступил с возражениями Бибул. Он хорошо говорил. После него выступил Лентул Спинтер, потом Луций Агенобарб. Заявил, что ты станешь диктатором только через их трупы. Потом поднялся Цицерон. Еще одна хорошая речь, но уже в твою пользу. Все стали склоняться к мнению Цицерона, однако Катон устроил обструкцию. Председательствовал Мессала Руф, и собрание было закрыто.

– Когда следующее заседание? – хмурясь, спросил Помпей.

– Завтра утром. Мессала Руф созывает его с намерением избрать интеррекса.

– Так-так. А что Клодий? Что ты узнал, обедая у него?

– Он собирается распределить вольноотпущенников по всем тридцати пяти римским трибам, как только его выберут претором, – сказал Бурса.

– Чтобы потом контролировать Рим через плебейских трибунов?

– Да.

– Кто еще был там? Как они реагировали?

– Курион возражал, причем очень резко. Марк Антоний говорил мало. И Децим Брут. И Помпей Руф.

– Ты хочешь сказать, что все, кроме Куриона, одобрили идею Клодия?

– О, вовсе нет. Все были за Куриона. Он просто высказал общее мнение. Назвал Клодия сумасшедшим.

– Подозревает ли Клодий, что ты работаешь на меня?

– Никто ни о чем не подозревает, Магн. Мне доверяют.

Помпей пожевал нижнюю губу.

– Хм... – Он глубоко вздохнул. – Тогда нам надо подумать, как повести дело так, чтобы тебя не раскусили и завтра. Ибо на завтрашнем заседании ты не очень-то облегчишь Клодию жизнь.

Бурса сохранил свой обычный невозмутимый вид:

- Что я должен сделать?
- Когда Мессала Руф начнет жеребьевку, ты наложишь вето на процедуру.
- Вето на назначение интеррекса? – тупо переспросил Бурса.
- Правильно. Вето на назначение интеррекса.
- Можно спросить почему?

Помпей усмехнулся:

- Можно. Но я не отвечу.
- Клодий придет в ярость. Ему нужны выборы.
- Даже если Милон выдвинет себя в консулы?

– Да, потому что он убежден, что Милона не изберут. Магн, он знает, что ты поддерживаешь Плавтия, ему известно, сколько денег ушло на взятки. А Метелл Сципион, который мог бы поддержать Милона, потому что тот связан с Бибулом и Катоном, сам баллотируется и тратит деньги на поддержку своей кандидатуры. Клодий уверен, что Плавтий пройдет в младшие консулы. А старшим консулом станет Метелл Сципион.

– Тогда после собрания скажи Клодию, будто точно узнал, что я поддерживаю не Плавтия, а Милона.

– О, умно! – воскликнул Бурса, внезапно оживившись. Он немного подумал и кивнул. – Клодий в это поверит.

– Ну и отлично! – весело бросил Помпей.

В дверь постучали, и он встал. Планк Бурса тоже поднялся. Вошел секретарь.

– Гней Помпей, срочное письмо, – пояснил он, поклонившись.

Помпей взял письмо, прикрывая рукой печать, и вновь вернулся к столу.

Бурса осторожно прочистил горло.

– Да? – спросил Помпей, поднимая глаза.

– Я... гм... несколько поиздержался...

– После завтрашнего заседания мы это уладим.

Удовлетворенный Планк Бурса выскользнул из кабинета, а Помпей, сломав печать, погрузился в чтение письма Цезаря. Оно было коротким.

Пишу из Аквилеи, решив проблемы в Иллирии и собираясь на запад. В Итальянской Галлии задержусь. Накопилось много дел в местных судах. Неудивительно, ведь я зимовал по ту сторону Альп. Но хватит болтать. Я знаю, что ты очень занят.

Магн, мои информаторы в Риме уверяют, что наш старый друг Публий Клодий, став претором, намерен распределить вольноотпущенников по всем тридцати пяти римским трибам. Уверен, ты согласен, что этого нельзя допустить. Если это случится, Рим будет в руках Клодия до конца его дней. Ни ты, ни я и ни кто другой, от Катона до Цицерона, не сможет противостоять ему. Да и ничто не сможет. Кроме разве что революции.

И она в этом случае действительно вспыхнет. Клодий будет побежден и казнен, а вольноотпущенникам укажут на место. Однако не думаю, что тебе и Риму нужна вся эта грызня. Намного проще не пускать Клодия в преторы.

Не мне говорить тебе, что нужно делать. Но будь уверен, что я, как и все римляне, категорически не хочу видеть Клодия претором.

С наилучшими пожеланиями.

Весьма довольный Помпей отправился спать.

Следующим утром стало ясно, что Планк Бурса в точности выполнил то, что ему было велено. Когда Мессала Руф попытался с помощью жеребьевки определить, кому из глав декурий надлежит сделаться первым из интеррексов, он наложил на его действия вето. Весь сенат взревел от ярости. Клодий с Милоном просто взбесились, но Бурса был непоколебим.

Красный от гнева Катон кричал:

– У нас *должны* быть выборы! Если к новому году консулы еще не вступили в должность, сенат обязан на пять дней назначить одного из патрициев интеррексом. Потом, на другие пять дней, его сменит второй интеррекс, задача которого – организовать выборы новых магистратов. К чему идет Рим, когда любой идиот, проскочивший в народные трибуны, может остановить такой важный и законный процесс, как назначение интеррекса?

– Правильно, правильно! – крикнул под гром аплодисментов Бибул.

Но Планк Бурса стоял на своем и вето не отозвал.

– Почему? – после собрания строго спросил его Клодий.

Бурса напустил на себя таинственный вид, озираясь, чтобы убедиться, что их не подслушивают.

– Я только что узнал, что Помпей Магн поддерживает Милона, – прошептал он.

Это успокоило Публия Клодия, но Милон, хорошо знавший, кто его поддерживает, а кто нет, отправился на Марсово поле, где задал тот же вопрос:

– *Почему?*

– Что «почему»? – с невинным видом переспросил Помпей.

– Магн, ты меня не обманешь! Я знаю, что Бурса – твой человек! Сам он не мог придумать трюк с вето и явно действовал по приказу! *Почему?*

– Дорогой Милон, уверяю тебя, что этот приказ моим не был, – довольно резко ответил Помпей. – Советую тебе поискать среди тех, с кем Бурса связан.

– Ты имеешь в виду Клодия? – опешив, спросил Милон.

– Может, и Клодия.

Большой, смуглый, с лицом гладиатора, хотя никогда на арене не дрался, Милон напряг мускулы и сделался еще больше. Скорее по привычке, чем с какой-либо целью, ибо агрессивные выпады никогда на Помпея не действовали, и это было прекрасно известно Милону.

– Ерунда! – фыркнул он. – Клодий считает, что я в консулы не пройду, и потому стоит за курульные выборы.

– И я считаю, что ты не пройдешь. Но Клодий мог в этом засомневаться. Тебе удалось снискать расположение Бибула и Катона. Я слышал, что и Метелл Сципион ничего против тебя не имеет. Он уже шепнул об этом кое-кому. Всадники Аттик и Оппий его поддержали.

– Так это *Клодий* стоит за Бурсой?

– Возможно, – сказал осторожно Помпей. – Но определенно не я. Что я выигрываю от его действий?

Милон язвительно улыбнулся.

– Диктаторство? – предположил он.

– Я уже от него отказался. Не думаю, что я поправлюсь Риму в этом качестве. Ты в эти дни вроде бы спелся с Бибулом и Катонам. Спроси у них, так это или не так.

Милон прошелся по кабинету Помпея, слишком крупный для этой комнаты, уставленной ценными вещами, привезенными из разных кампаний Помпея, среди которых были золотые венки, золотая виноградная лоза с золотыми виноградинами, золотые урны, искусно расписанные порфиновые чаши. Он остановился и посмотрел на Помпея, все еще спокойно сидевшего за столом из золота и слоновой кости.

– Говорят, Клодий собирается распределить вольноотпущенников по тридцати пяти трибам, – сказал визитер наконец.

– Да, до меня тоже дошел такой слух.

– Он же тогда сделается хозяином Рима.

– Верно.

– А если он не выставит свою кандидатуру на должность претора?

– Определенно Риму будет только лучше.

– Да плевать мне на Рим! Я думаю о себе.

Помпей мило улыбнулся и встал:

– Ты тоже не будешь внакладе.

Он направился к двери. Милон пошел следом.

– Можно ли понимать это как обещание, Магн? – спросил он.

– Тебя порой посещают весьма дельные мысли, – ответил Помпей и хлопнул в ладоши, подзывая секретаря.

Не успел Милон уйти, как ему доложили о приходе нового гостя.

– Ба! Да я становлюсь популярным! – воскликнул Помпей, тепло здороваясь за руку с Метеллом Сципионом и усаживая его в лучшее кресло.

На этот раз он не пошел к столу. Квинт Цецилий Метелл Пий Сципион Назика счел бы это прямым оскорблением. А потому Помпей выбрал для себя кресло попроще и сел только после того, как наполнил две чаши хиосским вином. Таким замечательным, что Гортензий заплакал, когда Помпей его выиграл.

К сожалению, сидящий перед ним человек не обладал интеллектом, сопоставимым со своей захватывающей дух родовитостью, хотя внешне вполне соответствовал ей. Урожденный патриций Корнелий Сципион, усыновленный могущественной плебейской семьей Цецилия Метелла. Надменный, невозмутимый, высокомерный. Некрасивый, как все Корнелии Сципионы. Его приемный отец Метелл Пий, великий понтифик, к несчастью, не имел сыновей, и у Метелла Сципиона тоже не было сына. У него была дочь, три года назад он выдал ее замуж за Публия, сына Красса. Цецилия Метелла, которую, впрочем, все звали Корнелией Метеллой. Помпей хорошо помнил ее, ибо присутствовал вместе с Юлией на свадебной церемонии. «Очень надменная», – сказал он Юлии, а та захихикала и призналась, что Корнелия Метелла всегда напоминала ей верблюда и что ей лучше было бы выйти за Брута, обладателя такого же педантичного, претенциозного ума.

Помпей никогда толком не знал, как надо держаться с такими людьми, как Метелл Сципион. Следует ли быть веселым и общительным, отстраненно вежливым или резким? Нет уж, раз начал, он будет непринужденно-радушным.

– Неплохое вино, а? – спросил он, причмокнув.

Метелл Сципион чуть поморщился.

– Очень хорошее, – откликнулся он наконец.

– Что заставило тебя проделать с утра такой путь?

– Публий Клодий, – ответил Метелл Сципион.

Помпей кивнул:

– Плохо, если слухи правдивы.

– Они правдивы. Молодой Курион беседовал с Клодием и передал содержание разговора отцу.

– Я слышал, старый Курион болен, – сказал Помпей.

– Рак, – коротко отозвался Метелл.

Помпей сочувственно пощелкал языком и умолк. Гость тоже молчал.

– Так почему ты пришел ко мне?

– Другие не захотели.

– Кто эти другие?

– Бибул, Катон, Агенобарб.

– Это потому, что они не знают, кто Первый Человек в Риме.

Аристократический нос чуть задрался.

– Я тоже не знаю, Помпей.

Помпей поморщился. Хоть бы один из них иногда назвал его Магном! Так приятно слышать, как тебя именуют Великим те, кто выше по рождению! Цезарь называл его Магном. Но

будет ли так называть его Катон, или Бибул, или Агенобарб, или этот твердолобый тупица? Нет! Всегда – только Помпей.

– И что же, Метелл? – спросил он, намеренно употребляя плебейское имя.

– У меня есть идея.

– Идея – это прекрасно, Метелл.

Метелл Сципион бросил на него подозрительный взгляд, но Помпей, потягивая вино, спокойно сидел в своем кресле.

– Мы оба – очень богатые люди, Помпей. Мы можем откупиться от Клодия.

Помпей кивнул.

– Да, я тоже думал об этом, – сказал он и печально вздохнул. – К сожалению, Клодий не нуждается в деньгах. Его жена баснословно богата и станет вдвое богаче, когда умрет ее мать. И он хорошо нажился на посольстве в Галатию и теперь строит дорогущую виллу. Причем быстро, я это знаю, ибо порой наезжаю в собственное поместье на склоне Альбанской горы. Строится на стофутových колоннах с фасада, выступает над краем стофутowego утеса. Великолепный вид на озеро Неми и Латинскую равнину до самого моря. Он получил землю почти даром, потому что все думали, что участок непригоден, и поручил стройку Киру. И вот вилла почти готова. – Помпей энергично покачал головой. – Нет, Сципион, это не сработает.

– Тогда что же нам делать?

– Приносить жертвы и воздавать почести всем богам, каких можем вспомнить, – усмехнулся Помпей. – Кстати, я послал полмиллиона весталкам для *Vona Dea*. Этой богине Клодий тоже не нравится.

Метелл Сципион изумленно вытаращил глаза:

– Помпей, *Vona Dea* – богиня женщин! Мужчины не могут к ней обращаться.

– Мужчины не могут, – весело согласился Помпей. – Я послал свой дар от имени моей покойной тещи Аврелии.

Метелл Сципион осушил свою чашу и встал.

– Может быть, ты и прав, – сказал он. – Я мог бы сделать весталкам пожертвование от имени моей бедной дочери.

Понимая, что от него ждут сочувствия, Помпей незамедлительно его проявил:

– Как она? Ужасно, Сципион, просто ужасно! Овдоветь такой молодой!

– Ничего, держится, – сказал Сципион, покидая кабинет. – Ты тоже недавно овдовел, – продолжил он, грузно шагая по мозаичному полу ведущего к выходу коридора. – Может, заглянешь к нам отобедать? Посидим по-семейному. Ты, я и она.

Помпей просиял. Приглашение от Метелла Сципиона! Он бывал у Метелла на официальных приемах в его ужасном и слишком тесном доме, но приглашения на семейный обед не получал никогда.

– С удовольствием, Сципион, – сказал он, самолично распахивая тяжелые двери. – Буду рад еще раз побывать в твоём доме.

Но Метелл Сципион домой не пошел. Он направился к небольшому скромному особняку, в котором проживал Марк Порций Катон – ярый враг роскоши и всего показного. Там был и Бибул.

– Ну что же, я сделал это, – сказал Метелл Сципион, тяжело опускаясь в кресло.

Парочка переглянулась.

– Вы говорили о Клодии? – спросил Бибул.

– Да.

– А понял ли он истинную причину визита?

– Думаю, да.

Подавив вздох, Бибул пристально посмотрел на пожилого сообщника, потом подался вперед и похлопал его по плечу.

– Ты молодец, Сципион, – похвалил он.

– Замечательно, – сказал Катон, одним глотком осушил свою чашу и вновь наполнил ее, подтянув к себе керамическую бутылку. – Хотя мы и не очень любим этого человека, нам следует привязать его к себе. И столь же крепко, как это некогда сделал Цезарь.

– Используя мою дочь? – спросил Метелл Сципион.

– Ну не мою же! – заржал Катон. – Помпею нравятся только патрицианки. С ними он чувствует себя очень важным. Чуть ли не Цезарем, а?

– Она не захочет, – произнес Метелл Сципион убитым голосом. – Публий Красс был очень знатным. Ей это нравилось. И еще ей нравился сам Публий Красс. Правда, они толком и не пожили. После свадьбы он убыл к Цезарю, а потом в Сирию вместе с отцом. – Он поежился. – Я даже не знаю, как ей намекнуть, что собираюсь выдать ее за Помпея Пиценского. За сына Страбона!

– Скажи ей правду, – посоветовал Бибул. – Скажи, что это нужно для дела.

– Но я, право, не все понимаю, Бибул.

– Тогда повторю специально для тебя, Сципион. Мы должны перетянуть Помпея на нашу сторону. Это тебе понятно?

– Думаю, да.

– Хорошо. Идем дальше. Обратимся к событиям четырехлетней давности. К тем, что происходили в Луке. Цезарь устроил там совещание с Помпеем и Марком Крассом. Поскольку Помпей был влюблен в дочь Цезаря, тот убедил своего зятя помочь узаконить для него второй наместнический срок. Если бы Помпей отказался, Цезарь был бы теперь вечным ссыльным, лишенным всего, чем владеет сейчас. А ты, Сципион, был бы великим понтификом, не забывай. Цезарь подкупил Помпея и Марка Красса, пообещав им второе консульство, но ему не удалось бы этого сделать, если бы не Юлия. Хотя что помешало бы Помпею выдвинуть свою кандидатуру на второе консульство?

– Юлия мертва, – заметил Метелл Сципион.

– Да, но Цезарь все еще держит Помпея! И пока Помпей у него в руках, есть шанс, что ему удастся продлить свое наместничество в Галлии вплоть до второго выдвижения в консулы. Через четыре года ему это позволит закон.

– Но почему ты все время толкуешь о Цезаре? – выразил удивление Метелл Сципион. – Разве сейчас не Клодий представляет опасность?

Катон так стукнул чашей о стол, что Метелл Сципион от неожиданности подпрыгнул.

– Клодий! – вскричал он презрительно. – Что бы ни затевал наш дружок Клодий, это Республике не повредит. Кто-нибудь его остановит. Но только мы, *boni*, можем остановить подлинного врага *boni*, Цезаря.

Бибул вновь принялся объяснять:

– Сципион, если Цезаря не осудят до повторного консульства, мы уже никогда не свалим его! Он проведет через собрания законы, которые не позволят привлечь его ни к какому суду! Потому что теперь Цезарь – герой. Сказочно богатый герой! В первое консульство у него не было почти ничего, кроме имени. А по прошествии десятка лет ему будет дозволено делать все, что угодно, ибо в Риме полно его ставленников. Рим считает его величайшим из римлян. Цезарь не ответит ни за одно из своих преступлений – даже боги к нему повернутся, отвернувшись от всех остальных!

– Да, все это мне известно, Бибул, но я помню, сколько раз мы пытались расправиться с ним, – упрямо сказал Метелл Сципион. – Каждый очередной заговор стоил нам массу денег, и каждый раз ты говорил одно: Цезарю пришел конец. Но выходило иначе!

– Лишь потому, что у нас не имелось достаточного влияния, – кротко пояснил Бибул. – А почему? Да потому, что мы презирали Помпея. Мы отворачивались от него, а Цезарь вступил с ним в союз. Он, безусловно, тоже его презирает, с такими-то предками! Но он использует этого

выскачку. Обладающего огромным политическим весом. Претендующего на звание Первого Человека в Риме. Как вам это нравится?! Ха! Цезарь отдал ему свою дочь, которая могла выйти замуж за любого патриция. У нее в родословной и Юлии, и Корнелии – все. Она была помолвлена с Брутом, самым богатым аристократом с огромными связями. Но Цезарь разорвал эту помолвку. Сервилия пришла в ярость, все родичи – в ужас, но Цезарю было на это плевать! Он поймал Помпея в свои сети и сделался неуязвимым. А если мы поймаем Помпея, он сделает неуязвимыми нас. Вот почему ты предложишь ему свою дочь.

Катон слушал, не сводя глаз с Бибула. Лучший, самый испытанный, самый преданный друг. Такой миниатюрный. Волосы, брови, ресницы белые, почти незаметные. Даже глаза беле-ые. Острое личико и острый ум. Вот за что Цезарю можно выразить благодарность. Этот ум оттачивался в противостоянии с ним.

– Хорошо, – вздохнул, поднимаясь, Метелл Сципион. – Я сегодня же поговорю с ней. Ничего не могу обещать, но, если она согласится, я сведу их с Помпеем.

Проводив Сципиона, Катон вернулся.

– Вот и славненько, – сказал Бибул.

Катон поднес к губам простую глиняную чашу, хлебнул вина. Бибул укоризненно покачал головой.

– Катон, стоит ли? – спросил он. – Раньше я считал, что вино не влияет на ясность твоего ума, но это уже не так. Ты пьешь слишком много. Вино погубит тебя.

Действительно, в последние дни Катон выглядел неважно, хотя былой стати не потерял; как и прежде, он был высок и хорошо сложен. Но лицо его, некогда живое и чистое, стало землистым, морщинистым, несмотря на то что ему исполнился лишь сорок один год. Нос, выдающийся даже здесь, в городе большеносых, теперь сделался главной достопримечательностью его лица, а когда-то это были глаза, широко открытые, серые, светящиеся. А коротко подстриженные золотисто-каштановые, слегка выующиеся волосы побурели.

Он пил и пил. Особенно с тех пор, как отдал Гортензию свою Марцию. Бибул знал, конечно, почему он так поступил, хотя Катон никогда не обсуждал это с ним. Любовь не то чувство, с которым Катон мог справиться, особенно с любовью столь пылкой и страстной, какую он питал к Марции. Она мучила его, она грызла его. Каждый день он думал о Марции. Каждый день он думал, сможет ли жить, если она умрет, как умер его любимый брат Цепион. Поэтому когда вонючий Гортензий попросил, он увидел выход. Быть сильным, снова принадлежать себе! Отдать ее. Отделаться от нее.

Но это не помогло. Теперь он проводил свои ночи с философом-приживалой – Афинодором Кордилионом. Тот охотно бражничал с ним, проливая горячие слезы над каждой напыщенной и самодовольной сентенцией Катона Цензора, словно автором ее был сам Гомер. А под утро, когда все добрые люди вставали, они погружались в оцепенение, в сон.

Не будучи по натуре чувствительным, Бибул не понимал глубины терзающей друга боли, но он любил его, и главным образом как негибавшего бойца. Катон противостоял всему и всем, от Цезаря до Марции. Никогда не сдавался, всегда шел до конца.

– Порции скоро исполнится восемнадцать, – сказал вдруг Катон.

– Я знаю, – несколько удивленно отозвался Бибул.

– А у меня нет для нее жениха.

– Ты, помню, прочил ей Брута...

– Он в Сицилии.

– Но вот-вот вернется. Аппий Клавдий ему больше не нужен. Поэтому с Клавдией он, скорее всего, разведется, если получит новое предложение.

Раздался смех, похожий на ржание.

– Только не от меня! У Брута был шанс. Он женился на Клавдии, и кончим на том.

– А как насчет отпрыска Агенобарба?

Катон наклонил бутылку. Тонкая темная струйка полилась в опустевшую чашу. Глаза в красных прожилках лукаво блеснули.

– А как насчет тебя, старина?

Бибул ахнул:

– Меня?

– Да, тебя. Домиция умерла, так почему бы...

– Я... я... я никогда не думал... о боги, Катон!

– Разве она тебе не подходит, Бибул? Я понимаю, у Порции нет приданого в сто талантов, но она далеко не бедна. С хорошим происхождением, прекрасным образованием. Верная, прямодушная. – Он повертел в руках чашу. – Жаль, что она девушка, а не юноша. Она стоит тысячи римских юнцов.

С глазами, полными слез, Бибул протянул другу руку.

– Марк, конечно, я возьму ее! Для меня это честь.

Но Катон не ответил на жест.

– Ладно, посмотрим, – проворчал он и допил вино.

В семнадцатый день января Публий Клодий оделся для верховой прогулки, прикрепил к поясу меч и пошел к жене. Фульвия с отсутствующим видом полулежала на мягкой кушетке. Ночная сорочка из тончайшего шелка облегла ее роскошные формы. Увидев, во что одет муж, она выпрямилась:

– Клодий, в чем дело?

Он сделал гримасу, сел на край ложа и поцеловал ее в лоб:

– Душенька моя, Кир умирает.

– О нет! – Фульвия уткнулась в плотную льняную рубашку супруга, потом удивленно вскинула голову. – Но ты едешь куда-то! Почему? Разве Кир умирает не в Риме?

– Да, он в Риме, – сказал Клодий с искренней горечью в голосе, и не только потому, что умирал лучший римский архитектор. – Мне необходимо съездить на стройку. Он вбил себе в голову, что в его расчеты вкралась ошибка. Он никому не поверит, кроме меня. Я должен все проверить на месте. Завтра вернусь.

– Клодий, не оставляй меня!

– Придется, – сказал с грустью Клодий. – Тебе нездоровится, а мне надо спешить. Врачи говорят, что Кир долго не протянет. Мне хочется успокоить несчастного старика.

Он крепко поцеловал жену в губы, поднялся.

– Будь осторожен! – выдохнула она.

Клодий усмехнулся:

– Я всегда осторожен. Со мной едут Скола, Помпоний и вольноотпущенник Гай Клодий. А также тридцать вооруженных рабов.

Красавиц-лошадей вывели из конюшен, расположенных за Сервиевой стеной в долине Камен. На узкой улице, куда выходила дверь дома Клодия, отъезжающих окружила толпа зевак. Впрочем, для столь бурных времен в подобном зрелище не было ничего необычного. Знать никуда не ездила без охраны. Но это была внезапная, незапланированная поездка, и Клодий надеялся вернуться раньше, чем об его отсутствии станет известно. К тому же рабы-охранники умели обращаться с оружием, хотя в этот раз им не выдали кирас и шлемов.

– Куда направляешься, Друг Солдат? – спросил человек из толпы, широко ухмыляясь.

Клодий остановился.

- Тигранокерт? Лукулл? – спросил он.
- Нисибис, Лукулл, – ответил мужчина.
- Славные деньки были, а?
- Почти двадцать лет прошло, друг! Но все наши помнят Публия Клодия, будь уверен.
- Он теперь постарел и присмирел, солдат.
- Куда направляешься? – опять спросил человек.
- Клодий вскочил в седло, мигнул Сколе.
- К Альбанской горе, – сказал он. – Но только на одну ночь. Завтра я опять буду здесь.

Он повернул коня и поскакал по аллее в сторону Палатина. Трое спутников и тридцать вооруженных рабов двинулись следом за ним.

- Альбанская гора, на одну ночь, – задумчиво повторил Тит Анний Милон.

Он протянул через стол небольшой мешочек с серебряными денариями человеку, который окликнул Клодия из толпы.

- Благодарю, – сказал тот, поднимаясь на ноги.

– Фавста, – резко бросил через минуту Милон, врываясь в покои супруги. – Я знаю, тебе это придется не по нраву, но завтра с утра ты едешь со мной в Ланувий. Упакуй свои вещи и будь готова. Это не просьба, а приказ.

Для Милона женитьба на Фавсте явилась маленьким торжеством над Публием Клодием. Она была дочерью Суллы, а ее брат-близнец Фавст Сулла принадлежал к кругу Клодия, как и пользующийся дурной славой племянник Суллы Публий Сулла. Сама Фавста не входила в эту компанию, но связей с ней не теряла. Прежде она была замужем за племянником Помпея Гаем Меммием, пока тот не застал женушку в недвусмысленной ситуации с очень молодым и очень мускулистым мужчиной. Фавсте нравились мускулистые мужчины. А Меммий, несмотря на смазливую внешность, был худосочным, занудным и до противности преданным своей мамаше, сестрице Помпея, а теперь жене Публия Суллы.

Поскольку Милон был мускулист, хотя и не очень молод, ему не составило труда очаровать Фавсту и жениться на ней. Поднялся крик. Пуще всех вопил Клодий, даже громче, чем Фавст или Публий Сулла! Признаться, Фавста так и не излечилась от влечения к молодым и физически развитым ухажерам. Дошло до того, что однажды Милону пришлось высечь некогда Гая Саллюстия Криспа. Рим был доволен, хотя и не знал, что Милон выпорол и Фавсту, обуздав ее нрав.

К сожалению, Фавста пошла не в отца, в юности записного красавца. Нет, она походила на своего двоюродного деда, знаменитого Метелла Нумидийского. Грузная, коренастая, сварливая. Но все женщины одинаковы в темноте, поэтому Милон получал от нее точно такое же удовольствие, как от красоток, с которыми развлекался.

Помня о порке, Фавста не пыталась возражать. Она с тоской посмотрела на мужа и, хлопнув в ладоши, позвала своих слуг и рабынь.

Милон ушел и закрылся в секретной комнате со своим вольноотпущенником Марком Фустеном, который не носил имя Тит Анний, потому что стал клиентом Милона после освобождения из школы гладиаторов. Фустен было его собственное имя. Он был римлянином, приговоренным к гладиаторским боям за убийство.

– Планы несколько изменились, – отрывисто заговорил Милон. – Мы едем в Ланувий по Аппиевой дороге. Какая удача! Все знают, что я уже второй месяц собираюсь в мой родной город, чтобы предложить кандидатуру нового фламينا. Никто не сможет сказать, что у меня не имелось причины оказаться на Аппиевой дороге. Никто!

Фустен, почти столь же крупный, как и его патрон, промолчал, но кивнул.

– Фавста решила ехать со мной, поэтому нам нужна большая повозка.

Снова кивок.

– Найми еще несколько повозок для слуг и для багажа. Мы там задержимся на какое-то время. – Он помахал запечатанным свитком. – Отправь это Квинту Фуфию Калену. Поскольку я еду с женой, хорошая компания не помешает. Кален нам подойдет.

Фустен кивнул еще раз.

– Нам также нужна полная охрана. – Милон кисло улыбнулся. – Фавста, несомненно, захочет взять все свои драгоценности, не говоря уже о столе из тетраклиниса, который она обожает. Сто пятьдесят человек, Фустен. Все в кирасах, шлемах, с оружием.

Фустен кивнул.

– И немедленно пришли ко мне Биррию и Эвдама.

Фустен кивнул и ушел.

Близился вечер, но Милон все еще хлопотал, отдавая распоряжения. Только когда совсем стемнело, он позволил себе удовлетворенно откинуться на подушки, чтобы насладиться запоздалым обедом. Все было сделано. Квинт Фуфий Кален пришел в восторг от предложения проветриться с другом, Марк Фустен подготовил лошадей для эскорта, а у повозок и просторной двуколки проверили каждую ось.

На рассвете явился Кален. Милон и Фавста неспешно дошли с ним до назначенного места за Капенскими воротами. Там толпились конники и стояла двуколка.

– Чудесно! – промурлыкала Фавста, усаживаясь на мягкое сиденье спиной к мулам.

От этих животных можно ждать всякого, на что воспитанной женщине смотреть неприлично. Напротив нее сели Милон и Кален, с удовольствием обнаружив перед собой небольшой столик для игры в кости и походной трапезы. На остальных местах возле Фавсты устроились ее служанка и слуга для Милона и Калена.

Как и все римские повозки, двуколка не имела рессор, чтобы сгладить дорожную тряску, но дорога между Римом и Капуей была практически ровной, покрытой слоем хорошо утрамбованной цементной пыли, которую в знойную пору времени от времени поливали. Неудобство езды заключалось в непрерывной вибрации, а не в толчках. Естественно, челяди, разместившейся в менее комфортабельных транспортных средствах, приходилось хуже, чем господам, но все были рады сменить обстановку и в приподнятом настроении доехали до развилки в полумиле от Капенских ворот, где свернули на Аппиеву дорогу, оставив Латинскую в стороне. Фавста взяла с собой всех своих служанок, парикмахеров, банщиц, прачек, а также музыкантов и другую челядь. Милона сопровождали слуги, виночерпий, повара и пекари. У всех рабов, занимавших высокие должности, имелись собственные рабы. Всего, включая охрану, к Ланувиию двигалось около трехсот человек. Колонна перемещалась со скоростью пять миль в час, было весело, и никто не сомневался, что путешествие благополучно закончится где-то часов через семь.

Аппиева дорога являлась одной из самых древних римских дорог и принадлежала Клавдиям Пульхрам – роду, к которому относился и Клодий, – ибо она была построена Аппием Клавдием Слепым и обязанность содержать ее в порядке между Римом и Капуей легла на его потомков. Вдоль этой дороги всех патрициев Клавдиев и хоронили. Поколения покойных Клавдиев лежали по обе ее стороны, – разумеется, были здесь представители и других родов. Памятники стояли не особенно кучно, их линия не была сплошной и порой прерывалась на целую милю.

Публий Клодий с удовлетворением убедился, что умирающий Кир беспокоился напрасно. Не было сомнений, что величественное строение, спроектированное старым греком, будет неколебимо стоять над отвесным обрывом. О, какое место для виллы! Ее горделивый и дерзостный вид еще заставит задохнуться от зависти Цицерона, этого интригана и сплетника, этого *cupinus*, осмелившегося воздвигнуть себе новый дом такой высоты, что тот заслонил в доме Клодия вид на Форум. Поскольку Цицерон был страстным любителем загородных вилл,

скоро он проедет по Аппиевой дороге и прокрадется к Бовиллам, чтобы посмотреть, что делает Клодий. И когда он это увидит, то от злости станет зеленее лугов Лация!

Проверка расчетов старого грека много времени не заняла, и Клодий мог уже к утру попасть в Рим. Однако ночь выдалась темной, безлунной, так зачем рисковать? Не лучше ли заночевать на собственной вилле недалеко от Ланувия, а когда рассветет, отправиться в путь? Тамошняя челядь найдет чем накормить хозяина и Сколу, Помпония и Гая Клодия, а рабы, у которых всегда есть что-то в заглазнике, позаботятся о себе сами.

С восходом солнца он уже неслся по Аппиевой дороге в сторону Рима. Его подстегивало стремление поскорее увидеться с Фульвией, без которой он редко куда-либо выезжал. Но она занедужила, и Клодий гнал скакуна, а эскорт опечаленно поспешал за ним следом. Нет, без Фульвии Клодий делался просто невыносимым! Все это знали, но приходилось терпеть.

Клодий легким галопом проскакал мимо Бовилл, не обращая внимания на отпрыгивавших к обочинам жителей, равно как и на их овец, лошадей, свиней, кур и мулов. День был базарным, но уже в миле от этого гудящего города местность казалась необитаемой, хотя до Сервиевой стены Рима было всего тринадцать миль. Земля по обе стороны дороги принадлежала молодому всаднику Титу Сертию Каллу, у которого хватало денег, чтобы не прельститься многочисленными предложениями о продаже этих роскошных пастбищ. В полях паслись красивые лошади, которых он разводил. Но великолепная вилла стояла так далеко от дороги, что ее не было видно. Единственной постройкой на обочине была небольшая таверна.

Впрочем, вдали виднелось что-то еще.

– Кто-то едет, их много, – сказал давний друг Клодия Скола, настолько давний, что они уже и не помнили, где познакомились и когда.

– Хм, – буркнул Клодий, взмахом руки приказывая своим людям посторониться.

Те мигом подались на обочину. Когда на дороге встречались две кавалькады, меньшая обыкновенно уступала путь большей, а к ним сейчас приближался приличный обоз.

– Наверное, Сампсикерам везет свой гарем, – пошутил Гай Клодий.

– Нет, – возразил, щурясь, Помпоний. – О боги, это же маленькая армия! На них кирасы!

В тот же миг Клодий узнал переднего конника. Марк Фустен!

– Дерьмо! – воскликнул он. – Это Милон!

Скола, Помпоний и Гай Клодий вздрогнули, лица их побелели, но Клодий пришпорил коня.

– Скорее! Гоним во весь опор! – крикнул он.

Двуколка с Фавстой, Милоном и Фуфием Каленом двигалась в середине процессии. Клодий, проносясь мимо, зло покосился на них и успел краем глаза заметить, что Милон высунулся и с ненавистью глядит ему вслед.

Поезд был длинным, но Клодий почти его миновал. Неприятности начались, когда он поравнялся с арьергардом охраны. Вооруженные конники пропустили первую четверку всадников, но потом развернулись и перегородили дорогу рабам. У некоторых из них были копья. Они тут же пустили их в ход, подкалывая чужих лошадей. Те мигом вздыбились, и несколько рабов Клодия упали на землю. Остальные, изрыгая проклятия, выхватили мечи. Клодий и Милон ненавидели друг друга, но эта ненависть была ничем в сравнении с взаимной ненавистью их слуг.

– Не останавливайся! – крикнул Скола, когда Клодий осадил скакуна. – Будь что будет! Мы уже проскочили!

– Я не могу оставить своих людей! – разворачивая коня, крикнул Клодий.

Арьергард охраны Милона замыкали самые верные его прихвостни, бывшие гладиаторы Биррия и Эвдам. И как только Клодий привстал в стремях, чтобы скакать к своим людям, Биррия поднял копье, прицелился и метнул.

Листовидный наконечник копья воткнулся в плечо Клодия с такой силой, что выбил его из седла. Он упал на дорогу и опрокинулся на спину, вцепившись обеими руками в тяжелое древко. Трое друзей, спрыгнув с коней, подбежали к нему.

Не теряя присутствия духа, Скола оторвал большой кусок от полы своего плаща и свернул его в плотный ком. Он кивнул Помпонию и, когда тот выдернул копье, приложил тампон к ране. Гай Клодий с Помпонием, подняв Клодия и подхватив под руки, бегом потащили его к придорожной таверне.

Поезд Милона остановился. Милон выскочил из коляски и выхватил меч. С рабами Клодия было покончено. Одиннадцать из них лежали недвижно, столько же еще дергались в предсмертных судорогах, остальные бежали через поля. Подъехал Фустен.

– Они утащили его в ту таверну, – сказал Милон.

Сзади него в двуколке было очень шумно: крики, визг, вопли. Милон сунул голову в окно и увидел, что Кален и его слуга возятся с Фавстой и ее служанкой. Отлично. Кален хорошо выполняет свою работу: он занят Фавстой и не увидит, что происходит.

– Оставайся здесь, – коротко бросил он товарищу, которому некогда было даже голову поднять. – Клодий затеял драку. Ее надо закончить. – Он отступил и кивнул Фустену, Биррии и Эвдаму. – Идем.

Как только на дороге вспыхнула ссора, хозяин таверны велел жене, детям и троим рабам бежать через заднюю дверь. Завидев раненого, он затрясся, его глаза от испуга едва не выскочили из орбит.

– Постель, быстро! – крикнул Скола.

Трактирщик дрожащим пальцем указал на дверь боковой комнатухи. Клодия уложили на тощий соломенный тюфячок. Ткань тампона, прижатого к ране, сделалась ярко-алой, с нее уже капало. Скола посмотрел на трактирщика.

– Найди еще тряпок! – бросил он, вновь отрывая кусок от плаща, чтобы заменить намокшую ткань.

Глаза Клодия были открыты, он тяжело дышал.

– Все нормально, – сказал он, бодрясь. – Я выживу, Скола. Но шансов у меня будет больше, если вы поспешите в Бовиллы за помощью. Здесь со мной все будет в порядке.

– Клодий, нет! – прошептал Скола. – Поезд Милона остановился. Они найдут тебя и убьют!

– Они не посмеют! – воскликнул Клодий. – Ступайте, ступайте!

– Двое справятся. Я останусь с тобой.

– Уходите все трое! – приказал Клодий сквозь зубы. – Я настаиваю, Скола! Вперед!

– Хозяин, – обратился Скола к трактирщику, – смени меня. Прижми тампон к ране и держи так. Мы скоро вернемся.

Через минуту за стенами хижины послышался стук копыт.

Голова кружилась. Клодий закрыл глаза, стараясь не думать о том, что с ним будет.

– Как зовут тебя, человек? – спросил он, не открывая глаз.

– Азиций.

– Что ж, Азиций, постарайся прижимать плотнее и составь компанию Публию Клодию.

– Публию Клодию? – с дрожью в голосе переспросил Азиций.

– Именно так. – Клодий поднял веки и усмехнулся. – У меня неприятности! Представляешь, я встретил Милона!

В дверях показались тени.

– Да, представляешь, он встретил Милона, – подтвердил с порога Милон.

Клодий с презрением посмотрел на него:

– Если ты убьешь меня, Милон, тебя осудят. Ты станешь изгнанником до конца своих дней.

– Я так не думаю, Клодий. Меня оправдает Помпей. – Милон пинком опрокинул Азиция на пол и наклонился к ране. – Ну, это не смертельно, – сказал он и кивнул Фустену. – Тащите его на улицу.

– А с этим что? – спросил Фустен, косясь на Азиция.

– Убей его.

Один стремительный взмах – и голова трактирщика развалилась надвое. Биррия и Эвдам сдернули Клодия с ложа, повлекли к выходу и бросили на Аппиеву дорогу.

– Разденьте его, – усмехнулся Милон. – Я хочу проверить, верны ли слухи.

Острым как бритва мечом Фустен распорол одеяние Клодия от паха до подбородка, потом рассек и набедренную повязку.

– Взгляните-ка! – расхохотался Милон. – Он и вправду обрезан!

Концом меча он подбросил вверх пенис Клодия, блеснули капельки крови.

– Поднимите его!

Биррия и Эвдам послушно поставили Клодия на ноги, голова того вскинулась и упала на грудь. Он не видел ни Милона, ни его прихвостней. Он видел только грудку камней на обочине. В венчающем ее красном камне было вырезано отверстие в форме женских половых органов. *Bona Dea*... Простой придорожный алтарь в несчастливых тринадцати милях от Рима. У его основания лежали цветы. Рядом стояли блюдо с молоком и небольшая корзиночка с яйцами.

– *Bona Dea*! – прохрипел Клодий. – О *Bona Dea*!

Из широкой щели вульвы богини показалась головка змеи. Холодные черные немигающие глаза священного существа уставились на богохульника, дерзнувшего своим присутствием нарушить ход тайного ритуала в день чествования Благой Богини. Змея не моргала, мерно поблескивал лишь ее черный раздвоенный язычок, то появляясь, то исчезая. Меч Фустена глубоко погрузился в живот раненого и, задев позвоночник, вышел наружу, но тот словно не ощутил боли. Ничего не почувствовал он и тогда, когда Биррия вновь пронзил копьем его грудь, а Эвдам вывалил его внутренности на пропитанную кровью дорогу. И до тех пор, пока жизнь еще теплилась в истерзанном теле Публия Клодия, он и змея неотрывно смотрели друг на друга.

– Дай мне твою лошадь, Биррия, – сказал Милон, вскакивая в седло.

Его поезд уже приближался к Бовиллам. Фустен причмокнул, Биррия вскочил на широкую спину кобылы Эвдама, и все четверо устремились за кавалькадой.

Священная змея убрала голову и удовлетворенно свернулась в клубок в вульве *Bona Dea*.

Семья Азиция и рабы возвратились с полей. Обнаружив хозяина мертвым, они выглянули за дверь, увидели тело Публия Клодия и опять убежали.

В светлое время суток Аппиева дорога всегда полнилась путниками. Не был исключением и восемнадцатый день января. Одиннадцать рабов Клодия были мертвы, еще одиннадцать медленно умирали. Но никто не остановился, чтобы помочь им. Когда Скола, Помпоний и вольноотпущенник Гай Клодий вернулись к таверне в сопровождении наемной повозки и группы селян, они сгрудились вокруг тела товарища и зарыдали.

– Нас тоже убьют, – сказал Скола. – Как убили трактирщика. Милон не успокоится, пока не перебьет всех свидетелей.

– Тогда мне тут делать нечего! – сказал владелец телеги, развернулся и укатил.

После краткой неловкой заминки его примеру последовали и все остальные. Клодий продолжал лежать на дороге в луже крови, среди своих внутренностей. О *Bona Dea*! Его остекленевшие глаза были устремлены на алтарь.

К полудню движение по дороге усилилось. Путники с ужасом озирали последствия кровавой бойни и торопились уйти. Наконец к одинокой таверне медленно приблизился паланкин

старого римского сенатора Секста Тедия. Недовольный тем, что носильщики остановились, он выглянул из-за занавесок, и взгляд его упал на лицо Клодия. Он с трудом выбрался из паланкина, опираясь на прочный тяжелый костыль. У него не было одной ноги. Он потерял ее под началом Суллы в боях против царя Митридата.

– Положите беднягу в мой паланкин и отнесите в его римский дом, – распорядился Секст Тедий, потом поманил слугу. – Ксенофонт, помоги мне вернуться в Бовиллы. Там должны знать, что тут случилось! Теперь мне понятно, почему все эти идиоты так *странно* поглядывали на нас.

В результате примерно за час до заката запыхавшиеся рабы Секста Тедия пронесли тело Публия Клодия через Капенские ворота и потащили паланкин к его новому дому с видом на долину Мурции, Большой цирк, Тибр и Яникул.

Прибежала Фульвия с развевающимися волосами, настолько потрясенная, что не могла ни кричать, ни плакать. Она молча раздвинула занавески, оглядывая останки супруга: его внутренности, запихнутые обратно в живот, его кожу, белую, как парийский мрамор, его оголенный поцарапанный пенис.

– Клодий, Клодий! – раздался наконец пронзительный крик, безутешный, отчаянный, протяжный.

Убитого положили на самодельные похоронные дроги, установленные в саду перистилия, но ничем не прикрыли его наготы, чтобы члены «Клуба Клодия» видели, что с ним сотворили. Вскоре в саду собрались почти все: Курион, Антоний, Планк Бурса, Помпей Руф, Децим Брут, Попликола и Секст Клелий.

– Милон, – прорычал Марк Антоний.

– Мы этого точно не знаем, – возразил Курион.

Он стоял возле Фульвии, неотрывно смотревшей на мужа.

– Мы знаем! – послышался новый голос.

Тит Помпоний Аттик прошел прямо к Фульвии и опустился рядом с ней на кушетку.

– Бедная девочка, – с нежностью сказал он. – Я послал за твоей матерью. Скоро она будет здесь.

– Как ты узнал? – спросил с подозрением Планк Бурса.

– От моего кузена Помпония, который сопровождал его в этой поездке, – ответил Аттик. – Их четверых охраняли тридцать рабов, но у Милона людей было впятеро больше. – Он показал на тело товарища. – И вот результат, хотя мой кузен и не видел, как это было. Он только видел, как Биррия метнул копье. Оно вошло в плечо Клодию, но рана была несмертельной. И Клодий настоял, чтобы Помпоний, Скола и Гай Клодий поскакали в Бовиллы за помощью, а сам остался в придорожной таверне. А когда они вернулись, все было кончено. Клодий лежал на дороге голый, с распоротым животом, трактирщик тоже был мертв. Нанятые селяне в испуге сбежали. Товарищи Клодия ударились в панику. Недостойно, конечно, но так уж получилось. Они сочли, что Милон непременно убьет их. Я не знаю, где двое других, но мой кузен добрался с ними до Арриции, а потом прибежал ко мне.

– Неужели никто ничего не видел? – воскликнул сквозь слезы Антоний. – Мне и самому иной раз хотелось стереть Клодия в порошок, но я любил его!

– Кажется, никто, – сказал Аттик. – Это случилось на пустынном отрезке дороги, во владениях Сертия Калла. – Он взял холодную руку Фульвии и принялся осторожно ее растирать. – Дорогая, здесь зябко. Ступай в дом.

– Я должна быть тут, – прошептала она, мерно раскачиваясь и не сводя глаз с мужа. – Он мертв, Аттик! Разве это возможно? Он мертв! Как мне смотреть в глаза детям? Что мне им сказать?

Аттик нашел взглядом Куриона и кивнул ему:

– Твоя мать все скажет им, Фульвия. Ступай отдохни.

Курион поднял ее, повел, и она подчинилась. Прежде строптивая, упрямая, непокорная, она сделалась неожиданно кроткой. На пороге ноги ее подкосились. Аттик подскочил к Куриону, и они вдвоем внесли Фульвию в дом.

Секст Клелий, руководивший бандами Клодия в эти дни, пройдя учебу у Децима Брута, не мог похвастать древностью рода и не входил в состав «Клуба Клодия», однако все знали его. И, пребывая в состоянии ступора, охотно позволили ему взять роль распорядителя на себя.

– Я предлагаю отнести тело Клодия на Форум и положить на ростре, – непререкаемым тоном произнес он. – Весь Рим должен видеть, что сделал Милон с человеком, затмевавшим его, словно солнце луну.

– Но сейчас темно! – возразил невпопад Попликола.

– Не на Форуме. Слух уже пущен, факелы зажжены. Беднота собирается. Эти люди должны знать, что случилось с защитником их неотъемлемых прав!

– Да, – сказал вдруг Антоний и скинул тогу. – Давайте возьмитесь кто-нибудь за шесты в изножье, а я возьмусь с головы.

Децим Брут неутешно рыдал, поэтому к мертвецу поспешили Попликола и Помпей Руф.

– Что с тобой, Бурса? – сердито спросил Антоний, едва удерживая накренившиеся носилки. – Неужели не видишь, что Попликола ниже Руфа? Встань на его место!

Планк Бурса кашлянул:

– Вообще-то, мне надо провести жену. Она плохо себя чувствовала.

Антоний нахмурился, скаля мелкие ровные зубы:

– Какая еще жена, когда наш друг мертв? Ты что, Бурса, спятил? Живо смени Попликолу. Или узнаешь, каково было Клодию, когда я возьмусь за тебя!

Бурса подчинился.

Слухи действительно уже ширились. По улицам двигались толпы людей с факелами. Они расступались перед носилками, издавая возмущенные восклицания.

– Видите? – громко вскрикивал Клелий. – Видите, что с ним сделал Милон?

Рокот толпы все нарастал и усилился втрое, когда тело Клодия стали спускать с холма. Настоящий атлет, Марк Антоний повернулся, вскинул свой край носилок над головой и так, спиной, пошел по лестнице вниз, не оборачиваясь и ни разу не оступившись. Его рыжеватые кудри пылали в отблесках факелов. Форум притих. Женщины плакали, мужчины стонали.

Через всю площадь носилки пронесли к ростре и выставили на всеобщее обозрение. Клелий обнял за плечи маленького рыдающего старичка.

– Вы все знаете, кто это, так ведь? – громко спросил он. – Это Луций Декумий! Самый старинный и самый преданный сторонник Клодия, давний его помощник и друг, посредник между ним и бедняками, замечательный гражданин, глава братства перекрестка! – Клелий взял Луция за подбородок и приподнял залитое слезами морщинистое лицо. – Видите, как он горюет? А теперь посмотрите на них!

Он повернулся и указал пальцем на курию Гостилия, дом сената, на чьих ступенях собралась небольшая группа сенаторов: радостно улыбающийся Цицерон, печальные, но не убитые горем Катон, Бибул и Агенобарб, встревоженные Манлий Торкват, Луций Цезарь и параличный Луций Котта.

– Видите их? – кричал Клелий. – Видите предателей Рима? Посмотрите на Марка Туллия Цицерона, он *улыбается*! Что ж, мы все знаем, что *он*-то ничего не потеряет от совершенного Милоном убийства!

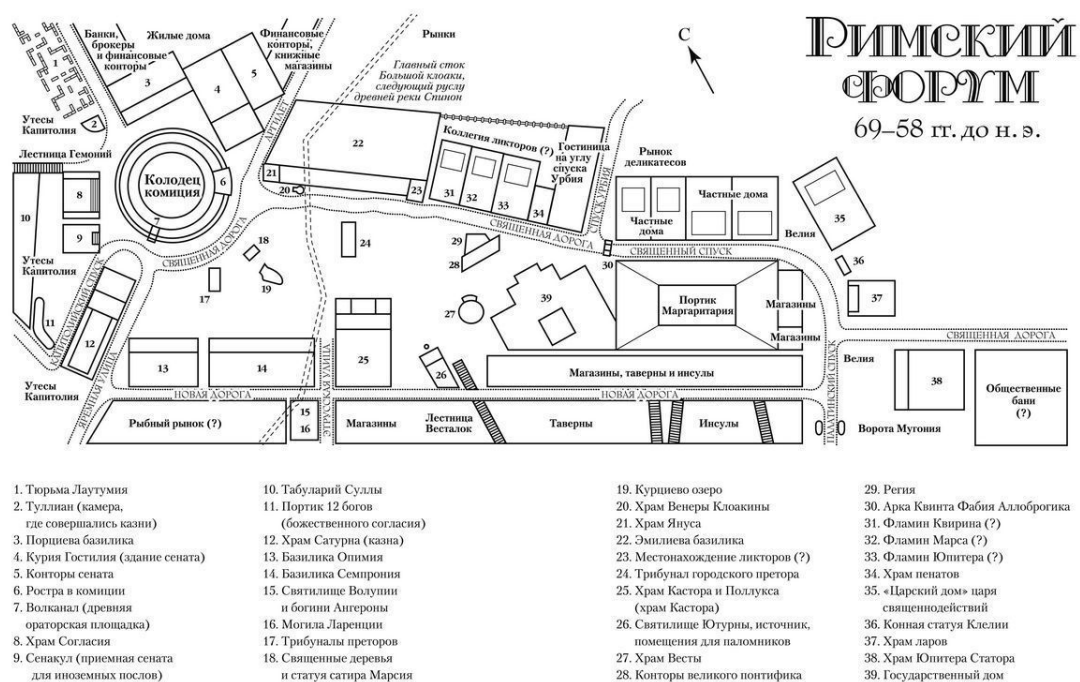
Клелий, сморгнув, перевел дыхание, а когда вновь взглянул на дом сената, то Цицерона там не обнаружил.

– О, он, наверное, подумал, что он – следующий! Ни один человек не заслуживает смерти больше, чем великий Цицерон, который казнил римских граждан без суда, пока его не отправил в ссылку тот несчастный, кто лежит перед вами. Иссеченный, истерзанный своим злей-

шим врагом. Все, что предлагал Публий Клодий, сенат отвергал! Что о себе возомнили люди, составляющие этот загнивающий орган? Почему мы их терпим? Почему они ставят себя выше нас? Выше меня! Выше мудрого Луция Декумия! Выше даже Публия Клодия, который был одним из них!

По толпе пошли завихрения. С каждым словом Клелия шум возрастал.

– Он бесплатно раздавал вам зерно! – кричал Клелий. – Он возвратил вам право собираться в своих коллегиях, право, которое вот тот человек, – произнес он, указывая на Луция Цезаря, – отнял у вас! Он обеспечивал неимущих работой, устраивал для вас превосходные игры! – Он сделал вид, что всматривается в море пылающих праведным негодованием лиц. – Здесь много вольноотпущенников. Каким другом он был для вас всех! Он дал вам право посещать игры, хотя все этому противились. Он хотел сделать вас полноценными римскими гражданами, распределить по тридцати одной привилегированной трибе!

Римский форум

Клелий умолк, всхлипнул, отер со лба пот.

– Но *они*, – крикнул он, не глядя ткнув рукой в курию Гостилия, – этого, разумеется, не хотели! *Они* знали, чем им это грозит! И они сговорились убить вашего любимого Публия Клодия! Такого бесстрашного и целеустремленного, которого ничто, кроме смерти, сдержать не могло! Они понимали это! Они все учли. И сплели сети подлой интриги. Нет, не только громила Милон – *все* сенаторы убивали его! Милон был лишь орудием в их грязных руках! И я утверждаю, что есть один только способ обращения с ними! Покажем им силу нашего горя! Покончим с ними, пока они не прикончили нас! – Он посмотрел на ступени курии и в притворном ужасе отшатнулся. – Видите? Они все сбежали! У них нет мужества ответить за свои преступления! Но остановит ли это нас? *Остановит?*

Толпа забурилась, факелы взметнулись к небу. В ответ гроыхнуло единодушное:

– Нет!

Попликола придвинулся к оратору ближе. Марк Антоний, Планк Бурса, Помпей Руф и Децим Брут, наоборот, в тревоге отступили, ощущая некоторое беспокойство. Двое из них были плебейскими трибунами, один недавно прошел в сенат, а еще один только об этом и

мечтал. Обличения Клелия возымели на них то же действие, что и на сбежавших сенаторов, с той лишь разницей, что им некуда было бежать.

– Тогда проявим наше единство! – крикнул Клелий. – Положим Публия Клодия в курии и посмотрим, посмеет ли кто-то убраться отсюда!

Передние ряды толпы бросились к ростре. Носилки Клодия, взметнувшись над головами, поплыли к массивным бронзовым, с виду несокрушимым дверям. В один миг их обрушили внутрь, сорвав с огромных петель. Тело Клодия исчезло в курии. Толпа последовала за ним, все круша и сметая.

Бурса каким-то образом смылся. Марк Антоний, Децим Брут и Помпей Руф оцепенело смотрели на весь этот кошмар.

Антоний пришел в себя первым и завертел головой. В глаза ему бросилось маленькое морщинистое и заплаканное лицо. Луций Декумий по-прежнему проливал горячие слезы. Марк Антоний не любил разводить сантименты, но знал старика еще по Субуре, а потому подошел к нему и крепко обнял.

– Где твои сыновья, Декумий? – спросил он.

– Не знаю и не интересуюсь.

– Такому старому человеку давно пора спать.

– Я не хочу спать. – Старик поднял заплаканные глаза и узнал того, кто говорил с ним. – О Марк Антоний, они все уходят! – воскликнул он уныло. – Она разбила мне сердце и тоже ушла. Вслед за всеми!

– Кто разбил твое сердце, Декумий?

– Малышка Юлия. Я знал ее с малых лет. И Цезаря знал с малых лет. И с Аврелией мы познакомились, когда ей было всего восемнадцать. Я устал от переживаний, Антоний! И больше ничего этого не хочу!

– Но Цезарь пока еще с нами, Декумий.

– Однако я никогда уже не увижу его. Цезарь велел мне позаботиться, чтобы до его возвращения с Клодием ничего не случилось. Но я не сумел за ним уследить. И никто не сумел бы, поверь мне, Антоний!

Вдруг толпа закричала. Антоний взглянул на курию Гостилия и весь напрягся. Здание было очень старое, без окон, но высоко под фресками, украшающими фасад, шли большие решетки для доступа воздуха. Сейчас они сияли красным пульсирующим светом и выпускали струйки дыма.

– Юпитер! – крикнул Антоний. – Они подожгли здание сената!

Луций Декумий извернулся, как угорь, и был таков. Пораженный Антоний смотрел, как древний старик с невероятным проворством пробирается через толпу погромщиков, текущую вниз по ступеням. Теперь пламя вырывалось из дверного проема, но Луция Декумия это не остановило. Миг – и его маленькая фигурка исчезла в огне и дыму.

Удовлетворенная и уставшая толпа понемногу покинула Форум. Антоний и Децим Брут поднялись по лестнице Весталок наверх, где замерли, наблюдая за грандиозным пожаром, ставшим для Публия Клодия погребальным костром. За зданием курии Гостилия на Аргилете располагались конторы сената, в которых находились драгоценные протоколы собраний, сенаторские декреты, называемые *consulta*, фасты с перечислением всех магистратов, которые когда-либо занимали государственные должности. С другой стороны от курии, на спуске Банкиров, стояла Порциева базилика, штаб плебейских трибунов, где находились также конторы банкиров, хранившие множество невосполнимых записей. Базилику построил Катон Цензор. Это было первое подобное строение, украсившее Форум. Хотя эту небольшую, неяркую базилику давно уже заслонили более помпезные постройки, она была частью *mos maiorum*. Напротив курии Гостилия, на другом углу Аргилета, стояла изящная базилика Эмилия, которую все еще реставрировал Луций Эмилий Павел, стараясь довести ее до совершенства.

И все они горели.

– Я любил Клодия, но он уничтожил бы Рим, – сдавленно выдохнул Марк Антоний.

– Я тоже любил его, – откликнулся Децим Брут. – И искренне полагал, что он сможет улучшить работу сената. Однако он потерял чувство меры. Затея с вольноотпущенниками погубила его.

– Я полагаю, – задумчиво сказал Антоний, – что теперь все успокоятся и наконец изберут меня квестором.

– А я отправлюсь к Цезарю в Галлию. Увидимся там.

– Ха! – воскликнул Антоний. – Наверняка жеребьевка забросит меня на Сардинию или на Корсику.

– О нет, – усмехнулся Децим Брут. – Нас обоих ждет Галлия. Цезарь затребовал тебя, Антоний. Он сообщил мне об этом в письме.

И Антоний отправился домой, чувствуя себя много лучше.

В ту ужасную ночь произошло еще кое-что. Небольшая группа горожан под водительством Планка Бурсы отправилась за Сервиеву стену на Эсквилинское поле, где в храме Венеры Либитины хранились фасции, которые некому было вручить, поскольку выборы не состоялись. С этими фасциями они проделали весь путь с южной окраины города до Марсова поля и встали у виллы Помпея, требуя, чтобы тот принял знаки высшей власти и взял на себя обязанности диктатора. Но в доме было темно, и никто к ним не вышел. Узнав, что Помпей уехал на свою виллу в Этрурии, со стертыми ногами они потащились к домам Плавтия и Метелла Сципиона на вершине Палатинского холма, чтобы просить их принять фасции. Но двери оказались закрыты, и им никто не ответил. Несчастный и испуганный Бурса поспешил улизнуть сразу после неудачи у виллы Помпея. На рассвете группа, оставшаяся без вожака, возвратила фасции в храм Венеры Либитины.

Рим брошен, никто не хочет им править. Так думали все – и мужчины и женщины, пришедшие поглазеть на дымящиеся руины их великой истории. По ним уже ползали нанятые Фульвией работники в специальной обуви, в масках, в перчатках. Они палками ворошили еще горячие уголья, надеясь найти прах Публия Клодия. Наконец кое-что нашли, чтобы заполнить урну, отделанную золотом и драгоценностями. Клодия необходимо было похоронить, пусть и не за государственный счет. Сама Фульвия, разбитая горем, подчинилась матери, и прах с Фोरума унесли.

Катон и Бибул в ужасе оглядывали пожарище.

– О Бибул, базилики Катона Цензора больше не существует, а у меня нет средств, чтобы возвести ее заново! – стenal Катон, озирая обвалившиеся почерневшие стены.

Колонна, так досаждавшая плебейским трибунам, торчала из балок провалившейся крыши, как остаток гнилого зуба.

– Ты можешь использовать приданое Порции, – сказал Бибул. – Я без него обойдусь, да и Порция тоже. Кроме того, Брут в любой день может вернуться. Он тоже даст денег.

– Утрачены все протоколы заседаний сената! – продолжал жаловаться Катон. – И речи великого Катона Цензора не сохранились для потомства.

– Это страшное бедствие, но, по крайней мере, нам теперь не грозит засилье вольноотпущенников.

Для сенаторов Рима это было главным утешением.

То же самое думал и Луций Домиций Агенобарб, взявший в жены сестру Катона и отдавший некогда за Бибула одну из своих сестер. Невысокий, коренастый, без единого волоска на гладком лоснящемся черепе, он не обладал ни напористостью одного из поджидавших его друзей, ни острым умом второго, но был невероятно упрям и безгранично предан *boni* – «хорошим людям», ультраконсервативной фракции сената.

- До меня только что дошел потрясающий слух! – сообщил он, задыхаясь.
- Какой? – равнодушно спросил Катон.
- Что Милон был в Риме во время пожара!
- Оба друга уставились на Агенобарба.
- Не может быть, у него не хватило бы смелости, – промямлил Бибул.
- Но мой информатор клянется, что видел, как Милон наблюдал за пожаром с Капитолийского холма. И хотя двери его дома были заперты, внутри кто-то находился. Явно не слуги.
- Кто же подбил его на убийство? – спросил вдруг Катон.
- А была ли в том нужда? – удивился Агенобарб. – Он и Клодий всегда были врагами.
- Но до убийства не доходило, – сказал Бибул. – Кажется, я могу назвать подстрекателя.
- И кто он? – спросил, встрепенувшись, Агенобарб.
- Разумеется, Помпей. А за ним стоит Цезарь.
- Но это ведь сговор! – ахнул Агенобарб. – Помпей, конечно, дикарь, но дикарь осторожный. Цезарь сейчас в Галлии, а Помпей досягаем. Зачем ему себя так подставлять?
- Если нет доказательств, о чем ему беспокоиться? – бросил с презрительной миной Катон. – Он публично порвал с Милоном больше года назад. С этой стороны к нему не подъедешь.
- Вот-вот, – улыбнулся Бибул. – И приручить пиценского дикаря становится нашей первоочередной задачей. Если он настолько услужлив, что готов так прогибаться ради Цезаря, подумайте, что он может сделать для нас! Где Метелл Сципион?
- Заперся в своем доме, после того как к нему пришли с фасциями.
- Тогда, – сказал Катон, – мы войдем к нему со двора.

После сорока лет крепкой дружбы Цицерон и Аттик поссорились. Цицерон, всегда страшно боявшийся Публия Клодия, воспринял весть о его смерти с восторгом, а Аттик искренне горевал.

– Я не понимаю тебя, Тит! – кричал Цицерон. – Ты один из самых влиятельных всадников в Риме! Ты огребаешь проценты с каждого римского предприятия, Клодий сделал бы тебя своей главной мишенью! А ты скорбишь по нему, как по близкому человеку! Я вот не скорблю! Наоборот, я рад!

– Никто не должен радоваться преждевременной потере Клавдия Пульхра, – твердо сказал Аттик. – Он был братом одного из моих самых дорогих друзей, Аппия Клавдия. Он был умен и достаточно образован. Мне нравилось бывать в его компании, и я буду скучать без него. И мне жаль его маленькую жену, которая так любила его. – Костлявое лицо Аттика стало задумчивым. – Страстная любовь редко встречается, Марк. Она не заслуживает, чтобы ее обрывали в самом расцвете.

– Фульвия? – взвизгнул в ярости Цицерон. – Эта вульгарная шлюшка? Имевшая наглость брюхатой являться на Форум и костерить противников своего муженька! Стыд, да и только! О Тит, перестань! Она, возможно, и внучка Гракха, но Семпронии и Фульвии вряд ли ею гордятся!

Аттик вдруг сжал губы и встал:

– Иногда, Цицерон, ты ведешь себя как махровый ханжа! Ты должен быть осторожен: за твоими арпинскими ушами все еще торчит солома! Ты хуже грязной сплетницы с окраины Лация и даже не помнишь, что ни один Туллий не осмеливался сунуть нос в Рим, когда Гай Гракх расхаживал по Форуму!

И он покинул гостиную, оставив хозяина в совершеннейшем изумлении.

– Что с тобой? И где Аттик? – пролаяла с порога Теренция.

– Думаю, побежал к Фульвии, чтобы плясать перед ней.

– Но она ему всегда нравилась. Хотя бы тем, что с пониманием относилась к его страсти к мальчикам.

– Теренция! Аттик женат, у него есть ребенок!

– Разве это что-то доказывает? – строго спросила Теренция. – Право, Цицерон, ты стареешь.

Цицерон вздрогнул, поморщился, но ничего не сказал.

– У меня есть к тебе разговор.

Он показал на дверь своего кабинета:

– Пройдем туда? Там нас не услышат.

– Мне все равно.

– Тогда, может быть, останемся здесь, дорогая?

Она бросила на него подозрительный взгляд, но решила ссоры не затевать.

– Туллия хочет развестись с Крассипом.

– Ну что там опять случилось? – раздраженно поморщился Цицерон.

Некрасивое лицо Теренции сделалось совершенно непривлекательным.

– Бедная девочка совсем извелась, вот что случилось! Крассип относится к ней как к собачьему дерьму, в которое нечаянно вляпался! И где те надежды, что он подавал? Он лентяй и дурак! Это же ясно. Хотя ты этого почему-то не понимаешь.

Цицерон нервно потер руками лицо:

– Теренция, я давно знаю, что он – полный ноль, но этот развод снова ввергнет меня в большие финансовые проблемы. Шутка ли, собрать Туллии очередное приданое? Крассип ведь не отдаст полученные от меня деньги. Сотни тысяч сестерциев пропадут, а мне снова придется собирать для нее приданое! Она не может оставаться одна, как Клодия. Разведенная женщина в Риме – мишень для сплетен!

– А я и не говорю, что она хочет жить в одиночестве, – с загадочным видом проговорила Теренция.

Цицерон, думая о приданом, не вник в подоплеку этого замечания:

– Ах, она очень хорошая девочка и, к счастью, весьма привлекательная. Но кто к ней теперь посватается? После двух мужей в свои двадцать пять она так и не родила. Теренция, слушай, она не бесплодна?

– В этом отношении у нее все в порядке, – уверенно заявила Теренция. – Пизон Фруги был так болен, что совсем обессилел, а Крассип сам не хочет детей. Туллия нуждается в настоящем мужчине. – Теренция неожиданно фыркнула. – Если она найдет такого, ей повезет больше, чем мне.

Цицерон не услышал насмешки, он вдруг вспомнил одно имя. Почему – непонятно. Просто вспомнил. Стопроцентный патриций, богач. И уж наверняка горазд на все прочее.

Он просиял, забыв и об Аттике, и о Фульвии:

– Я знаю такого человека! Не нуждающегося в солидном приданом! Это Тиберий Клавдий Нерон!

Тонкогубый рот Теренции округлился.

– Нерон?

– Нерон. Он очень молод, но метит в консулы.

– Бред! – прорычала Теренция и ушла.

Цицерон пораженно мотнул головой. Да что с ним сегодня? Что стряслось с его золотым языком? Он никого не может ни в чем убедить. Это все Клодий.

– Это все Клодий! – сказал он вошедшему Марку Целию Руфу.

– Я знаю, – усмехнулся Целий, обнимая друга за плечи и подталкивая в сторону кабинета. – Почему ты не в кабинете? Или ты теперь держишь вино здесь?

– Нет, вино там, – облегченно вздыхая, сказал Цицерон.

В кабинете он наполнил вином две чаши, добавил в них воды и спросил:

– Что привело тебя? Тот же Клодий?

– Отчасти, – ответил Целий, хмурясь.

По выражению Теренции, он тоже был настоящим мужчиной. Высоким, достаточно красивым и достаточно мужественным, чтобы привлечь к себе сестру Клодия Клодию и удерживать ее в течение нескольких лет. А потом – оттолкнуть, чего Клодия ему не простила. В результате был громкий суд, но Целия защищал Цицерон. Он столь красочно описал скандальное поведение потерпевшей, что жюри с удовольствием отмело обвинение в покушении на убийство Клодии. Обвинения множились, но Целий вышел сухим из воды. Публий Клодий пришел в ярость, но ничего с этим поделать не мог.

В этом году Целий был плебейским трибуном в коллегии, которая в большинстве своем выступала за Клодия и против Милона. Но Целий упорно стоял за Милона.

– Я видел Милона, – сообщил он, устроившись удобнее.

– Это правда, что он опять в городе?

– Да. Залег на дно и выжидает, в какую сторону подует ветер. Очень недоволен Помпеем, покинувшим Рим.

– Всех, с кем я говорил, удручает смерть Клодия.

– Меня – нет! – резко ответил гость.

– Хвала богам! – Цицерон покрутил в чаше вино, посмотрел на него, вытянул в трубочку губы. – И что Милон намеревается делать?

– Начать собирать голоса. Он хочет стать консулом. Мы долго беседовали и согласились, что лучше всего ему вести себя так, словно ничего экстраординарного не произошло. Клодий встретил Милона на Аппиевой дороге и напал на него. Он был жив, когда Милон счел за лучшее отступить. Вот как все было.

– Ну-ну!

– Как только запах гари на Форуме улетучится, я созову плебейское собрание, – сказал Целий, протягивая свою чашу за очередной порцией разбавленного вина. – Пусть Милон сам разъяснит им подробности дела.

– Отлично!

Они помолчали. Потом Цицерон неуверенно произнес:

– Надеюсь, Милон освободил всех рабов, что там были.

Целий усмехнулся:

– О да! Иначе их пытали бы. А под пыткой можно сказать что угодно. Поэтому Милон их освободил.

– Надеюсь, до суда не дойдет, – сказал Цицерон. – Не должно бы дойти. Самозащита есть самозащита.

– Суда не будет, – уверенно сказал Целий. – К тому времени как изберут преторов, чтобы разобрать это дело, все уже позабудут о нем. Одно хорошо в нынешней анархии: если какой-нибудь плебейский трибун, например Саллюстий Крисп, попытается организовать судилище прямо сейчас, я наложу вето. И скажу Саллюстию, что я думаю о том, кто использует несчастный случай, чтобы отомстить человеку, некогда подвергнутому его порке за посягательства на добродетель своей жены.

Они улыбнулись.

– Хотел бы я точно знать, какова роль Помпея во всем этом, – раздраженно сказал Цицерон. – Он сделался таким замкнутым, скрытным.

– Помпей Магн страдает от чрезмерно раздутого самомнения, – ответил Целий. – Я никогда не считал, что Юлия оказывала на него положительное влияние, но теперь, когда ее нет, пересмотрел свое мнение. При ней он был собран, деятелен и не лез ни в какие дразги.

– Я склонен поддержать его выдвижение на пост диктатора.

Целий пожал плечами:

– А я еще в нем не уверен. По справедливости, Магн должен встать за Милона. Если он это сделает, я его поддержу. – Он скривился. – А Помпей выжидает. Смотрит, куда подует ветер на Форуме.

– Тогда постарайся, чтобы твоя речь в защиту Милона потрясла всех.

И речь Целия действительно была потрясающей. Милон в ослепительно-белой тоге кандидата в консулы слушал ее со скромным и заинтересованным видом. Хорошая тактика – ударить первому, да и Целий был прекрасным оратором. После он попросил Милона изложить свою версию столкновения с Клодием, которая была выслушана молча, без оскорбительных реплик. Поскольку речь была тщательно продумана, звучала она убедительно. Плебс колебался. Выходило, что Клодий сам напросился на хорошую трепку. Он был известным задирой, его шайки будоражили город задолго до появления противоборствующих им сил. Кроме того, этот смутьян одинаково презирал как первый, так и второй классы.

Сам Милон с Форума направился к Марсову полю. Помпей определенно уже должен быть у себя.

– Прошу прощения, Тит Анний, – сказал ему слуга, – но Гней Помпей никого сегодня не принимает.

Взрыв смеха, донесшийся из дальних комнат, перекрыл звучный голос хозяина дома.

– О Сципион, какой смешной анекдот!

Милон напрягся. Сципион? Что Метелл Сципион делает у Помпея? Обливаясь холодным потом, он поспешил вернуться в Рим.

Помпей всегда отделялся туманными фразами. Неужели он неправильно его понял? «Тебя порой посещают весьма дельные мысли!» – вот все, что сказал тогда этот хитрец. «Отделайся от Клодия, и я награжу тебя», – слышалось в этих словах. Но так ли было на деле? Милон облизал пересохшие губы, сглотнул слюну и сообразил, что его сердце колотится так бурно совсем не от быстрой ходьбы.

– Юпитер! – громко вскричал он. – Магн подставил меня! И заигрывает с *boni*. Я просто инструмент в его хитрой игре. Да, я нравлюсь *boni*, но что будет, если им больше понравится Магн?

Он шел к Помпею, чтобы сказать ему, что снимает свою кандидатуру на должность консула. Но теперь – нет. *Nem!*

Планк Бурса, Помпей Руф и Саллюстий Крисп снова созвали плебейское собрание, чтобы ответить Целию и Милону. Собрались те же люди. Лучшим оратором среди них был Саллюстий.

– Абсолютная чушь! – кричал он в своей завершающей речи. – Назовите мне хоть один веский резон, по которому человек с тридцатью рабами, вооруженными лишь мечами, может решиться напасть на отряд, состоящий из ста пятидесяти головорезов в кирасах, шлемах и поножах! При мечах, при кинжалах и пиках. Бред! Ерунда! Публий Клодий был не дурак! Сам Цезарь в такой ситуации не пошел бы в атаку! Нет! Он, правда, способен и с горсткой людей творить чудеса, квиниты, но только в условиях, обеспечивающих победу! Разве Аппиева дорога подходящее поле боя для группы гражданских, сильно уступающих числом сопернику? Ровная, как доска, где невозможно ни сманеврировать, ни найти укрытие! И почему, даже если Клодий напал, должен был умереть скромный и беззащитный хозяин таверны? Нам говорят, его убили люди Клодия! Но зачем? Нет, это гнусное преступление совершено в интересах Милона, устранившего невольного свидетеля еще более гнусного преступления! Задумайтесь, зачем он освободил всех составлявших его охрану рабов? И так щедро вознаградил, что они разбежались, как тараканы? Их теперь нет возможности разыскать! И как умно с его стороны

было прихватить с собой истеричку-супругу! Единственный человек, который мог бы нам все прояснить, Квинт Фуфий Кален был так занят в повозке с впавшей в панику женщиной, что ничего не видел, и я ему верю, ибо нрав этой женщины хорошо известен всем нам!

Вокруг захихикали.

– Так что пролить свет на обстоятельства гибели Публия Клодия может лишь его убийца – Милон!

Саллюстий замолчал, усмехнулся, довольный тем, что выбил у Целия оружие, лишив возможности напомнить всем о его связи с Фавстой. Затем, набрав в грудь воздуха, перешел к заключительной стадии обличения:

– Весь Рим знает, что влияние Публия Клодия порой было разрушительным, и многие из нас осуждали его стратегию и тактику, но то же самое можно сказать и о Милоне, чьи методы были еще менее законными. Они с Клодием очень не ладили между собой, но скажите, зачем убивать человека, мешающего твоему политическому продвижению? Разве нельзя справиться с ним по-иному? Убийство – это не римский путь! Убийство указывает на еще более омерзительные вещи. Убийство, квириты, – это подрыв устоев государства! Ведь если вдуматься, что может быть проще? Человек становится у тебя на дороге, и ты убиваешь его! Никаких хлопот. Врага больше нет, и дорога свободна. Клодия Милон убил первым. Но станет ли Клодий последним в этом списке? Вот вопрос, которым мы все должны задаться! Кто из нас может похвастать такой охраной, как у Милона? На Аппиевой дороге с ним было сто пятьдесят человек! В кирасах, шлемах и поножах! С мечами, с кинжалами, с пиками! Эскорт Публия Клодия не шел ни в какое сравнение с этой армией! Зачем Милону подобное войско? Я утверждаю: чтобы захватить в Риме власть. Это он нагнетает страх. Это он задумал серию убийств! Кто будет следующим? Плавтий, еще один кандидат на консульскую должность? Метелл Сципион? Квириты, пока не поздно, остановите этого сумасшедшего! Да ограничится список его кровавых расправ лишь одной жертвой!

Не осталось больше ступеней сената, на которых можно было стоять, но большинство сенаторов стояли в колодце комиция и слушали. Когда Саллюстий замолчал, из колодца раздался голос Гая Клавдия Марцелла-старшего.

– Я немедленно созываю сенат! – громко выкрикнул он. – В храме Беллоны на Марсовом поле!

– Процесс пошел, – шепнул Катону Бибул. – Встречу назначили там, где Помпею от нее не увернуться.

– Они вновь начнут просить его стать диктатором, – сказал Катон. – А я этого не хочу!

– Я тоже. Но, полагаю, речь пойдет не о том.

– Тогда о чем?

– О *senatus consultum ultimum*. Нам нужно ввести законы военного времени, и кто лучше Помпея обеспечит их исполнение? Но не в роли диктатора.

Бибул оказался прав. Если Помпей и был разочарован ходом собрания, то не подал виду. Он сидел в *toga praetexta* в первом ряду среди консуляров и внимательно слушал дебаты. С видом глубокой заинтересованности.

А когда Мессала Руф предложил сенаторам принять *senatus consultum ultimum*, дающий право Помпею созывать войско для защиты государства, но не в качестве диктатора, Помпей любезно согласился, не выказав сожаления или раздражения.

Мессала Руф с готовностью уступил ему кресло. Как старшему консулу прошлого года, ему волей-неволей приходилось вести заседания, но он ничего не мог предпринять, разве что организовать назначение интеррекса. Но и этого не сумел сделать.

А Помпей сумел. Тут же принесли большой кувшин с водой, в него побросали маленькие деревянные шарики с именами всех патрициев, глав декурий. Кувшин накрыли крышкой, а потом раскрутили, в результате чего из носика выскочил первый жребий. На нем стояло:

Марк Эмилий Лепид. Но жеребьевка не кончилась, пока все деревянные шарiki не выскочили наружу. Это не значило, что ожидалась бесконечная карусель интеррекссов, как случилось в прошлом году, просто таков был порядок. Все с большой долей уверенности полагали, что второй интеррекс Мессала Нигер успешно проведет выборы и положит конец безвластию в Риме.

– Было бы нелишним, – сказал Помпей, – если бы коллегия понтификов вставила дополнительные двадцать два дня в календарь этого года по завершении февраля. Високосный месяц сделает срок правления будущих консулов почти полным. Это возможно? – спросил он у Нигера, ибо тот был понтификом.

– Безусловно, – ответил сияющий Нигер.

– Еще я предлагаю принять декрет, согласно которому в Италии и Итальянской Галлии ни один римский гражданин мужского пола в возрасте от семнадцати до сорока лет не будет освобожден от военной службы.

Все в один голос крикнули:

– Да!

Удовлетворенный Помпей распустил собрание и вернулся на свою виллу, где вскоре появился и Планк Бурса, которому, уходя, Помпей кивнул, приглашая его к себе.

– Надо кое-что сделать, – сказал Помпей, с удовольствием растягиваясь на ложе.

– Все, что тебе желательно, Магн.

– Лучше послушай, что мне не желательно. Это выборы. Ты, конечно, знаком с Секстом Клелием?

– Да. Когда горел Клодий, он неплохо управлялся с толпой. Не знатен, но очень полезен.

– Ну-ну. Кажется, он заправлял шайками Клодия? Теперь я хочу, чтобы он поработал и на меня.

– И?

– Мне не нужны выборы, – повторил с нажимом Помпей. – Пусть Клелий посмотрит, что тут можно сделать. Милон все еще хочет стать консулом, и, если он добьется успеха, с ним будет не сладить. А мы совсем не хотим, чтобы в Риме истребили всех Клавдиев, так ведь, Бурса?

Планк Бурса громко прокашлялся:

– Осмелюсь посоветовать, Магн. Тебе надо бы окружить себя очень сильной и до зубов вооруженной охраной. И пустить слух, что Милон тебе угрожал. Что якобы ты боишься сделаться очередной его жертвой.

– Отличная мысль! – воскликнул довольный Помпей.

– Рано или поздно Милона осудят, – продолжил Бурса.

– Определенно. Но... не сейчас. Подождем и посмотрим, что будет, когда интеррексы не сумеют организовать выборы.

К концу января закончились полномочия второго интеррекса, их взял на себя третий патриций. Волнения в Риме приобрели столь грозный размах, что даже в четверти мили от Форума все конторы и лавки были закрыты. Что привело к увольнениям и подлило масла в огонь. А Помпей, вроде бы обязанный заботиться о государственной безопасности, лишь разводил руками, широко раскрывая некогда неотразимые голубые глаза. Да, в Риме сейчас неспокойно, но ведь революции нет. И значит, вся власть должна быть сосредоточена в руках интеррекса.

– Он метит в диктаторы, – сказал Метелл Сципион. – Он об этом не говорит, но думает, это точно.

– Этого нельзя допустить, – отрезал Катон.

– Этого и не будет, – спокойно заверил его Бибул. – Мы постараемся осчастливить Помпея, привязать его к нам и направить против настоящего врага. Против Цезаря.

Врага, который вдруг вторгся в безоблачный мир Помпея, да еще в такой манере, которая совсем тому не понравилась. В последний день января он получил из Равенны письмо.

Я только что узнал о смерти Публия Клодия, Магн. Это ужасно. К чему идет Рим? Ты должен незамедлительно окружить себя верной охраной. Дело дошло до крайностей, под удар попадает каждый, а ты – в первую очередь, и по многим причинам, которых мне нет надобности перечислять.

Мой дорогой Магн, у меня к тебе есть три дела. Первое: как сообщают мои осведомители, ты уже лично просил Цицерона повлиять на Целия, заставить его перестать причинять тебе неприятности и поддерживать Милона. Я был бы благодарен тебе, если бы ты попросил Цицерона приехать в Равенну. Здесь замечательный климат, он отдохнет, поймет, что нас двое, и заставит Целия замолчать.

Второе дело весьма деликатного свойства. Мы с тобой дружим почти восемь лет. Шесть из них ты провел в обществе нашей любимицы Юлии, но вот уже семнадцать месяцев ее нет с нами. Срок достаточный, чтобы смириться с потерей и, как бы она ни была для нас тяжела, начать устраивать дальнейшую жизнь. Может быть, пришло время подумать об укреплении наших отношений через новые брачные узы. Это лучший способ показать Риму, что мы заодно. Я уже переговорил с Луцием Пизоном. Тот будет счастлив, если я разведусь с его дочерью, выделив ей приличное состояние. Бедняжка Кальпурния полностью замкнута в женском мирке Государственного дома и ни с кем не видится с тех пор, как моя мать умерла. Ей следует дать возможность найти хорошего мужа, пока она молода. С возрастом женщине все труднее найти себе подходящую пару. Фабия и Долабелла тому пример.

Я понимаю, что твоя дочь Помпея несчастлива с Фавстом Суллой, особенно с тех пор, как его сестра-близнец Фавста вышла замуж за Милона. После смерти Публия Клодия Помпея вынуждена общаться с людьми, которые не по нраву ни ей, ни ее отцу. Я бы предложил ей развестись с Фавстом Суллой и выйти замуж за меня. Как ты мог убедиться, я благопристойный и разумный муж при условии, что моя жена будет вне подозрений. В дорогой Помпее есть все, чего я желал бы найти в жене.

А теперь о тебе, вдовеющем уже около полутора лет. Я очень хотел бы иметь еще одну дочь, чтобы предложить ее тебе в жены! К сожалению, второй дочери у меня нет. Есть племянница Атия, но, когда я снесся с Филиппом, пытаясь выяснить, как он отнесется к предложению развестись с ней, ответ был отрицательным, ибо Атия, по его мнению, – драгоценнейший перл. Если бы существовала еще одна Атия, я бы забросил свою сеть и туда, но, увы, счет моим племянницам не идет далее единицы. У нее, правда, имеется дочь от покойного Гая Октавия, но Цезарю и тут не везет. Мальшике Октавии всего тринадцать. Однако Гай Октавий оставил после себя еще одну дочь от Анхариш, своей прежней жены, и эта Октавия уже вошла в брачную пору. Она из почтенного рода Октавиев из южной части Лация, а в некоторых ветвях этой семьи имелись консулы и преторы, да ты и сам о том знаешь. И Филипп, и Атия будут рады отдать эту свою родственницу тебе.

Пожалуйста, обдумай мое предложение, Магн. Ты очень нравился мне как зять! Так почему бы и мне, в свою очередь, не побыть твоим зятем? Уверен, я тоже буду неплох в этой роли.

Третье дело попроще. Мое наместничество в обеих Галлиях и Иллирии закончится месяца за четыре до консульских выборов, на которых я намерен выставить свою кандидатуру повторно. Поскольку мы оба не раз подвергались нападкам со стороны

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.